

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Московский педагогический государственный
университет»

На правах рукописи

Кузьмин Илья Андреевич

Мир Востока в прозе Лоуренса Аравийского

Научная специальность 5.9.2. – Литературы народов мира
(филологические науки)

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Никола Мария Ивановна

Москва – 2024 год

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ.....	12
Глава 1. Историко-биографическая основа книги Лоуренса Аравийского «Семь столпов мудрости»	12
1.1. Миф о Лоуренсе в культурном пространстве Англии: основные вехи жизненного и творческого пути	12
1.2. Книга «Семь столпов мудрости» Лоуренса Аравийского и Арабское восстание (1916–1918) как ее историческая основа	26
1.3. Специфика и литературная традиция жанра военных мемуаров: книга «Семь столпов мудрости» в контексте истории жанра	35
1.4. Тема арабского Востока в европейской и английской литературе	53
Глава 2. Концепция арабского Востока в книге Лоуренса Аравийского «Семь столпов мудрости»	78
2.1. Ландшафт арабского Востока и его влияние на национальный характер в авторской трактовке Лоуренса Аравийского.....	78
2.2. Национальные традиции арабских племен в мемуарах «Семь столпов мудрости»	90
2.3. Лоуренс Аравийский о проявлениях арабской ментальности в условиях военных действий	102
Глава 3. Поэтика военных мемуаров Лоуренса Аравийского «Семь столпов мудрости»	117
3.1 Образ автора-повествователя в книге «Семь столпов мудрости»	117
3.2. Семантика заглавия книги «Семь столпов мудрости»	124
3.3. Мастерство создания портретной характеристики персонажей.....	132
3.4. Поэтика и функции пейзажа в книге «Семь столпов мудрости».....	148
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	165
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	177

ВВЕДЕНИЕ

Отражение взаимодействия народов и культур в письменных памятниках является значимой темой для научных исследований. Кардинальные перемены в межкультурной коммуникации случились в XX веке, когда научно-технический прогресс позволил странам и их жителям более активно участвовать в процессе международных контактов. Последующее движение навстречу глобализации обусловило появление специальной научной дисциплины — имагологии, целью которой является изучение образа страны и ее народа в глазах другой культуры. Главным источником для исследователей-имагологов являются письменные материалы, в особенности произведения литературы, как художественной, так и публицистической¹.

Среди литературных жанров, активно развивающих образ другого, выделяется также мемуарная литература. Мемуары, как жанр, претендуют на достоверность, они содержат факты, непосредственно увиденные и пережитые автором. Кроме того, мемуары выдающихся исторических деятелей нередко впечатляют глубиной осмысления материала. Порой их отличают также ярко выраженные художественные достоинства, благодаря чему такие книги в мемуарном жанре становятся интересными для исследователей-филологов. Одним из таких сочинений является произведение «Семь столпов мудрости»² (1926) английского военного, разведчика и дипломата Томаса Эдварда Лоуренса (1888–1935), более известного миру как Лоуренс Аравийский. Лоуренс обрел всемирную славу благодаря участию в Арабском восстании 1916–1918 годов, произошедшем в период Первой мировой войны (1914–1918). В ходе этого события многочисленные арабские племена, находившиеся под властью Османской империи в течение 4-х столетий, предприняли успешную попытку освобождения собственных земель, в чем были поддержаны Британской империей с целью ослабления турок, своего давнего противника. Лоуренс пробыл

¹ Трыков, В. П. Россия в литературе Франции: учебное пособие [Текст] / В. П. Трыков // М: МПГУ, 2019. – С. 7.

² Лоуренс, Т. Э. Семь столпов мудрости [Текст] / Т. Э. Лоуренс. – М.: ТЕРРА-Кн. Клуб, 2001. – 748 с. Далее при цитировании данного источника в скобках указывается номер страницы.

на Ближнем Востоке в течение тех двух лет, на которые пришлось восстание, а позже описал его события и участие в нем в своих мемуарах. Книга Лоуренса представляет значительный интерес также представленным в ней миром Востока.

Лоуренс Аравийский — фигура в отечественной литературной науке малоизученная. Практика показывает, что мемуаристы прошедшего столетия, к числу которых автор относится, не так интересны филологам, как, например, авторы романов, пьес или поэтических сборников представителей английской культуры. Причин этому можно найти несколько. Это, во-первых, сама личность автора и исторического деятеля — Томас Эдвард Лоуренс является героем англичан и, собственно, арабов, которым он и помогал, и эти события далеки от событий отечественной истории; во-вторых, его литературное творчество ввиду своей жанровой специфики уступает в известности более популярным и сугубо художественным литературным жанрам. Тем не менее, значимость данной авторской фигуры и самобытный художественный характер книги позволяет говорить о целесообразности ее рассмотрения в том числе как литературного памятника, в котором наиболее ярко воплотились личностные особенности автора и его писательские способности.

Степень изученности проблемы

В российской науке на данный момент не существует сколько-нибудь обстоятельных исследований, посвященных книге военных мемуаров Лоуренса Аравийского «Семь столпов мудрости», ни с филологической, ни с исторической точки зрения. Тем не менее, личность автора, будучи достаточно известной, получила определенное освещение в отечественных и заметное в англоязычных материалах, в первую очередь исторического и биографического характера. Среди них работы Р. Грейвса³, М. Корды⁴, М. Крамера⁵, Ф. Найтли⁶, М. Ярдли⁷ и др. Кроме того, существует несколько литературоведческих исследований, в которых

³ Graves, R. Lawrence and the Arabs: An Intimate Biography [Text] / R. Graves. – UK: Seven Stories Press, 2020. – 496 p.

⁴ Korda, M. Hero: The Life & Legend of Lawrence of Arabia [Text] / M. Korda. – Australia: Aurum, 2011. – 785 p.

⁵ Kramer, M. Six (make that seven) greatest stories ever told about the Middle East [Electronic resource] // Martin Kramer on the Middle East. Available at: <https://martinkramer.org/tag/books/page/2/> (accessed: 12.06.2024).

⁶ Knightley, P. The Secret Lives of Lawrence of Arabia [Text] / P. Knightley, C. Simpson. – London: Nelson, 1969. – 328 p.

⁷ Yardley, M. T.E. Lawrence: a biography [Text] / M. Yardley. – New York: Cooper Square Press, 2000. – 308 p.

упомянута или косвенно затронута книга «Семь столпов мудрости». К ним относятся работы Н.А. Мухина⁸, Е. С. Охотникова⁹, Е. А. Пильниковой¹⁰¹¹, С. С. Пронина¹², Л. М. Самарской¹³¹⁴.

Источниковедческой основой диссертации послужили исследования, косвенно затрагивающие образ автора и его мемуаров, а также исследования в области истории, культурологии, имагологии и жанрологии. Среди них работы Г. З. Алиева¹⁵, В. С. Барахова¹⁶, М. М. Бахтина¹⁷, Д. А. Вородина¹⁸, И. Н. Вострилова¹⁹, Г. Б. Л. Гарта²⁰, С. В. Глинниковой²¹, Г. Е. Гюбиевой²², С. Д. Кржижановского²³, Ю. Н. Мажариной²⁴, А. С. Мигаль²⁵²⁶²⁷²⁸²⁹, Н. П.

⁸ Мухин, Н. А. Место специальной лексики в идиостиле Т.Э. Лоуренса на материале книги “Семь столпов мудрости” [Текст] / Н. А. Мухин // Инязовские чтения совета молодых ученых МГЛУ. – 2024. – С. 137-142.

⁹ Охотников, Е. С. «Лоуренс Аравийский» как пример переосмыслиния колониализма в британском кинематографе [Текст] / Е. С. Охотников // Мир Евразии: от древности к современности: сборник материалов конференции. – 2023. – С. 316-321.

¹⁰ Пильникова, Е. А. Британская дипломатия в ходе арабского восстания 1916-1918 гг. [Текст] / Е. А. Пильникова // Проблемы науки. – 2018. – № 9 (33). – С. 1-5.

¹¹ Пильникова, Е. А. Лоуренс Аравийский и основные события Арабского восстания в 1917-1918 гг. [Текст] / Е. А. Пильникова // Проблемы науки. – 2019. – № 8 (44). – С. 1-4.

¹² Пронин, С. С. Арабское восстание 1916-1918 гг. в мемуарах Лоуренса Аравийского (к вопросу об образовании независимых государств на Ближнем Востоке) [Текст] / С. С. Пронин // Научно-исследовательская работа обучающихся и молодых ученых: материалы научной конференции. – 2019. – С. 123-125.

¹³ Самарская, Л. М. Арабский национализм в Палестине в начале XX в. [Текст] / Л. М. Самарская // Вестник МГИМО. – 2019. – № 4 (67). – С. 54-71.

¹⁴ Самарская, Л. М. Формирование границ Палестины в период установления британского мандата (1914—1923): дис. [...] канд. ист. наук [Текст] / Л. М. Самарская. – М., 2022. – 183 с.

¹⁵ Алиев, Г. З. Турция в период правления младотурок (1908—1918 гг.) [Текст] / Г. З. Алиев. – М.: Наука, 1972. – 388 с.

¹⁶ Барахов, В. С. Литературный портрет: (Истоки, поэтика, жанр) [Текст] / В. С. Барахов. – Ленинград: Наука: Ленингр. отд-ние, 1985. – 312 с.

¹⁷ Бахтин, М. М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук [Текст] / М. М. Бахтин. – Спб.: Азбука, 2000. – 336 с.

¹⁸ Вородин, Д. А. Ближний Восток и Первая мировая война: Великое Арабское восстание [Текст] / Д. А. Вородин // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2014. – Том 10, № 2. – С. 142-153.

¹⁹ Вострилов, И. Н. Творчество А. В. Верещагина в контексте военной мемуаристики последней трети XIX-начала XX века [Текст] / И. Н. Вострилов // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2007. – Том 15, № 39. – С. 76-79.

²⁰ Гарт, Г. Б. Л. Полковник Лоуренс [Электронный ресурс] // Милитера: военная литература. Режим доступа: <https://militera.lib.ru/bio/liddel-hart2/index.html> (дата обращения: 09.09.2024).

²¹ Глинникова, С. В. Особенности библиографирования военных мемуаров [Текст] / С. В. Глинникова // Трансформации музеев-библиотек-архивов и информационное обеспечение исторической науки в информационном обществе: сборник статей по материалам научно-практического семинара. – 2017. – С. 34-42.

²² Гюбиева, Г. Е. Этапы развития русской мемуарно-автобиографической литературы XVIII века: дис. ... канд. филол. наук [Электронный ресурс] / Г. Е. Гюбиева. – М., 1968. – 262 с. Режим доступа: <https://www.dissertcat.com/content/etapy-razvitiya-russkoi-memuarno-avtobiograficheskoi-literatury-xviii-veka> (дата обращения 09.09.2024).

²³ Кржижановский, С. Д. Поэтика заглавий [Текст] / С. Д. Кржижановский. – М.: Никитинские субботники, 1931. – 31 с.

²⁴ Мажарина, Ю. Н. Мемуары как вид публицистического творчества [Текст] / Ю. Н. Мажарина // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2011. – № 2. – С. 199-206.

²⁵ Мигаль, А. С. Восток учёных: английское исламоведение в эпоху Просвещения [Текст] / А. С. Мигаль // Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2015. – № 1 (185). – С. 44-50.

Михальской³⁰, В. П. Трыкова³¹, И. Тэна³²³³, Дж. Уилсона³⁴, В. Е. Хализева³⁵, Ю. Н. Харари³⁶, Е. Н. Чернозёмовой³⁷, Л. А. Юркиной³⁸ и др.

Актуальность исследования

Исследование творчества Лоуренса Аравийского актуально ввиду того, что описанные им события перекликаются с современными политическими проблемами, активизацией контактов с Востоком, развитием независимости арабских народов и их активном участии в глобальной политике. Наряду с политическими причинами, назрела потребность научного взгляда на Лоуренса как талантливого мемуариста, соединяющего в себе ученого-арабиста, военного деятеля, политического мыслителя и художника слова, оценки его мемуарной книги как значимого звена в освоении репрезентации Востока в английской литературной традиции.

Новизна исследования

Книга мемуаров «Семь столпов мудрости» не изучалась в отечественной филологии ни как явление литературы, ни как источник сведений, касающихся образа другого народа. Что касается зарубежной науки, то существует ряд исследований о личности автора и его мемуарах, однако эти работы связаны по

²⁶ Мигаль, А. С. Концепт восточный деспотизм в представлениях французских просветителей о мусульманском Востоке [Текст] / А. С. Мигаль // Научный диалог. – 2015. – № 11 (47). – С. 150-161.

²⁷ Мигаль, А. С. Образ мусульман в представлениях западноевропейских интеллектуалов XVIII века [Текст] / А. С. Мигаль // История и историческая память. – 2017. – № 15. – С. 34–39.

²⁸²⁸ Мигаль, А. С. Образ мусульманского правителя в философских трудах Вольтера и Монтескье [Текст] / А. С. Мигаль // Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2017. – № 3 (195). – С. 71-75.

²⁹ Мигаль, А. С. Османская империя глазами английских путешественников XVIII века [Текст] / А. С. Мигаль // История и историческая память. – 2019. – № 18. – С. 18-28.

³⁰ Михальская, Н. П. Образ России в английской художественной литературе IX-XIX вв. [Текст] / Н. П. Михальская. – М.: МПГУ, 1995. – 150 с.

³¹ Трыков, В. П. Россия в литературе Франции: учебное пособие [Текст] / В. П. Трыков // М: МПГУ, 2019. – 146 с.

³² Тэн И. История английской литературы. Введение [Текст] / И. Тэн // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. — М.: Художественная литература, 1987. — С. 72–94.

³³ Тэн И. Философия искусства [Текст] / И. Тэн // – М.: Наука, 1996. – 352 с.

³⁴ Wilson, J. Lawrence of Arabia: The Authorized Biography of T.E. Lawrence [Text] / J. Wilson. – New York: Atheneum, 1989. – 1188 р.

³⁵ Хализев, В. Е. Теория литературы [Текст] / В. Е. Хализев. – М.: «Высшая школа», 2004. – 405 с.

³⁶ Harari, Y. N. Military memoirs: A Historical Overview of the Genre from the Middle Ages to Late Modern Era [Text] / Y. N. Harari // War in history. – 2007. – Vol. 14. – № 3. – Pp. 289-309.

³⁷ Чернозёмова, Е. Н. «История Московии» Мильтона. У истоков мифологемы о Русском характере [Текст] / Е. Н. Чернозёмова // Филологическая регионалистика. – 2009. – № 1-2. – С. 108-113.

³⁸ Юркина, Л. А. Портрет [Текст] / Л. А. Юркина // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины / Л. В. Чернец. – М.: Высшая школа, 2000. – С. 296-308.

большей части с рассмотрением исторических событий и ролью автора в них. Для отечественного литературоведения данное исследование является новым, способным восполнить пробел в изучении западной мемуаристики, посвященной Арабскому восстанию в ходе Первой мировой войны. Кроме того, впервые мемуары Лоуренса получат оценку с эстетической стороны.

Объект исследования

Объектом исследования в данной диссертации являются мемуары Лоуренса Аравийского «Семь столпов мудрости», а также ряд произведений западноевропейских и английских авторов, касающихся восточной тематики.

Предмет исследования

Предметом исследования данной диссертации является мир арабского Востока, отраженный в книге Лоуренса Аравийского «Семь столпов мудрости».

Цель работы

Целью работы является изучение репрезентации мира арабского Востока, воплощенного в книге Лоуренса Аравийского «Семь столпов мудрости». Достижение цели предполагало решение ряда задач:

1. Изучить биографию, личность Лоуренса Аравийского и основные этапы жизненного и творческого пути автора.
2. Разобраться в контексте исторических событий, описанных в мемуарах «Семь столпов мудрости».
3. Охарактеризовать канон военных мемуаров как жанровой модификации, обозначить его становление и основные вехи развития и соотнести со спецификой мемуарной книги Лоуренса Аравийского «Семь столпов мудрости».
4. Представить литературный контекст освоения темы Востока в европейской и английской литературе до Лоуренса Аравийского.
5. Проанализировать рассуждения автора об истории и сущности национального характера арабского народа.

6. Рассмотреть значение «географического фактора» в оценке автора мемуаров и охарактеризовать его как мастера создания словесных пейзажей арабского Востока.

7. Оценить своеобразие и значение авторского образа в мемуарах Лоуренса.

8. Рассмотреть многозначную семантику заглавия книги.

9. Охарактеризовать мастерство изображения автором действующих лиц своих мемуаров.

Методологическая основа работы

В работе использованы биографический, культурно-исторический, сравнительно-исторический и герменевтический методы.

Научно-практическая значимость диссертации заключается в том, что она формирует базу для дальнейшего изучения творческого наследия Лоуренса Аравийского различными исследователями. Материал диссертации можно использовать при создании научных статей, монографий, диссертаций, учебных и учебно-методических пособий по тематике изучаемого автора и его творчества, при чтении лекционных курсов и проведении практических занятий по проблемам арабского Востока и восточной культуры, их рецепции в английской литературе в целом и творчестве автора в частности.

Структура и объем работы

Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы. Список литературы включает 172 наименования, в том числе 41 на иностранных языках. Общий объем диссертации составляет 194 страницы.

Содержание работы

Первая глава «Историко-биографическая основа книги Лоуренса Аравийского “Семь столпов мудрости”» состоит из четырех параграфов и носит общетеоретический характер.

Вторая глава «Концепция арабского Востока в книге Лоуренса Аравийского “Семь столпов мудрости”» состоит из трех параграфов, которые

посвящены образу арабского Востока в его индивидуальной авторской интерпретации.

В третьей главе под названием «**Поэтика военных мемуаров Лоуренса Аравийского “Семь столпов мудрости”**» изучаются художественные особенности книги мемуаров.

В **заключении** обобщаются результаты проведенного исследования, а также приводятся сведения о литературном наследии изученной книги — произведениях, в которых прямо или косвенно единовременно отразились тема пустыни и мотив колониализма, соединившиеся в мемуарах «Семь столпов мудрости».

Апробация работы:

Автор диссертации опубликовал 3 статьи в журналах перечня ВАК, содержащие основные положения и выводы исследования. Среди них статьи: «Семантика заглавия книги Лоуренса Аравийского “Семь столпов мудрости”», «Типология жанра военных мемуаров на примере заглавия книги Лоуренса Аравийского “Семь столпов мудрости”», «Рецепция национальных традиций арабских племен в литературных образах военных мемуаров Лоуренса Аравийского “Семь столпов мудрости”». Кроме того, опубликованы тезисы по тематике диссертации в трех сборниках по итогам ежегодной международной конференции «Пуришевские чтения».

В ходе работы над диссертационным исследованием автор принял участие в многочисленных вузовских, региональных и международных научных конференциях с докладами по тематике диссертации, проходивших в высших учебных заведениях Москвы, Санкт-Петербурга и Коломны, среди которых МПГУ, РГГМУ, ГСГУ. Также материалы диссертации проходили апробацию на заседаниях кафедры и аспирантского объединения.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Изображение мира арабского Востока в книге «Семь столпов мудрости» подготовлено образованием, научными интересами, политическими убеждениями автора и его гуманной природой.
2. Книга «Семь столпов мудрости» содержит оригинальную авторскую трактовку ментальности арабских племен, ценные сведения об их традициях и укладе жизни, поведении во время военных действий, проявившемся в период Арабского восстания.
3. Мемуары Лоуренса Аравийского продолжают активный интерес английской литературы и культуры к теме Востока, обогащают обозначенную традицию, однако лишены заметного в английской традиции цивилизационного дискурса принижения чужой культуры.
4. Книга «Семь столпов мудрости» сохраняет основной ряд канонических черт мемуарного жанра, рассмотренных в диссертации, однако в контексте жанра военных мемуаров выделяется уровнем интеллектуального и эстетического освоения материала.
5. Семантика заглавия книги Лоуренса Аравийского характеризуется многозначностью. Она отсылает к заглавию одной неизданной книги автора, содержит библейскую интертекстуальность и мифологическую символику, свидетельствует об интенции автора, стремящегося придать своему замыслу весомость и художественную выразительность.
6. Образ автора биографичен и представлен в книге в разных ипостасях личности Лоуренса Аравийского. Его отличает динамика и глубина самоанализа, убедительная искренность повествовательной интонации.
7. Система образов в мемуарной книге Лоуренса Аравийского выделяет на первый план как лидеров арабского восстания, так и его рядовых участников, характеризуется мастерством портретной характеристики персонажей. Герои раскрываются автором как в условиях мирной, так и военной обстановки.

8. При изображении арабского Востока автор придает особое значение географическому фактору, определившему ментальность и быт народа, а также особый характер боевых действий. Самобытность природного мира арабского Востока в книге мемуаров передана через обширный круг пейзажных зарисовок автора, отмеченных мастерством метафор, сравнений и живописных контурных деталей.

9. Книга мемуаров «Семь столпов мудрости» может быть оценена как литературный памятник, который обладает художественными достоинствами на уровне заглавия, языка повествования, образов персонажей и изображения пейзажей, что позволяет говорить об авторе как художнике слова.

10. Образ Лоуренса Аравийского как главного героя Арабского восстания мифологизирован в массовой культуре в том числе благодаря влиянию его мемуаров.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Глава 1. Историко-биографическая основа книги Лоуренса Аравийского «Семь столпов мудрости»

1.1. Миф о Лоуренсе в культурном пространстве Англии: основные вехи жизненного и творческого пути

Образы исторических личностей и общественный взгляд на их место и роль в истории нередко формируются благодаря их репрезентации в искусстве. Особенно это касается тех деятелей, которые сумели сами заявить о себе, выступили авторами сочинений автобиографического характера, а не только были рассмотрены в рецепции современников или представителей последующих поколений. Одним из таких людей является британский археолог, путешественник, военный, дипломат и писатель Томас Эдвард Лоуренс, известный всему миру как Лоуренс Аравийский. Данное исследование посвящено изучению его военных мемуаров под названием «Семь столпов мудрости». Тематикой произведения является Арабское восстание против Османской империи, случившееся в 1916–1918 годах, непосредственным участником которого был Лоуренс. «Семь столпов мудрости» — это одно из самых популярных произведений английской мемуарной литературы, а также выдающийся памятник эпохи и один из важнейших источников информации о Первой мировой войне, сочетающий ценные документальные сведения и художественные достоинства прозы. Для понимания личности Лоуренса Аравийского и сущности его мемуаров, необходимо обратить внимание на факты из его биографии, изучить их влияние на его творческий путь, а также указать на противоречивость известных фактов об этой выдающейся личности.

«Вы ведь знаете, — говорил он [Т. Э. Лоуренс] журналисту Л. Томасу, — как пишется история, — это совсем не то, что происходило на самом деле»³⁹. По данным института Гэллапа, Лоуренс является самым известным англичанином XX

³⁹ Каграманов, Ю. М. Быль и небылицы о Лоуренсе Аравийском [Текст] / Ю. М. Каграманов // Новая и новейшая история. – 1971. – № 6. – С.131.

столетия после Уинстона Черчилля⁴⁰. В общественном сознании его представляют великим дипломатом и пылким романтиком, талантливым военным стратегом и героем сражений. Сам Уинстон Черчилль был знаком с Лоуренсом лично и писал о нем следующее: «Я считаю его одним из величайших людей нашего времени. Подобного ему я не вижу нигде. Его имя будет жить в английской литературе, оно будет жить в анналах войны, жить в легендах Аравии»⁴¹. В то же время о нем существовали и противоположные мнения: «Феномен Лоуренса противоречив. [...] Самозваные хранители репутации Лоуренса боролись и все еще борются, чтобы сохранить его образ незапятнанным, но информация, преданная гласности, сделала неизбежной переоценку этого человека и его репутации»⁴².

В ходе знакомства с биографией писателя, может создаться впечатление, что судьба Лоуренса, с самого детства предрасполагала к формированию его как выдающейся личности и, в особенности, готовила к тем двум годам его жизни, прославившим его имя в истории арабов и британцев и сделавшим его героем двух таких непохожих и далеких друг от друга народов.

Лоуренс родился 16 августа 1888 года и был вторым внебрачным сыном Томаса Роберта Тай Чепмена и Сары Лоуренс. Чепмен принадлежал к высшему слою англо-ирландского землевладельческого класса. Со стороны отца Лоуренс был кровным родственником многих англичан знатного происхождения. Например, барон Роберт Ванситтарт был его троюродным братом. Девиз семьи Чепмен любопытен как сам по себе, так и в качестве комментария к жизни Лоуренса. В переводе с латыни он звучит так: “Добродетель процветает под угнетением”»⁴³.

После окончания школы (с первым местом в общем зачете — он получает первое место по английскому языку и литературе и третье место по религиозным знаниям) Лоуренс отправляется в велосипедный тур по Британи, посещая

⁴⁰ Knightley, P. The Secret Lives of Lawrence of Arabia [Текст] / P. Knightley, C. Simpson. – London: Nelson, 1969. – P. 1.

⁴¹ Churchill, W. Great Contemporaries [Текст] / W. Churchill. – Chicago: University of Chicago Press, 1973. – P. 141.

⁴² Yardley, M. T.E. Lawrence: a biography [Текст] / M. Yardley. – New York: Cooper Square Press, 2000. – P. 7.

⁴³ Wilson, J. Lawrence of Arabia: The Authorized Biography of T.E. Lawrence [Электронный ресурс] / J. Wilson. – New York: Atheneum, 1989. – P. 941.

средневековые замки. Этим же он занимается и в университетские длительные каникулы (1908 г.), на этот раз ему удается объехать всю Францию. Во время каникул 1909 г. Лоуренс посещает замки крестоносцев в Палестине и Сирии, путешествуя в основном пешком. Цель поездки — собрать информацию о замках для диссертации, которую он планирует представить в рамках своих выпускных экзаменов на степень бакалавра.

Но и до первого «арабского путешествия» с Лоуренсом случались поистине удивительные истории. В его авторизованной биографии, изданной Джереми Уилсоном, сообщается о том, что в 1905 г. «из-за напряженности дома Лоуренс убегает из дома и несколько недель служит мальчиком-солдатом в Королевской гарнизонной артиллерии в замке Сент-Мавс в Корнуолле. После чего его выкупили»⁴⁴, предположительно, отец. Этому факту в биографии нет документальных свидетельств, но не существует и его опровержений.

В 1910 году он получил первую степень с отличием на выпускных экзаменах благодаря подготовленной диссертации о замках крестоносцев под названием «Влияние крестоносцев на средневековую военную архитектуру Европы». В работе Лоуренс опирался на таких исследователей архитектуры, как Чарльз Диль, Эдриан Эллкрофт, Эжен Виолле-ле-Дюк, Эммануэль Гильоим-Рей. Исследование этих сооружений потребовало длительного пешеходного путешествия по Палестине и Сирии. Поездка оказала влияние на творческое наследие Лоуренса. Его дипломная работа легла в основу книги, изданной после смерти автора братом писателя Арнольдом Лоуренсом, «Крепости крестоносцев» (1936). В книгу вошли как главы из диссертации, так и письма Лоуренса, его многочисленные рисунки и фотографии. Диссертация Лоуренса, написанная им в юности, была также опубликована в цифровом варианте в 2021 году⁴⁵.

Эта работа, хотя и оцененная при защите на отлично, впоследствии оспаривалась некоторыми историками архитектуры. Так, Лоуренс утверждал, что

⁴⁴ Там же, с. 33.

⁴⁵ Lawrence T. E. The influence of the Crusades on European military architecture to the end of the XIIth century [Text] / T. E. Lawrence. – England: Oxford, 1910. – 248 p.

не европейская архитектура средневековья повлияла на восточную, а, в гораздо большей степени, наоборот — европейские крепости строились по образцам восточных. Тем не менее, Лоуренс провел глубокое исследование военной архитектуры Европы до первого Крестового похода, византийской военной архитектуры, римской военной архитектуры в Сирии, а также военной архитектуры в Европе второй половины XII века. Все это легло в основу книги «Крепости крестоносцев».

Важно заметить, что книга содержит не только научные факты, но и индивидуальное мнение автора: Лоуренс относился к архитектуре с заметным восхищением. Это можно сказать как о крепостях крестоносцев, так и об арабской архитектуре. Вот как он отзывался о крепости Хосн Аль-Аркад в Сирии: «Чудеснейшая крепость в мире, несомненно, самая живописная из всех, что я видел, — полное совершенство»⁴⁶.

К творческому наследию Томаса Лоуренса следует также отнести его письма к матери, с которой он всегда был близок и которые в большом количестве опубликованы в книге о крепостях. В них Лоуренс не только описывал собственные впечатления от архитектуры, но и рассказывал обо всем, что поражало его в культуре Востока, например, писал о гостеприимстве арабов: «Когда я вхожу в какой-либо дом, хозяин приветствует меня, и я его тоже, после чего он говорит что-то одной из своих женщин, и они приносят для меня вместо стула тощее одеяло [...] Я сажусь на него на корточки, и тогда хозяин спрашивает меня четыре или пять раз подряд, как мое здоровье. И каждый раз я отвечаю ему — всё в порядке»⁴⁷. Следует сказать, что Лоуренс оставил богатое эпистолярное наследие. Он состоял в переписке со многими видными деятелями своей эпохи, а также написал огромное количество писем матери. В 1939 году литератор Эдвард Гарнетт объединил корреспонденцию писателя в книгу «Письма Т. Э. Лоуренса».

⁴⁶ Юрченко, А. Г. Крепости и замки крестовых походов [Электронный ресурс] // Klex: книжный архив. Режим доступа: <https://www.klex.ru/xс3> (дата обращения: 09.09.2024).

⁴⁷ Lawrence, T. E. Crusader castles [Text] / T. E. Lawrence. – London: The Folio Society, 2010. – 226 p.

В 1910 году Лоуренсу была предложена возможность стать практикующим археологом в Сирии, на раскопках древнего государства Каркемиш. Возглавлял экспедицию Дэвид Джордж Хогарт, британский ученый-археолог, работавший в Оксфорде и по совместительству в британской разведке. Именно Хогарт добился, чтобы Лоуренсу дали стипендию для работы в Сирии. В декабре 1910 года Лоуренс отбыл в Бейрут, а оттуда отправился в Библ, где изучал арабский язык, а затем поехал в северную Сирию, чтобы приступить к археологическим изысканиям под руководством Хогарта. Позже Лоуренс скажет, что многим, чего он достиг, он обязан Хогарту. И это, конечно же, относилось не только к науке — в Первую мировую войну писатель станет работать с Хогартом на военную разведку Британии.

Лоуренс продолжает заниматься археологией в Сирии с небольшими перерывами до самой войны, а именно до конца июля 1914 года. Он несколько раз приезжает в Англию, ездит в Египет на полевые работы, но каждый раз возвращается в Сирию. За это время Лоуренс овладевает арабским языком, приобретает знания об археологии, профессионально занимается фотографией, участвует в управлении рабочей силой на раскопках и невольно учится разрешать конфликты, обнаруживая в себе таланты дипломата. Так, Джереми Уилсон описывает ситуацию, когда возник конфликт между археологической группой Лоуренса и немецкой командой, строившей железную дорогу под Багдадом. В то время еще не было военных действий, но между британскими и немецкими зонами влияния на Ближнем Востоке уже установились весьма напряженные отношения из-за территорий и рабочей силы. И Лоуренс принимает активное участие в разрешении конфликта, учится быть лидером и действовать в сложных и опасных ситуациях⁴⁸.

Перед самым началом войны Лоуренс начинает работать на секретную службу. Так, в январе 1914 года по просьбе британской разведки Лоуренс и

⁴⁸ Wilson, J. Lawrence of Arabia: The Authorized Biography of T.E. Lawrence / J. Wilson. – New York: Atheneum, 1989. – P. 102.

Леонард Вулли (его начальник по раскопкам) приняли участие в Синайской экспедиции. Их присутствие в качестве археологов было прикрытием для реальной экспедиционной цели — подготовки точных карт полуострова на случай конфликта с Османской империей. По возвращению Лоуренса на родину в Европе началась Первая мировая война.

В октябре 1916 года Лоуренса отправили с дипломатической миссией по установлению фактов в Хиджаз, где шериф Мекки Хусейн ибн Али восстал против турецкого имперского правления. Качество репортажей Лоуренса и его сочувствие к арабским племенам привели к тому, что он впоследствии работал британским офицером связи, служа в войсках, возглавляемых эмиром Фейсалом, одним из четырех сыновей Хусейна. О своей двухлетней миссии Лоуренс рассказал на страницах книги «Семь столпов мудрости».

Книга представляет собой не только подробнейший отчет о восстании арабов с целью получить независимость от Османской империи, но и рассказ о людях, участвовавших в освободительном движении, об их традициях, характерах, вере. Ее повествование охватывает два года Арабского восстания, с момента прибытия Лоуренса в Аравию в 1916 году до взятия и освобождения в 1918 году Дамаска — столицы Сирии. По своей жанровой природе книга представляет собой военные мемуары. События восстания предваряются основательным описанием его предпосылок, истории арабских племен, их верований и образа жизни. Любопытно, что Лоуренс начинает повествование с указания на то, что он не претендует на беспристрастность и что его книгу скорее следует рассматривать в качестве личных заметок, сделанных по большей части уже после войны. Здесь же автор ставит перед собой задачу критично относиться к себе и своей службе, указывать как на достойные, так и неприглядные моменты восстания, делиться собственными успехами и не скрывать неудачи, что и прослеживается в ходе повествования.

Произведение дает немало сведений о характере Лоуренса, который раскрывается во взаимодействии с союзниками и боевыми товарищами. Герой,

будучи дипломатом по призванию и по духу, лишен выражения цивилизаторского высокомерия европейского человека. Он не возвышает себя перед представителями арабских племен, не акцентирует внимание на культурной пропасти между двумя народами, за исключением моментов, где это сделано в целях документальности повествования. Изучая их язык и культуру до войны, он продолжает быть открытым к знанию и во время непосредственного взаимодействия с этими людьми на новом жизненном этапе. Лоуренс ставит себе цель понять их движущие мотивы, открыть для себя культурную и нравственную сущность арабов, различия и основания конфликтов между племенами, нередко выступая в роли посредника, способствуя объединению племен перед лицом общей цели и общего врага.

Аравия глазами англичанина в ответственный период своей истории — одна из главных тем книги. Герой проявляет себя как серьезного, ответственного предводителя, его военные инициативы свидетельствуют о его таланте стратега и безусловном мужестве. Лоуренс помогает племенам в восстании, ведомый долгом перед родиной, но в не меньшей мере и сочувствием обитателям пустыни, которые обречены на жизнь в тяжелейших для человека природных условиях и под властью враждебной и жестокой империи.

По словам полномочного биографа писателя Джереми Уилсона, «рассказ Лоуренса об Арабском восстании в книге “Семь столпов мудрости” подтверждается доступными британскими военными документами. Они показывают, что его личная роль и влияние в период с июля 1917 г. по сентябрь 1918 г. были в книге никак не завышены»⁴⁹. Однако, не все исследователи придерживаются такого мнения. Так, российский историк и культуролог Ю. М. Каграманов пишет, что «правда стала известна лишь недавно. В 1968 г. был неожиданно сокращен с 50 до 30 лет срок действия запрета на доступ к бумагам Лоуренса в Государственном лондонском архиве. Это донесения Лоуренса в Форин оффис и служебная переписка. Документы подтверждают худшие

⁴⁹ Там же, с. 148.

обвинения “злых критиков” Лоуренса. Они не оставляют никакого сомнения в том, что Лоуренс был ярым проводником британской империалистической политики на Ближнем Востоке и интересам этой политики подчинял все остальное»⁵⁰. Здесь важно отметить, что оценки той или иной исторической личности зависят в том числе от индивидуальной интерпретации и идеологической позиции исследователей, а также то, что Лоуренс действительно действовал в интересах своего государства, будучи у него на службе.

После взятия Дамаска, события, которое завершает его военные мемуары, Лоуренс направился обратно в Англию, чтобы продвигать дело независимости арабов, в которое продолжал верить. Так, в 1919 г. он участвует в составе британской делегации в Парижской мирной конференции, тесно сотрудничая с эмиром Фейсалом. Но идея независимости арабов была неприемлемой для французской стороны — Франция видела Сирию своей фактической колонией, в то время как британское правительство имело аналогичные амбиции в Ираке. Вскоре стало ясно, что Сирия, Палестина и Ирак будут переданы Франции и Великобритании в качестве мандатных территорий — колоний во всем, кроме названия. И Лоуренс, разочаровавшись в своих начинаниях, вернулся в Англию. Следует указать, что арабские государства станут получать независимость в течение следующих десятилетий: Египет — в 1922 г., Саудовская Аравия — в 1927, Ирак — в 1932, Ливан — в 1943, Сирия и Иордания — в 1946, частично признанная Палестина — в 1947, Йемен — в 1967, Оман — в 1970.

В Англии Лоуренс стал вначале вести уединенный образ жизни, ни с кем не встречаясь, отдалившись от политической жизни. Однако летом 1919 г. в Лондон приехал американский журналист Лоуэлл Томас, который во время арабского восстания находился в Палестине в качестве аккредитованного военного корреспондента с разрешения британского Министерства иностранных дел. В свое время в Иерусалиме он встретил Лоуренса, который поразил журналиста тем,

⁵⁰ Каграманов, Ю. М. Быль и небылицы о Лоуренсе Аравийском [Текст] / Ю. М. Каграманов // Новая и новейшая история. – 1971. – № 6. – С.132.

что тратил 200 000 фунтов стерлингов в месяц, поощряя жителей Палестины восстать против турок. Лоуренс согласился предоставить Лоуэллу Томасу необходимый ему материал для развернутого репортажа об арабском восстании. Также журналист сделал фотографии арабских лидеров, таких как эмир Фейсал, и взял у них интервью.

Так, рассказы Лоуренса о победах на Ближнем Востоке начали обретать распространение и большой успех. Лоуэлл устраивал презентации, где демонстрировал слайды с историческими материалами об арабском восстании, проводил красочные шоу с арабскими танцами и действовал в своих представлениях также и Лоуренса. По сути, он сделал его героем победоносной арабско-турецкой войны, популярным персонажем военного эпоса. Лоуренс утверждал, что стесняется публичности, но все же согласился в том числе на серию постановочных портретов в арабской одежде в Лондоне. Он быстро вошел в роль популярного героя и обнаружил, что это придает дополнительный вес его политической кампании. Так начался тот период в его жизни, когда он активно добивался известности, давал интервью и писал статьи для продвижения дела арабов.

Работу над книгой «Семь столпов мудрости» Лоуренс начал во время Парижской мирной конференции, но его черновик и рабочие заметки были потеряны в ноябре 1919 г. В 1920 г. он поспешил переписать новый черновик по памяти, а затем начал исправлять его по всем возможным источникам. К лету 1922 года Лоуренс увидел, что Черчилль, насколько это было в силах Великобритании, добился почетного урегулирования напряженной ситуации на Ближнем Востоке. В это же время Лоуренс завершил новую версию своей книги мемуаров, так называемый «оксфордский» текст. Несколько экземпляров он распечатал для распространения среди литературных критиков и коллег по военному делу.

К тому времени, однако, Лоуренс впал в опасное состояние. За тяготами и ужасами военной кампании последовали три изнурительных года политики, а затем напряжение, связанное с написанием книги, и, опасаясь за свой рассудок, он

ушел из Управления по делам колоний и поступил на службу в ряды Королевских ВВС, где назывался именем Джон Хьюм Росс, так как не хотел пользоваться своей известностью. В ходе службы Лоуренс также вел заметки о ее характере и особенностях. Однако через четыре месяца он был обнаружен прессой и уволен. Но при помощи высокопоставленных друзей он почти сразу же был вновь зачислен в танковый корпус под именем Томас Эдвард Шоу, назвав так себя в честь писателя Бернарда Шоу, к которому испытывал огромное уважение и чьи советы относительно своей писательской манеры очень ценил. В составе танкового корпуса Лоуренс служил до середины 1925 года в лагере Бовингтон в Дорсете.

В конце 1926 года он принял назначение в Индию, чтобы быть вне досягаемости журналистов. В тот же год будет опубликовано «Восстание в пустыне», сокращенная версия книги «Семь столпов мудрости». И «Восстание в пустыне», и «Семь столпов мудрости» очень быстро получили широкое признание, что принесло писателю, кроме славы, немалый доход. Воодушевленный литературным успехом, в 1927 и 1928 годах Лоуренс написал еще одну книгу, «Чеканка», на основе заметок, которые он сделал во время своего первого призыва в Королевские ВВС. Книга представляет собой беспощадный, но блестяще описанный процесс начальной подготовки новобранцев ВВС.

В конце 1928 года Королевские ВВС, однако, были вынуждены вернуть Лоуренса в Англию из-за появившихся в прессе сообщений о том, что он занимался шпионажем в Афганистане. Закончив книгу «Чеканка», Лоуренс принял заказ на перевод «Одиссеи» Гомера и завершил его к 1932 году. Перевод Гомера Лоуренс создал в оригинальной манере, прозой, освобожденной от архаизмов, повторов, старомодного гекзаметра. Его текст во многом основан на переводе Джорджа Герберта Палмера (1890). Как писал в предисловии к переводу Гомера Исраэль Шамир (его перевод опирается именно на перевод Лоуренса Аравийского), «Лоуренс считал, что он лучше других понимал Гомера и Одиссея: “Я раскапывал город эпохи Одиссея, держал в руках оружие, доспехи, утварь тех

времен, изучал их дома и наносил на карту их города. Я охотился на вепря, следил за львами на воле, плавал по Эгейскому морю, ходил под парусом, гнул луки, жил среди пастушеских племен, ткал ткань, строил лодки и убил многих мужей”. Дж. Стинер [Джордж Стинер — французский и американский литератор и переводчик] называл его перевод “гибридом библейского, жаргонного, армейского и архаизирующего элементов”. Лоуренс ценил в “Одиссее” жестокость и брутальность. Он преклонялся силе, как Ницше, и считал убийство — родом занятий. Его текст отличается прямотой и жестокостью»⁵¹.

В начале 1929 года Лоуренса отправили в отряд скоростных судов в Саутгемптоне, где он должен был участвовать в работе по их модернизации. В начале 1931 года он стал свидетелем крушения одного такого судна, которое произошло совсем недалеко от берега. Старомодный спасательный катер так медленно добирался до места происшествия, что люди погибли. Незадолго до этого команда Лоуренса переоборудовала американский моторный катер, построенный по гораздо более оптимальной конструкции с глисссирующим корпусом. С тех пор он и его командир — давний личный друг — выступали за принятие BBC глисссирующих катеров. Лоуренс стал активно участвовать в разработке этих кораблей, проведя последние годы своей службы в BBC, работая на верфях в гражданской одежде. Как прямое следствие этих усилий, к началу Второй мировой войны в 1939 году Королевские BBC были оснащены парком высокоскоростных катеров. Они должны были спасти тысячи жизней в воздушно-морских спасательных миссиях.

Лоуренс не дожил до этого. В марте 1935 года подошел к концу его двенадцатилетний срок службы, и он отошел от дел. В мае этого же года Лоуренс ехал на мотоцикле вблизи своего дома в Мортоне. В один момент ему пришлось сделать поворот, чтобы избежать столкновения с двумя велосипедистами, в результате чего он упал на дорогу. Лоуренс получил тяжелые травмы головы и

⁵¹ Шамир, И. Предисловие к «Одиссея. В прозаическом переложении Лоуренса Аравийского» [Электронный ресурс] // RuLit. Режим доступа: <https://www.rulit.me/books/odisseya-v-prozaicheskom-perelozhenii-lourensa-aravijskogo-read-467287-1.html> (дата обращения: 09.09.2024).

через несколько дней скончался, так и не прия в сознание. Также существует версия об убийстве Лоуренса, изложенная в книге Марка Дж. Т. Гриффина «Who killed Lawrence of Arabia?»⁵² («Кто убил Лоуренса Аравийского?»).

Лоуренс прожил яркую, насыщенную событиями жизнь, которая была настолько необычной даже для богатого на события XX века, что сделала его имя легендой. Миф о Лоуренсе начал складываться еще в ходе Арабского восстания, и в немалой степени благодаря его врагам. Образ носящего белые арабские одежды англичанина, возглавляющего собственный отряд воинственных бедуинов, имеющих серьезнейшие успехи в партизанской войне, не мог оставить турок равнодушными. За Лоуренса и его товарищей была объявлена большая награда, а сам он постоянно находился в розыске врагом. Большим уважением и доверием пользовался Лоуренс и среди арабских повстанцев, ведь через него устанавливались связи с британской армией, от которой зависело финансирование, поставки вооружения и прямая военная поддержка. Делало уникальным Лоуренса в глазах окружающих и его положение — он был единственным европейцем среди арабов, который в такой мере пользовался доверием этих, как казалось тогда, загадочных и в то же время диких племен, и был настолько близок им по языку, готовности служить общему делу и совместно разделять и преодолевать трудные обстоятельства, что прослыл как Лоуренс Аравийский.

Последующая мифологизация писателя была подогрета его политической деятельностью, общением с прессой и, главным образом, появлением на свет книги «Семь столпов мудрости». Здесь важно отметить, что мифологизации автора каких-либо произведений мемуарного жанра способствует сам жанровый канон, включающий наличие центральной авторской фигуры, через призму которой и ведется повествование. Мемуары подразумеваю индивидуальный взгляд автора на те или иные события, им пережитые и осмыслиенные, поэтому в

⁵² Griffin, M. J. T. Who Killed Lawrence of Arabia? [Электронный ресурс] / M. J. T. Griffin. – US: Lulu.com, 2021. – 206 p.

них всегда силен личностный аспект, несмотря на любые попытки достичнуть достоверности и объективности. Мифологизация образа Лоуренса тесно связана с его биографией, которая в свою очередь походила на миф. При знакомстве с фактами биографии Лоуренса очевидно, что он с ранних лет проявлял интерес именно к той сфере, в которой сделается героем двух непохожих и далеких друг от друга народов и прославит свое имя в веках. Рождение Лоуренса вне брака, случившееся в нерасполагающую к такому статусу эпоху, знатность и богатство его отца, а также будущие военные подвиги роднят его с героями мифов времен Античности или рыцарских романов. Кроме того, на мифологизацию писателя повлиял хорошо прослеживаемый в тексте идеалистический и романтический настрой автора, отмеченный выше.

При этом важно, что сам Лоуренс в тексте мемуаров не стремился возвеличить себя, утверждая, что он не собирается быть беспристрастным в своем повествовании. Его создание собственного яркого образа как протагониста, а шире мифа о себе, заключается, скорее, в пафосе самозабвенного служения свободе, в искренности перед читателем, убедительном проявлении мужества, способности выполнять несколько ролей одновременно и отражении своей гуманистической природы. Тем не менее, в общественном сознании Лоуренс предстает, в первую очередь, именно как воин, причем как тот, кто в первую очередь обеспечил успех Арабского восстания, что, конечно же, не соответствует действительности.

Дело здесь в том, что любое историческое событие в сознании общества должно иметь символы в виде связанных с ним лиц, даже если всем очевидны коллективные усилия для достижения конечного успеха. Это личностный подход, ставший неотъемлемой частью европейского сознания в ходе развития индивидуализма — без выдающихся фигур невозможна история, хотя нередко они играют такую же роль, как другие многочисленные участники событий. Свою роль здесь сыграла также уникальность двойственного положения Лоуренса между двумя народами, что выделяло автора мемуаров на фоне всех остальных

героев восстания. Итак, образ главного героя-повествователя книги «Семь столпов мудрости», как книжный, так и мифологизированный общественным сознанием, подразумевает не только объективное представление об этой личности, но еще и продукт читательского восприятия, на которое автор умеет воздействовать. И благодаря особенностям этого восприятия, Лоуренс Аравийский и сделался главным историческим лицом Арабского восстания как единственный британец, ставший своим среди восточных чужеземцев, носивший их одежду и во всех смыслах говоривший с ними на одном языке.

Миф о Лоуренсе продолжал существовать и закрепляться в историческом сознании английского общества и после его ухода из жизни. Во многом этому послужил его друг Уинстон Черчилль, который писал о Лоуренсе Аравийском и считал его величайшим человеком современности, а после его смерти сожалел, что тот не будет с Британией в тяжелые для нее времена борьбы 30-х-40-х годов. Лоуренс стал героем его сборника эссе «Мои великие современники».

Наконец, имя писателя как Лоуренса Аравийского окончательно закрепилось за ним благодаря одноименному фильму режиссера Дэвида Лина, вышедшему в 1962 году на основе книги «Семь столпов мудрости» и получившему огромный успех у зрителя. При этом важно понимать, что, во-первых, Лоуренс был популярной в культуре фигурой еще до выхода фильма, а во-вторых, сюжет кинокартины полностью основывается на мемуарах писателя. Поэтому исследование собственного творчества Лоуренса гораздо ценнее и содержательнее — ведь в нем раскрывается его видение и понимание как исторического процесса, так и движений человеческой души. Внимательное прочтение автобиографического сочинения этой неординарной личности — книги «Семь столпов мудрости» — дает возможность глубже понять, как автора, свидетеля важнейших событий начала XX века, так и сами эти события.

1.2. Книга «Семь столпов мудрости» Лоуренса Аравийского и Арабское восстание (1916–1918) как ее историческая основа

Лоуренс начинает свою книгу мемуаров с пролога, в котором описывает предпосылки Арабского восстания и своей роли в нем: «Некоторые англичане, чьим лидером был Китченер, верили, что восстание арабов против турок позволит Англии, воевавшей с Германией, одновременно разгромить ее союзницу Турцию. [...] Меня, чужестранца [...] послали к этим арабам, чтобы вести их вперед, поддерживая и развивая в них все, что было на пользу Англии в войне, которую она вела» [101, с. 13]. Во вступлении, занявшем семь глав, писатель также очень подробно, со знанием и внимательностью к деталям, описывает арабские племена, населявшие Аравийский полуостров. Он исследует облик и культурные обычаи многочисленных арабских народов, делая акцент на исторические и географические причины, сформировавшие менталитет племен-кочевников и оседлых арабов, населяющих оазисы Аравийской пустыни.

При этом общему историческому контексту событий Первой мировой войны здесь уделено существенно меньше внимания, нежели локальному и культурному. Судя по всему, это не входило в задачи писателя — посвящать своего читателя в широкий исторический контекст, в отличие от концентрации внимания на ходе событий в рамках обособленной местности. Дело в том, что арабская кампания была не похожа на все остальные: географически и политически она носила довольно изолированный характер и, на первый взгляд, имела лишь незначительную связь с западным театром боевых действий и его политической атмосферой. Но на самом деле это не соответствует действительности, что доказывается при более детальном рассмотрении данного вопроса. Отсюда следует важность понимания общих исторических предпосылок событий Арабского восстания в книге мемуаров Лоуренса Аравийского.

В Ближневосточном регионе — основном месте действия книги «Семь столпов мудрости» — столкнулись интересы большинства европейских государств. Следует подробнее остановиться на причинах, по которым Турция

оказалась вовлеченной в Первую мировую войну. В конце XIX — начале XX в. Османская империя являлась отсталой, слаборазвитой страной, имевшей очень низкий уровень экономического развития. Одна из важнейших причин ее отсталости коренилась в распространенной для множества зависимых, полуколониальных стран специфике развития, которая заключалась в сочетании феодальных и капиталистических отношений. Экономика страны была представлена в большей степени сельским хозяйством, в конце XIX в. им занималось 85% населения. До XIX в. в Османской империи, как и во многих странах Востока, большая часть обрабатываемых земель была во владении государства. По мере развития торговли, в том числе международной, государственное землевладение, тормозившее развитие производительных сил, начало исчезать. В период Танзимата (1839–1876 гг.) появился ряд законов, дававших разрешение на продажу государственных земель за пошлину в пользу государства. В это же время среди турецких чиновников процветала коррупция, а финансовая политика султанов усилившала зависимость Турции от европейской экономики. Так, султаны жили в долг, за который не могли расплатиться.

Существенную роль в экономическом порабощении Турции сыграли иностранные банки, утвердившиеся в Османской империи с 60-х годов XIX в. С помощью них европейцы получали контроль над денежным обращением, функции казначейства, что в свою очередь позволило им установить полный контроль над государством турок в сфере финансов⁵³. Значительная часть доходов страны отправлялась на покрытие займов.

Еще одним фактором, сделавшим Турцию активным участником военных действий, оказалось строительство в стране европейскими компаниями железных дорог. В 1878 и в 1888 гг. английские компании добились концессии на строительство железнодорожной сети в районе Измира. Французские фирмы получили концессии в Сирии, австрийские — в Балканском регионе. Но основная

⁵³ Алиев, Г. З. Турция в период правления младотурок (1908—1918 гг.) [Текст] / Г. З. Алиев. — М.: Наука, 1972. — С. 24.

часть железнодорожных концессий в Османской империи оказалась в руках Германии. Интересы германской империи на Востоке заключались в частности в том, чтобы открыть для себя путь по направлению к Индии, принадлежавшей Британии.

В 1904 г. германские компании начали строительство Хиджазской железнодорожной линии — Дамаск — Медина — Мекка, идущей на юг Аравийского полуострова. Это земли, издревле принадлежавшие арабским народам. Вот что пишет Лоуренс о значении Хиджазской железной дороги для Османской империи в связи с ее влиянием на арабское самоуправление: «Это формальное утверждение спасало лишь на определенный срок, пока турки не сочли, что Хиджаз им нужен как непреложная собственность, как часть обустройства сцены для нового панисламистского подхода. Успешное открытие Суэцкого канала позволило им поставить гарнизоны в священных городах. Они [турки] проектировали Хиджазскую железную дорогу и усиливали свое влияние на племена с помощью денег, интриг и военных экспедиций» [101, с. 35].

Строительство Хиджазской железной дороги было воспринято правящими кругами Англии как вызов, брошенный Германией британскому колониальному господству на Востоке⁵⁴. На фоне указанного положения в Османской империи росли протестные настроения, в основном среди образованного офицерства. Кроме того, лидеры арабских племен стремились восстановить свою власть на территориях, традиционно им принадлежавших. В попытках удержания подвластных народов в подчинении «султан Абдул-Хамид II жестоко преследовал любые проявления свободомыслия, разжигал национальную и религиозную вражду, провоцировал столкновения между мусульманами и христианами»⁵⁵. В 1890-х годах по указу Абдул-Хамида II в нескольких областях Малой Азии, включая Стамбул, произошли жестокие армянские погромы, в ходе которых погибло несколько сот тысяч армян. Однако в стране уже сложились различные

⁵⁴ Там же, с. 31

⁵⁵ Шашвердян, Э. А. Причины Геноцида армян [Текст] / Э. А. Шашвердян // 100-летие геноцида армян в Османской империи. Уроки истории: сб. ст. – 2016. – С. 28.

национальные и прогрессивные организации и ничто не могло остановить их деятельность.

Так, в 1865 г. в Турции возникает секретная организация «Новые османы», состоявшая из националистов из числа турецкой интеллигенции, вдохновленная идеями западных мыслителей Просвещения. В 1867 г. организацию запретили, и её члены вынуждены были покинуть страну, после чего в Париже была создана новая османская национальная организация.

Несмотря на то, что конституционное движение «Новых османов» было подавлено с большой жестокостью, оно сыграло важную роль в усилении борьбы прогрессивных сил против режима Абдул Хамида II. Движение «Новые османы» сменила тайная организация «Османское единение», созданная в 1889 г. В 1894 г. различные прогрессивные кружки объединились в единое Османское общество «Единение и прогресс», членов которого называли «иттихадистами» или «младотурками».

Видя себя преемниками «Новых османов», младотурки предприняли попытку свержения абсолютистского режима Абдул-Хамида II, добиться восстановления конституции 1876 г., политической и экономической независимости Турции от государств Европы, а также обеспечить руководящую роль в стране турецкой национальной буржуазии⁵⁶.

Пользуясь поддержкой офицерства, младотурки под руководством Ниязи-бэя устроили в июле 1908 г. вооружённое восстание. Оно заставило Абдул-Хамида II восстановить действие отменённой им конституции 1876 г. и созвать парламент. Младотурки не стали продолжать политику революции, чем облегчили внутреннюю и внешнюю реакции на восстание. В апреле 1909 г. просултанские силы устроили в Стамбуле контрреволюционный мятеж с целью восстановления неограниченной власти султана. Восстановление его власти не увенчалось успехом, и Абдул-Хамид II лишился трона, однако с этого момента

⁵⁶ Киласов, А. Р. Системный кризис Османской империи во второй половине XIX-начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук [Электронный ресурс] / А. Р. Киласов. – Махачкала, 2005. –

154 с. Режим доступа: <https://www.dissertcat.com/content/sistemnyi-krizis-osmanskoj-imperii-vo-vtoroi-polovine-xix-nachale-xx-vv> (дата обращения 09.09.2024).

младотурки, изменив своим взглядам, уже сами встали на реакционные позиции. Заняв министерские, парламентские и административные посты, они установили диктаторский режим, мало чем отличавшийся от предыдущего. Вот что об этом пишет Лоуренс: «Потом произошла турецкая революция, падение Абделя Хамида и утвердилось верховенство младотурок. Для арабов горизонт на короткое время расширился» [101, с. 30].

Большинство арабских националистов решило бороться против султанского режима вместе с младотурками и революционными силами других подвластных Турции народов⁵⁷. Однако, младотурки сами побоялись поднятого ими многонационального движения за независимость от абсолютистской власти и объявили Турцию для турок. Главным фактором, из-за которого турки вступили в войну на стороне Германии, стало желание части младотурецкого правительства избавиться от губительного на их взгляд влияния Франции и Великобритании на экономику страны. Власть в Турции на тот момент оказалась в руках так называемого триумвирата — трех высокопоставленных чиновников Османской империи, в числе которых был Талаат-паша, служивший министром внутренних дел, военный министр Энвер-паша и губернатор столицы Джемаль-паша.

Новое турецкое правительство придерживалось прогерманских позиций, несмотря на сильные дипломатические связи Османской империи с Великобританией и ее экономические связи с Францией. Двоих из триумвирата — Энвер-паша и Талаат-паша — были германофилами. Армия Турции основывалась на модели германской военной системы. Второго августа 1914 года Османская империя подписала секретный договор о союзе с Германией, который, впрочем, не обязывал её вступать в войну на стороне Центральных держав — Германии и Австро-Венгрии. Энвер-паша вместе с немцами начал войну без согласия с правительством, поставив страну перед свершившимся фактом. Турция объявила «джихад» (священную войну) странам Антанты. Турецкий флот атаковал города

⁵⁷ Алиев, Г. З. Турция в период правления младотурок (1908—1918 гг.) [Текст] / Г. З. Алиев. – М.: Наука, 1972. – С. 78.

Российской империи — Севастополь, Одессу, Феодосию и Новороссийск. Россия в свою очередь объявила Турции войну. К ней присоединились Британская империя и Французская Республика. Османская империя официально вступила в Первую мировую войну 30 октября 1914 года, будучи в союзе с Германией и Австро-Венгрией.

«Вступление турок в войну, во-первых, добавило еще одного участника в блок Центральных держав, а, во-вторых, создало еще один театр боевых действий, отличавшихся своей географической, религиозной и революционной спецификой»⁵⁸. Во внешней политике младотурки руководствовались идеями пантюркизма (объединения всех тюркских народов под эгидой Турции) и панисламизма (единения всех мусульман вокруг падишаха, который был не только османским султаном, монархом, но и халифом — духовным главой мусульман-суннитов). Пантюркизм и панисламизм младотурок явились причинами, по которым они вступили в военно-политический союз с Германией против России. Османская империя хотела также вести войну за освобождение от власти Российской империи тюрков и мусульман Кавказа, Средней Азии, Крыма и Поволжья и создать с центром в Стамбуле огромную державу под названием Туран⁵⁹.

«Центром арабского освободительного движения стал Хиджаз — область на западе Аравийского полуострова, где расположены священные для мусульман города Мекка и Медина. Будучи провинцией Османской империи, Хиджаз сохранял определенную степень автономии. В полномочия великого шерифа — правителя Мекки — входили попечительство над Святыми местами в Хиджазе (Меккой и Мединой) и надзор за паломничеством. Однако в 1910 г. младотурки решили, что шериф будет напрямую подчиняться Стамбулу.

Шериф Мекки Хусейн ибн Али аль-Хашими, потомок пророка Мухаммеда, видел в этом угрозу своей личной власти и наследственным привилегиям. Хусейн

⁵⁸ Вородин, Д. А. Ближний Восток и Первая мировая война: Великое Арабское восстание [Текст] / Д. А. Вородин // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2014. – Том 10, № 2. – С. 143.

⁵⁹ Еремеев, Д. Е. История Турецкой Республики с 1918 года до наших дней [Текст] / Д. Е. Еремеев. – М.: Квадрига, 2017. – С. 9.

еще до начала войны стал искать союзников вне Османской империи. Таким союзником стала Британская империя. Инициатива начала отношений, исходившая от Хусейна, была поддержана британским военным министром и генеральным консулом Британской империи в Египте лордом Горацио Гербертом Китченером»⁶⁰.

Британская империя преследовала сразу несколько целей, помогая и направляя арабов, восставших против владычества Османской империи: во-первых, разгромить Турцию как союзницу Германии и Австро-Венгрии, ослабив тем самым коалицию Центральных держав; во-вторых, обезопасить британские владения в Египте (несмотря на то, что у Турции недоставало сил завладеть ими, некоторое беспокойство о своем влиянии на север Африки у Британии всё же присутствовало); в-третьих, обеспечить влияние на послевоенный Ближний Восток — оказывая поддержку восставшим арабам, Британия претендовала на дальнейшее, фактически колониальное, управление над указанным регионом.

Лоуренс в книге «Семь столпов мудрости» не скрывал, что у Британии, которую он представлял в своей деятельности во время Арабского восстания, есть вполне корыстные интересы в этом регионе, но лично ему была небезразлична судьба самих арабских народов. Насколько искренен был автор книги — вопрос, требующий отдельного рассмотрения, однако писатель достаточно внимательно отнесся к проблемам арабов в их отношениях с Османской империей. Лоуренс с чувством эмпатии и личной симpatии относился к народам, вступившим в борьбу с турками, он описывал их крайнюю нужду в избавлении от тяготеющей несвободы и ее последствий: «Свойственная арабам тенденция подражания свидетельствовала о стремлении к культуре и образованию, их умственная деятельность прогрессировала, а государства процветали. Их реальной заслугой было сохранение некоторых достижений античного прошлого для средневекового будущего. С приходом турок это счастье превратилось в несбыточную мечту. Искусно разжигая разногласия между арабами, они сеяли среди них недоверие

⁶⁰ Там же, с. 11.

друг к другу. Арабский язык был изгнан из судов и учреждений, в том числе правительственныех, и из высшей школы. Арабы могли служить только государству, жертвуя своими национальными особенностями» [101, с. 30].

«В Официальном воззвании правительства Великобритании жителям Аравии и арабских провинций от 4 декабря 1914 г. предоставлялись гарантии независимости Аравии в случае сопротивления туркам и содержался призыв объединить силы для освобождения от власти младотурок. В майской Прокламации об Аравии (1915 г.) британцы заявляли, что после окончания войны одним из важнейших условий мира станет полная независимость Аравийского полуострова и мусульманских Священных городов. Арабам обещалась помочь в случае основания «империи-халифата».

В мае 1915 г. лидеры арабских тайных обществ передали Хусейну Дамасский протокол, содержащий условия, на которых они соглашались сотрудничать с Британией. Арабы требовали признать независимое арабское государство, включавшее территорию Сирии, Палестины, Месопотамии, Аравийского полуострова. В обмен на это новообразованное государство обязывалось заключить с Великобританией оборонительный союз и предоставить экономические привилегии на срок до пятнадцати лет»⁶¹.

Лоуренс замечает, что «Для того, чтобы эта война стала действительно популярной, она должна была получить поддержку со стороны Мекки и в этом случае могла утопить Восток в крови» [101, с. 36]. Он многое сделал, чтобы арабское восстание стало популярным не только среди арабских лидеров, но и среди арабских народов. Так, Лоуренс пытался сдержать стремление британских генералов создать совместную британско-арабскую группировку войск под единым британским командованием. Он аргументировал непродуктивность такой идеи национальным характером восстания: арабы, по его мнению, не стали бы воевать плечом к плечу с христианами, а главное — это сильно бы понизило и

⁶¹ Вородин, Д. А. Ближний Восток и Первая мировая война: Великое Арабское восстание [Текст] / Д. А. Вородин // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2014. – Том 10, № 2. – С. 145.

боевой дух кочевников, и их мобильность в сражениях. От Британии требовалось, в основном, снабжение арабских формирований оружием и боеприпасами. Однако британские военные руководители не спешили помочь восставшим современным вооружением.

К тому же союзники активно вели закулисную игру, преследуя собственные интересы. Так, Россия претендовала на территории, близкие к черноморским проливам, а также стремилась захватить контроль над регионом Анатолии, что открывало для нее сухопутный выход к Ближнему Востоку.

В апреле 1915 г. между Англией, Францией и Россией было «Заключено тайное соглашение, подразумевающее в том числе передачу черноморских проливов под контроль России. В октябре того же года Министерство иностранных дел Британии обратилось к Франции, предложив отправить в Лондон переговорщиков для разделения сфер влияния в Ближневосточном регионе. Для переговоров в Лондон был направлен бывший генеральный консул Франции в Бейруте Франсуа Жорж-Пико, со стороны Англии переговоры были поручены Марку Сайксу, советнику лорда Китченера по Ближнему Востоку»⁶².

«Позже было заключено соглашение Сайкса-Пико от 16 мая 1916 года — тайный договор между правительствами Великобритании, Франции, Российской империи и позднее Италии, в котором были разграничены сферы интересов на Ближнем Востоке на период после Первой мировой войны. По соглашению Великобритании отводилась территория, соответствующая современным Иордании и Ираку, а также районы вокруг городов Хайфа и Акко. Франция получала юго-восточную часть Турции, северный Ирак, Сирию и Ливан. Россия должна была получить Босфор и Дарданеллы, Константинополь, Западную Армению и часть Северного Курдистана (район Хаккири). Территория между Средиземным морем и рекой Иордан должна была находиться под

⁶² Rogan, E. The Fall of the Ottomans: The Great War in the Middle East [Text] / E. Rogan. – New York: Basic Books, 2016. – P. 286.

международным контролем. Каждая из держав имела право определить государственные границы в своей зоне влияния»⁶³.

Планы по послевоенному разделу Османской империи оставались в тайне от арабских лидеров. Хусейн стал королем Хиджаза и ввязался в 1919 г. в борьбу с Недждом, которую проиграл. Ибн Сауд в 1919 г. захватил Джебель-Шамар, в 1922 г. — Асир, в 1924 г. захватил Хиджаз, и в 1927 г. провозгласил создание королевства Неджд и Хиджаз, в 1932 г. преобразованного в Саудовскую Аравию.

Подобный детальный исторический комментарий понадобился в работе, поскольку он соответствует характеру мемуаров и помогает пониманию событий, которые впоследствии будут рассматриваться в работе с учетом особенностей жанра, о которых дальше пойдет речь.

1.3. Специфика и литературная традиция жанра военных мемуаров: книга «Семь столпов мудрости» в контексте истории жанра

Книга Лоуренса Аравийского «Семь столпов мудрости», посвященная Арабскому восстанию, случившемуся в ходе Первой мировой войны, относится к жанру беллетризованных мемуаров, а точнее, к жанру беллетризованных военных мемуаров, так как книга всецело посвящена военной борьбе арабов, в ней описываются боевые действия, непосредственным участником которых являлся автор. «В определении понятия “мемуарная проза” нет единства, и, как правило, авторами этих дефиниций являются литературоведы»⁶⁴, в связи с чем представляется оправданным индивидуальный подход к образцам произведений, созданных в данном жанре. Книга Лоуренса «Семь столпов мудрости», безусловно, является ярким и уникальным явлением в мемуарной литературе, о чем свидетельствует, в том числе, влияние, оставленное этой книгой и ее автором в культурном пространстве.

⁶³ Вородин, Д. А. Ближний Восток и Первая мировая война: Великое Арабское восстание [Текст] / Д. А. Вородин // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2014. – Том 10, № 2. – С. 149.

⁶⁴ Коваленко, Е. И. Мемуарная проза как жанрово-стилистический феномен [Текст] / Е. И. Коваленко // Соловьевские чтения 2018: сб. науч. ст. – 2020. – С. 44.

Беллетризованными мемуарами его книгу можно назвать по причине ее стилистического родства с художественным произведением, а конкретнее — с романом. Под понятием «беллетризованные» подразумевается наличие в книге Лоуренса художественных достоинств, использование автором средств и приемов художественной литературы, а также, несмотря на фактологическую основу, наличие художественного элемента, без которого нельзя представить ни одно мемуарное произведение ввиду характерного авторского начала и невозможности зафиксировать все факты и положения в точности. Особенно это касается тех мемуаров, которые созданы уже по прошествии определенного времени с момента описываемых событий, к числу которых относится и книга Лоуренса, написанная им в большей степени по памяти спустя годы после войны.

Американо-израильский историк Мартин Крамер цитирует дипломата Чарльза Хилла, который в книге «Grand Strategies: Literature, Statecraft, and World Order» (Yale, 2010) указывал на жанр книги «Семь столпов мудрости» следующим образом: «Роман, путешествующий под прикрытием автобиографии»⁶⁵. Сходство с романом, кроме художественных черт, усматривается в изображении автором книги моментов частной жизни. Самого Лоуренса Аравийского Хилл охарактеризовал как человека, «который вписал себя в историю как вымышленный персонаж, возглавляющий арабские племена, восставшие против турок-османов»⁶⁶. Здесь на сходство с романом также указывает образ Лоуренса — он являлся единственным англичанином, носившим арабские одежды, жившим среди племен и сражавшимся вместе с ними и в то же время описавшим свои мысли и переживания, в том числе в состоянии становления. Уникальное положение героя, а также его мемуары, как указывалось выше, быстро привели к мифологизации образа Лоуренса, что в очередной раз сблизило его сочинение с художественным творчеством. Также близость к роману усматривается в оформлении повествования: Лоуренс дает заглавия каждому разделу книги, и

⁶⁵ Kramer, M. Six (make that seven) greatest stories ever told about the Middle East [Electronic resource] // Martin Kramer on the Middle East. Available at: <https://martinkramer.org/tag/books/page/2/> (accessed: 12.06.2024).

⁶⁶ Там же.

даже каждой странице. Эти заглавия носят художественный характер, которые близки к романным. Несмотря на приведенное суждение М. Крамера, представляется, что книгу Лоуренса Аравийского нельзя назвать романом в полной мере из-за достоверности ее исторической основы, содержащихся в ней реальных имен, фактов, событий, участником которых стал автор, замысел которого — это мемуары.

Мемуары (от франц. *mémoires* — воспоминания) теоретиками литературы определяются как «разновидность автобиографической прозы, повествование о событиях прошлого, участником или очевидцем которых стал автор»⁶⁷. Существует несколько близких определений жанра, но в случае книги Лоуренса Аравийского наиболее подходящим представляется определение филолога Ю.Н. Мажариной: «Мемуары — публицистический жанр, предметом исследования в котором выступает личность автора, повествующего об индивидуальной неповторимости фактов, лиц, событий, явлений, за которыми раскрываются общие жизненные закономерности»⁶⁸. Данное определение является уместным ввиду того, что Лоуренс в книге «Семь столпов мудрости» не только рассказывает о событиях, свидетелем и активным участником которых он являлся, но и создает почву для мифа о самом себе. Кроме того, он совершает попытку осмыслить общие жизненные и общественные закономерности, используя художественный, историко-культурный и философский подход к явлениям и личностям — участникам описываемых событий.

Жанр мемуаров предполагает свободную форму изложения, в нем отсутствует регламентация формирования сюжета, а акцент делается на хроникальность, достоверность и дневникowość. Важно, что достоверность не равна фактографичности, мемуары не должны заниматься восстановлением всех

⁶⁷ Литературная энциклопедия терминов и понятий [Текст] / сост. и ред. А. Н. Николюкин. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – С. 524.

⁶⁸ Мажарина, Ю. Н. Мемуары как вид публицистического творчества [Текст] / Ю. Н. Мажарина // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2011. – № 2. – С. 201.

деталей событий прошлого⁶⁹, но в них должно быть отсутствие явного вымысла — мемуары близки к документально-исторической и биографической прозе⁷⁰. Кроме того, жанр мемуаров находится на границе между категориями художественного и документального. По мнению исследователей, «на историческую основу насливается художественное выражение автора»⁷¹. Так, ввиду жанровой свободы и ориентации на достоверность, на протяжении истории литературы произведения в жанре мемуаров принимали самые разные, порой весьма причудливые обличия, являясь следствием тех или иных уникальных событий и индивидуального авторского стиля. Кроме того, развитие жанра происходило в полном соответствии с культурными тенденциями того или иного периода, что будет ясно в дальнейшем.

Главной отличительной чертой жанра является непосредственно авторская точка зрения на описываемые события. Отсюда мемуарный жанр предоставляет возможность для собственных оценочных суждений и умозаключений, что, например, исключено в научной литературе. «Естественно, мемуары не чужды субъективности и по фактической точности они уступают документу. Однако неполнота фактов и почти неизбежная односторонность информации искупаются в мемуарах живым и непосредственным выражением личности их автора, что является по-своему ценным документом времени»⁷². Такое определение специфики мемуаров соотносится с характером описаний в книге Лоуренса.

«Даже в тех случаях, когда автор и не является сюжетным центром воспоминаний, посвященных другим лицам и событиям эпохи, рассказ все равно строится или в их отношении к автору, или в его отношении к ним, но всегда через призму его индивидуального восприятия. Авторская субъективность предстает, стало быть, неотъемлемой чертой любых мемуаров, единственно

⁶⁹ Вострилов, И. Н. Творчество А. В. Верещагина в контексте военной мемуаристики последней трети XIX-начала XX века [Текст] / И. Н. Вострилов // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2007. – Том 15, № 39. – С. 76.

⁷⁰ Шаповалова, В. А., Штайн, К. Э. Кавказские Минеральные Воды в описаниях, очерках, исследованиях за 200 лет. Том 2 [Текст] / В. А. Шаповалова, К. Э. Штайн. – М.: ФЛИНТА, 2021. – С. 502.

⁷¹ Колядич, Т. М. Воспоминания писателей XX века: Проблематика, поэтика: дис. ... д-ра филол. наук [Текст] / Т. М. Колядич. – М., 1999. – С. 42.

⁷² Литературный энциклопедический словарь [Текст] / подгот. Е. И. Бонч-Бруевич и др.; под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Nikolaeva. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – С. 216.

доступным им средством постижения объективной картины прошлого»⁷³. Однако содержательный аспект мемуаров может быть совершенно разным. История литературы знает мемуары на творческую, военную, политическую, религиозную и любовную тематику. Книга «Семь столпов мудрости» относится к разновидности военных мемуаров, так как в центре ее сюжета находятся боевые действия.

Истории развития жанра военных мемуаров в западноевропейской литературе

Русский военно-исторический словарь характеризует этот жанр следующим образом: военные мемуары — письменные воспоминания участников военных событий, основанные на личных впечатлениях, записках, дневниках, письмах, а также официальных документах, относящихся к описываемому периоду⁷⁴. Исторически зарождение мемуарной прозы связывают с античными авторами. Первым автором военных мемуаров считают древнегреческого политического деятеля, полководца, историка и писателя Ксенофона, (430–354 гг. до н. э.). Его историко-биографическое сочинение «Анабасис» (др.-греч. — «восхождение») описывает поход десятитысячного греческого войска в Переднюю Азию под командованием самого Ксенофона и последующее отступление греков. Ксенофонт не только представляет маршрут похода, но и показывает взаимоотношения солдат и командиров, подробно рассказывает о трудностях пути, которые преодолевали греческие воины, описывает сражения. Ксенофонт выпустил книгу в свет под псевдонимом Фемистоген Сиракузский, так как не хотел, чтобы современники сочли его сочинение демонстрацией собственных заслуг и достоинств. При этом в «Анабасисе» сам Ксенофонт предстает наиболее

⁷³ Тартаковский, А. Г. Мемуаристика как феномен культуры [Текст] / А. Г. Тартаковский // Вопросы литературы. – 1999. – № 1. – С. 35.

⁷⁴ Краснов, В. Г., Дайнес, В. О. Русский военно-исторический словарь [Электронный ресурс] // Восточная Пруссия в литературе. Режим доступа: <https://prussia.online/Data/Book/ru/russkiy-voenno-istoricheskiy-slovar/%D0%92%D0%BE%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE-%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%D0%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C.pdf> (дата обращения: 12.09.2024).

рассудительным, предусмотрительным и одновременно самым героическим из греческих вождей.

Книга пользовалась огромной популярностью — современники, равно как и последующие поколения читателей, восхищались стилем и энергией изложения Ксенофонтом событий, а также тем, что взгляд на них был выражен через личность, принимавшую непосредственное участие в военных действиях. Более того, несмотря на то, что повествование ведется от третьего лица, в книге находят отражение размышления, чувства и тревоги автора. «По пробуждении Ксенофона ему в голову пришла такая мысль: “Что же я лежу? Ночь проходит, а с рассветом скорей всего явятся варвары. Если мы попадем в руки к царю, — что избавит нас от позорной казни после того, как мы заплатим самую тяжкую пеню и вынесем самые страшные муки?.. И я из каких городов ожидаю полководца, чтобы он всё сделал? И до какого возраста самому мне ждать? Старше мне не стать, если завтра я сдамся врагу!”»⁷⁵.

Также в античной литературе необходимо обратиться к еще одному известному образцу жанра военных мемуаров. Автором этих мемуаров был римский полководец и писатель Гай Юлий Цезарь, создавший «Записки о Галльской войне». Цицерон восхищался стилем автора «Записок», а в XVI веке это произведение становится основным сочинением, по которому начинают изучать латинский язык⁷⁶. В Древнем Риме же сочинение Цезаря считалось образцом лаконичной аттической прозы, оно оказало решающее влияние на становление стиля Тацита и ряда других историков: «Но тут подбежал его соперник Ворен и подал ему в эту трудную минуту помочь [...] Ворен действует мечом и, убив одного, мало-помалу заставляет других отступить; но в увлечении преследованием он попадает в яму и падает. Теперь и он в свою очередь окружен,

⁷⁵ Ксенофонт, Г. Ф. Историки Греции [Текст] / Ф. Г. Ксенофонт; пер. с древнегреч. И. Мартынова, Ф. Мищенко, С. Жебелева, С. Ошерова; сост. и предисл. Т. Миллер. Примеч. М. Гаспарова и Т. Миллер. М.: Художественная литература, 1976. – С. 276-277.

⁷⁶ Альбрехт, М. История римской литературы: Т. 1 [Текст] / М. Альбрехт. – М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шицилина, 2003. – С. 472.

но ему приходит на помощь Пулион[...]»⁷⁷ — таким простым языком и спокойным тоном Цезарь повествует о самых драматических событиях и сражениях в книге, ставшей классическим образцом не только для мемуарной прозы, но и всей латинской литературы I века до н.э.

Сочинения Ксенофона и Цезаря считаются единственными военными мемуарами Античности, дошедшиими до наших дней⁷⁸. Лоуренс Аравийский, получив прекрасное образование, был знаком с этими произведениями, впечатление от которых повлияло на его собственное творчество⁷⁹. Так, в книге «Семь столпов мудрости» автор дважды упоминает Ксенофона. «Я обратился к Ксенофонту и украл у него [...] слово “диатетика” — так обозначалось то, чем занимался персидский царь Кир, прежде чем нанести удар» [101, с. 208]. «Там мы остановились на ночь, поскольку Зааги [бедуин] подстрелил дрофу, а Ксенофонт правильно заметил, что ее белое мясо очень вкусно» [101, с. 578], — ссылается Лоуренс на древнегреческого автора военных мемуаров.

Израильский военный историк Юваль Ной Харари в статье 2007 года под названием «Военные мемуары: исторический обзор жанра от Средних веков до современного периода» утверждает, что до него в науке не было представлено обзора истории жанровой модификации. Из предложенного в статье материала становится известно, что традиция военных мемуаров в Средние века была продолжена участниками Крестовых походов. Здесь отмечается, что в средневековой культуре было не принято писать о себе и своих заслугах, не было до определенного времени и знакомства с античной традицией жанра. Тем не менее, мемуары, в том числе военные, подразумевающие автобиографическое начало, здесь все-таки появлялись, хотя и были редки. Они являлись скорее военно-историческими хрониками, созданными участниками событий.

⁷⁷ Цезарь, Г. Ю. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне: под редакцией М. М. Покровского [Электронный ресурс] // История Древнего Рима. Режим доступа: [<https://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1364955005>] (дата обращения: 12.09.2024).

⁷⁸ Harari, Y. N. Military memoirs: A Historical Overview of the Genre from the Middle Ages to Late Modern Era [Text] / Y. N. Harari // War in history. – 2007. – Vol. 14. – № 3. – P. 290.

⁷⁹ Израилевич, Л. С. Лоуренс Аравийский — легенда английской разведки [Электронный ресурс] // Проза.ру. Режим доступа: <https://proza.ru/2013/11/19/1084> (дата обращения: 12.06.2024).

Собственно, военные хроники и являлись прообразами военных мемуаров того периода. Впрочем, существовали и сугубо авторские мемуары, среди них тексты о Четвертом Крестовом походе Жоффруа де Виллардуэна и мемуары о Седьмом Крестовом походе Жана де Жуанвиля. Труд последнего историк Харари называет одним из наиболее детализированных свидетельств о средневековом рыцаре в военном походе. К этому периоду относятся и военные мемуары испанских деятелей — короля Арагона Хайме I и дипломата и военного Рамона Мунтанера⁸⁰.

В эпоху Ренессанса число военных мемуаров увеличилось. Это было обусловлено развитием печатного дела, а также идеями гуманизма, позволившими человеку заявить о силе своего интеллекта и творческого потенциала. В XV веке появилось и название жанра. Кроме того, в эпоху Ренессанса сложился особый жанр «отчетов о военных свершениях», где воины описывали свои боевые заслуги и подавали их в качестве прощений на службу, для получения наград, выплат и индульгенций. Среди авторов таких документов известны испанский конкистадор Берналь Диас и французский полководец Блез де Монлюк⁸¹. Оба деятеля являлись также авторами традиционных военных мемуаров. Диас известен книгой «Правдивая история завоевания Новой Испании» — ценнейшим источником по завоеванию Америки. Автор книги являлся участником похода Эрнана Кортеса (1485–1547) и в отличие от своего полководца проявлял гуманное отношение к коренным жителям Америки, чем заслужил их уважение. Блез де Монлюк был автором «Комментариев», где описал свое участие в Итальянских и Гугенотских войнах в период с 1521 по 1574. Автор указывал, что ориентировался на «Записки о Галльской войне» Цезаря⁸². Интересно, что сами авторы мемуаров не называли их таковыми. Книга Диаса носит название «истории», книга Монлюка — «комментариев» и обозначается им

⁸⁰ Harari, Y. N. Military memoirs: A Historical Overview of the Genre from the Middle Ages to Late Modern Era [Text] / Y. N. Harari // War in history. – 2007. – Vol. 14. – № 3. – P. 291.

⁸¹ Там же, с. 293.

⁸² Корнилова, Е. Н. «Миф о Юлии Цезаре» и идея диктатуры: Историософия и художественная литература европейского круга [Текст] / Н. Е. Корнилова. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та леса, 1999. – 271 с.

в самом тексте как «записки о жизни»⁸³, а, например, испанский поэт и военный Алонсо де Эрсилья-и-Суньига, являясь участником похода в Южную Америку, создал из своих приключений эпическую поэму под названием «Араукана»⁸⁴. Все это объясняется тем, что жанровый канон мемуаров находился на этапе формирования и автор руководствовался творческой свободой и конкретным замыслом. Однако, важно заметить, что военные мемуары Ренессанса все еще оставались схожими со средневековыми, из-за особенностей войн и существенного влияния консервативных идей⁸⁵.

Начиная с XVII столетия мемуары становятся крайне популярным жанром. Растущее разделение между сферами индивидуального и колективного сказалось и на развитии мемуаров — жанр военных мемуаров был отделен от военной истории или хроник и стал включать выраженное автобиографическое начало. Кроме того, развитие получили и непосредственно автобиографические мемуары. Развитие индивидуального сознания в эпоху Просвещения и рост доступности печатных средств позволили создавать мемуары представителям различных профессий и социальных слоев, из-за чего XVII век принято считать «золотым веком» жанра. Также для этой эпохи был характерен жанр духовной автобиографии, популярный среди протестантов — английских пуритан и немецких пietистов — зародившийся еще в творчестве святого Августина. Такие тексты также могли содержать сведения об участии в военных походах их авторов. Здесь историк Харари называет духовные автобиографии «Благодать изобилия» Джона Баньяна, участника парламентской армии, и книгу «Морские приключения» Эдварда Коксера. Обе книги, несмотря на их отнесенность именно к религиозной литературе, содержат ценные сведения о жизни и участии младших чинов в войне того времени⁸⁶.

⁸³ Montluc, B. L.-M. Commentaires et lettres de Blaise de Monluc, maréchal de France: édition revue sur les manuscrits et publiée avec les manuscrits et publiée avec les variantes pour la Société de l'histoire de France [Текст] / B. L.-M. Montluc. – Paris: Mme Ve J. Renouard, 1866. – 493 p.

⁸⁴ Harari, Y. N. Military memoirs: A Historical Overview of the Genre from the Middle Ages to Late Modern Era [Text] / Y. N. Harari // War in history. – 2007. – Vol. 14. – № 3. – P. 294.

⁸⁵ Там же, с. 295.

⁸⁶ Там же, с. 296.

Однако литература, создаваемая простыми людьми, не отвечала общественным запросам на «имя автора» произведения, поэтому, основной пласт военных мемуаров той эпохи создавался представителями образованного дворянства. Другая причина здесь — это, собственно, безусловное наличие образования у таких авторов. Из-за того, что среди сражавшихся всегда были дворяне, мало какая военная кампания могла остаться без воспоминаний современников. В этом отношении наиболее показательны «Мемуары» герцога Франсуа де Ларошфуко. Будучи сосредоточенными на политических событиях при королевском дворе, они содержат интересные сведения о военных действиях в ходе Фронды — гражданских конфликтов во Франции середины XVII века. Важно заметить, что военные мемуары этого и более поздних периодов обретают образ государства, от лица которого и ведется война, чем отличаются от средневековых и ренессансных текстов⁸⁷, где конфликты носили религиозный, междоусобный, либо раннеколониальный характер.

Семнадцатый и восемнадцатый века также примечательны тем, что в этот период появились вымышленные военные мемуары. Среди них плутовской роман «Жизнь и факты Эстебанильо Гонсалеса», написанный как автобиография. Также Гриммельсгаузен описывал свои военные годы в романе «Симплициссимус». Одним из наиболее ярких авторов вымышленных военных мемуаров того времени считается французский писатель Гасье́н де Сандр, известный своими «Мемуарами господина д'Артаньяна», которые являются мистификацией деятельности настоящего графа д'Артаньяна, служившего при дворе Людовика XIV. Существует также роман Даниэля Дефо «Полковник Джек», который представляется автором как военные мемуары⁸⁸.

Период с 1750 по 1850 годы историк Харари называет переломным в истории жанра военных мемуаров, связывая это с появлением все большего числа произведений, написанных не только полководцами, но и участниками войн,

⁸⁷ Там же, с. 297.

⁸⁸ Там же.

находящихся в младших чинах. Такие мемуары появлялись в ходе Великой французской революции и Войны за независимость в США. Военные мемуары становились более личными, в них изображались неприглядные подробности войны, чему ранее уделялось меньше внимания, также представлялся быт и жизнь простых солдат, не только военные маневры и подвиги полководцев. Кроме того, авторы этих мемуаров могли допускать критику официальной позиции и войны в целом. Данные признаки можно наблюдать и в книге «Семь столпов мудрости», как в образце жанра уже развитой традиции.

Военные мемуары Западной Европы XIX века также были связаны в первую очередь со знаковыми историческими событиями — с войнами Наполеона, колониальными войнами, Гражданской войной в США, с Крымской и Франко-прусской войнами, но также посвящались и менее масштабным событиям. Рост образования и развитие индивидуального сознания позволяли создавать мемуары все большему числу авторов-солдат. Так, некогда написанные мемуары о Гражданской войне в США обнаруживаются в местных архивах и публикуются по сей день⁸⁹.

Таким образом, жанр военных мемуаров развивался в соответствии с развитием культурных эпох и зависел непосредственно от тех или иных военных событий. Его канон и основные черты сложились в эпоху Античности и Возрождения, а позже развивались в аспектах привнесения художественных деталей, свободы повествования и возрастания авторского начала. Мемуары Лоуренса, в свою очередь, являясь достоянием XX века, имели соответствующие литературные черты, такие как личностное начало, проявление откровенности перед читателем, зародившиеся в традиции литературы романтизма и реализма, психологизм, развивающийся к модернистскому периоду. В отличие от ранних представителей жанра, личность в повествовании на этом этапе сформирована и ярко выражена. Лоуренс позволяет себе философствовать, переживать о тяготах,

⁸⁹ Там же, с. 301.

своих и чужих, и громко заявлять о победах, критиковать аспекты войны и давать индивидуальную оценку происходящему.

Рассуждая о Первой мировой войне, породившей огромное число военных мемуаров, следует отметить и мемуары друга Лоуренса Аравийского — выдающегося британского политика Уинстона Черчилля. Черчилль писал, что «Лоуренс был “отмечен печатью гения”, “хотя природа его гениальности оставалась непостижима”. Черчилль восхищался разносторонностью Лоуренса, который “обладал неисчислимым количеством граней” и “владел мастер-ключом” от “самых разных сокровищниц”. “Лоуренс был ученым и солдатом, археологом и командиром, механиком и философом. Очарование и радость от знакомства с ним, щедрое величие его натуры еще ярче выделялись на фоне темного житейского опыта и мудрости”. [...] В январе 1919 г. Черчилль возглавил Министерство по делам колоний. ...он решил создать отдельный департамент, отвечающий за этот неспокойный регион. Главной же звездой департамента стал Лоуренс Аравийский, прекрасно разбиравшийся в сложных хитросплетениях ближневосточных проблем и способный, по словам пригласившего его министра, “сделать свои личные качества, свою мощную волю и свои знания вкладом в общее дело”»⁹⁰.

В рамках исследования книги «Семь столпов мудрости» возникает особый интерес к общению Лоуренса и Черчилля. Привлекает внимание тот факт, что в 1923–1939 гг. Черчилль писал книгу мемуаров о Первой мировой войне «Мировой кризис» в четырёх томах. В это же время писатель работал над книгой «Семь столпов мудрости». Лоуренс назвал мемуары Черчилля «лучшей книгой о войне среди прочитанных мной когда-либо»⁹¹. Речь не идет о прямом влиянии мемуаров Черчилля на творчество Лоуренса, но этот отзыв свидетельствует о внимательном отношении последнего к современной военной мемуаристике, об осознании Лоуренсом своей включенности в процесс создания «документов»

⁹⁰ Медведев, Д. Л. Черчилль и Лоуренс Аравийский [Электронный ресурс] // Персональный сайт Дмитрия Львовича Медведева. Режим доступа: [<https://dlmedvedev.ru/essays/wchurchill/churchill-and-lawrence-of-arabia/>] (дата обращения: 12.06.2024).

⁹¹ Там же.

эпохи наряду с такими великими деятелями современности, как будущий премьер-министр Великобритании.

Военные мемуары как специфическая модификация жанра мемуаров и книга «Семь столпов мудрости» как его образец

Надо заметить, что, несмотря на богатую историю, такая жанровая модификация, как военные мемуары, остается малоизученной в отечественном литературоведении, что обуславливает необходимость уточнить ее основные черты в рамках рассматриваемых текстов, опираясь на историю этой жанровой модификации и используя прежде всего пример книги «Семь столпов мудрости» как оформленвшегося образца жанра.

Если сам термин и определение жанра военных мемуаров существует, то его основные типологические признаки, кроме тематического, так и не были определены. В ходе изучения различных научных материалов, связанных с военными мемуарами, представляется возможным определить ряд черт жанра, которые возможно выделить. Очевидно, что рассматриваемая разновидность жанра подразумевает **дихотомию с мемуарами о мирном времени**, от которых они отличаются непосредственно по тематике⁹². В остальных чертах, выделяемых для жанра мемуаров, таких как фактографичность, хроникальность повествования, избирательность в выборе материала, акцент на авторское начало, книга «Семь столпов мудрости» вписывается в жанровый канон мемуаров. В то же время важно обозначить черты именно военных мемуаров и показать соотнесенность с ними рассматриваемой книги Лоуренса.

При рассмотрении типологических черт жанровой разновидности военных мемуаров важно, кроме уже отмеченного, заметить, что их создание осложняется **обстановкой, в которой происходит сбор информации**. Мирная атмосфера, как правило, располагает к фиксации событий из жизни автора, в то время как на войне, по очевидным причинам, сбор информации происходит совершенно иначе.

⁹² Вострилов, И. Н. Творчество А. В. Верещагина в контексте военной мемуаристики последней трети XIX-начала XX века [Текст] / И. Н. Вострилов // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2007. – Том 15, № 39. – С. 76.

В частности, в книге «Семь столпов мудрости», автор указывает на то, что он не имел возможности делать заметки в ходе военных действий, так как являлся не наблюдателем, а полноценным их участником. Данное обстоятельство оказывается и на субъективности изображаемого, на что писатель также указывал. «Эта книга не претендует на беспристрастность. Прошу рассматривать ее как заметки сугубо личного свойства, основанные на отдельных воспоминаниях. Я не имел возможности делать сколько-нибудь систематические записи: если бы я бесстрастно собирал гербарий впечатлений, в то время как арабы сражались, это стало бы изменой моему долгму перед ними» [101, с. 5], — писал Лоуренс.

Другой фактор, влияющий на характер произведений данной жанровой тематики, — **политическая заинтересованность автора**, так как война неразрывно связана с политикой и является ее следствием. Сюда относится присущее почти любому автору политическое мышление — рассмотрение мира сквозь призму идеологии, и, как следствие, с присущей восприятию дихотомией «свой-чужой». Автор военных мемуаров всегда рассматривает свою фигуру как фигуру протагониста⁹³. Конечно, автор может критически относиться к происходящим событиям, но его нахождение на войне автоматически делает его представителем того или иного лагеря в общественном сознании. Лоуренс, будучи британцем, участвуя в Арабском восстании и описывая его ход, представляет собственное государство, работая в его военно-политических структурах и, следуя государственной политике, поддерживает арабские племена в их восстании. Османская империя же является врагом Лоуренса, так как представляет из себя сторону противника, однако отношение автора к туркам скорее нейтральное и хладнокровное, так как для него они враги «по долгу» и «по приказу», в то время как для арабов, союзником которых был Лоуренс и британцы, — это личные враги, являющиеся таковыми уже сотни лет. Несмотря на союзнический, а не личный характер войны, Лоуренс предпринимает все

⁹³ Harari, Y. N. Military memoirs: A Historical Overview of the Genre from the Middle Ages to Late Modern Era [Text] / Y. N. Harari // War in history. – 2007. – Vol. 14. – № 3. – P. 290.

возможное для победы арабов, не только ведомый долгом перед Британской империей, но и испытывая сочувствие к борьбе арабского народа за свободу от османского ига.

Наряду с политическим мышлением автора, военные мемуары, как правило, содержат какие-либо **сведения об инородцах**, с которыми происходит военный конфликт, их истории, культуре, ментальности и манерах, или, иными словами, создают образ врага. Данная особенность опять-таки обусловлена естественными признаками военных действий как явления — авторы военных мемуаров всегда уделяют какое-либо внимание образу народа, которому они противостоят, преследуя как культурно-исторические, так и пропагандистские цели. Что касается данного аспекта в книге Лоуренса, то здесь дело обстоит несколько иначе. Лоуренс практически не описывает турок, с которыми он воевал, ограничиваясь лишь штрихами в виде небольшой исторической справки в начале повествования и некоторых отступлений. Гораздо более интересен Лоуренсу образ, ментальность и культура других инородцев — арабских племен, с которыми он жил и взаимодействовал два года и которые были не врагами, а союзниками. Являясь специалистом по Ближнему Востоку до войны, Лоуренс продолжает изучать нравы и традиции арабов, непосредственно находясь с ними рядом в ответственный период их истории. В этом отношении книга Лоуренса ценна как источник, отражающий восприятие одного народа представителем другого.

Еще одной особенностью разновидности жанра является **коллективистский голос в повествовании**. Война подразумевает коллективное участие, следовательно, и в повествовании о ней нередко могут звучать многие голоса, как и обстоит дело в случае книги Лоуренса. Существенную часть книги автор ведет повествование как от имени англичан, так и от имени арабов, так как находится с ними во взаимодействии и подчинен общему делу. Лоуренс использует и традиционное повествование от первого лица, особенно описывая моменты своего уединения, передышки от военных действий. Повествование от

имени участников событий, присущее военным мемуарам как специальному жанру, характеризуется намерением автора продемонстрировать свое стремление к объективности⁹⁴.

Также военные мемуары, как правило, посвящены определённым событиям, что устанавливает точные **временные рамки повествования**, в то время как, например, автобиографические мемуары могут охватывать любой промежуток жизни автора. В случае с книгой «Семь столпов мудрости» ее повествование занимает два года восстания, а также содержит вводную главу, где автор уделяет внимание истории арабского народа, его культуре и мировоззрению, оккупации арабов Османской империей, предпосылкам восстания и роли в нем союзнических сил.

Военные мемуары обладают **ценностью для исторической науки**, являясь свидетельством о событиях от первого лица, — это еще один из важнейших признаков жанра. В военных мемуарах содержатся сведения о ходе противостояния, о действиях командования, о быте, характерах и поступках участников событий. Некоторые исследователи относят мемуаристику, в том числе военную, к источникам историографии⁹⁵, так как представители жанра позволяют открыть многое из того, что не могло бы быть доступно историографам. В этом отношении, книга Лоуренса встает в один ряд с историческими источниками, посвященными Первой Мировой войне.

Военные мемуары несут **гуманистическую традицию** изображения войны через призму индивидуального взгляда, а не отстраненного, как это делает историческая наука или средства массовой информации (за исключением жанра репортажа). Несмотря на коллективный и глобальный характер войны как явления, в центре которого находится противостояние между странами, их

⁹⁴ Лебедева, А. С., Салтымакова, О. А. Типология авторов народных военных мемуаров (на материале текстов естественной письменной речи) [Текст] / А. С. Лебедева, О. А. Салтымакова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Том 15, № 4. – С. 1083.

⁹⁵ Гюбиева, Г. Е. Этапы развития русской мемуарно-автобиографической литературы XVIII века: дис. ... канд. филол. наук [Электронный ресурс] / Г. Е. Гюбиева. – М., 1968. – 262 с. Режим доступа: <https://www.dissertcat.com/content/etapy-razvitiya-russkoj-memuarno-avtobiograficheskoi-literatury-xviii-veka> (дата обращения 09.09.2024).

армиями, военные мемуары делают центром человека и его мнение, ставя, в рамках одного текста, судьбу человека важнее интересов государства⁹⁶. В этом смысле мемуары Лоуренса Аравийского носят антропоцентричный характер — авторское мнение, его философские отступления и умозаключения о ходе войны, характере народов и персонажей, собственной судьбе, встречаются на протяжении всей книги.

В силу рассуждений о месте и роли человека на войне, важно заметить, что военные мемуары отражают **особое ментальное состояние автора**, оказавшегося в наиболее эмоционально и физически тяжелых для человека условиях из возможных. Изучение природы отдельного человека и людей в подобных условиях привлекает внимание как психологов, так и литературоведов. Так, военные мемуары обладают особой психологической ценностью, раскрывая индивидуальность того или иного человека, его поведение и характер в экстремальных условиях, а шире — людей в целом. Мирные мемуары также имеют психологическое значение, однако в них нет такого спектра эмоций, которые способна вызвать в человеке война. Психологический портрет в военных мемуарах носит в свою очередь аспекты групповой, ролевой и личностной идентичностей — отражая социальный и индивидуальный опыт человека⁹⁷.

В этом отношении Лоуренс в своей книге крайне откровенен с читателем. Автор заявляет об успехах и не скрывает неудач, изображая военную жизнь без прикрас. Что касается влияния войны на личность автора, автор указывает на собственное преображение, внешнее и внутреннее. Лоуренс был вынужден носить арабские одежды, чтобы не вызывать подозрений, говорить с бедуинами на одном языке и жить одинаковым с ними образом жизни. По словам автора, это сказалось на его мировосприятии. Он на время утратил свою прежнюю идентичность и не обрел новой. «Дай Бог, чтобы люди, читающие это повествование, не пустились

⁹⁶ Глинникова, С. В. Особенности библиографирования военных мемуаров [Текст] / С. В. Глинникова // Трансформации музеев-библиотек-архивов и информационное обеспечение исторической науки в информационном обществе: сборник статей по материалам научно-практического семинара. – 2017. – С. 42.

⁹⁷ Буланова, И. С., Смолянский, П. В., Чернов, А. Ю. Идентичность и смысловая система солдата: опыт нарративного анализа военно-исторических мемуаров [Текст] / И. С. Буланова, П. В. Смолянский, А. Ю. Чернов // Мир науки. Педагогика и психология. – 2019. – № 4. – С. 3.

из ложного романтизма и страсти к неведомому проституировать на службе другому народу. Тот, кто отдаётся в собственность иноземцам, уподобляется йеху из свифтовского “Путешествия Гулливера”, продавшему свою душу тирану» [101, с. 14], — писал в мемуарах Лоуренс.

Военные мемуары, кроме образов окружающей действительности, пейзажных зарисовок, содержат также **«образ войны»**, соответствующей тому или иному военному конфликту. Это особое состояние окружающей действительности, дополненное изображениями военных действий, присущими им бытом, правилами, атмосферой. Так на страницах книги Лоуренса встречается описание многочисленной техники: военных машин, поездов и самолетов, а также лагерей союзников и боевых отрядов противников, сцен убийств, насилия, разграблений и переговоров. Все это создает в сознании читателя представление о характере времени и событий Первой мировой войны.

Кроме вышеназванных особенностей, в произведениях, относящихся к жанру военных мемуаров, могут **участвовать элементы нескольких жанров**. Так, например, в XVI–XVII веках появлялись тексты, содержащие сведения о войнах, но облеченные в жанр комментариев, записок о жизни, поэм или религиозной прозы⁹⁸. Книга Лоуренса, благодаря художественному языку, созданию автором ярких образов персонажей и содержащимся в ней описаниям природы и быта, в данном аспекте близка, как уже выше указывалось, к жанру романа. Таким образом, она продолжает еще одну из возможных для жанра военных мемуаров тенденций развития.

Итак, отличительными чертами военных мемуаров, большинство из которых так или иначе наличествует в сочинениях данного жанра, является военная тематика, специфические особенности обстановки, в которой происходит сбор информации, наличие политической позиции автора, присутствие образа инородцев, использование автором повествования от имени коллектива,

⁹⁸ Harari, Y. N. Military memoirs: A Historical Overview of the Genre from the Middle Ages to Late Modern Era [Text] / Y. N. Harari // War in history. – 2007. – Vol. 14. – № 3. – P. 296.

временная ограниченность повествования описываемыми событиями, историческая и психологическая ценность повествования, его гуманистический характер и взгляд «изнутри», специфический «образ войны», отсутствующий в мемуарах о мирных временах, и проявление связи с другими литературными жанрами в рамках одного текста — в данном случае с романом и жанром этнографического очерка, в котором выполнен пролог произведения.

Так были обозначены основные отличительные черты военных мемуаров и продемонстрирована принадлежность к данному жанру книги «Семь столпов мудрости». Лоуренс Аравийский создал книгу в жанре военных мемуаров в период уже сформированной традиции, что в совокупности с писательским мастерством дает основание причислить его к авторам, эту традицию продолжившим и обогатившим.

1.4. Тема арабского Востока в европейской и английской литературе

Восточная тематика была заметно и разнообразно представлена в английской, и шире, европейской литературе ко времени появления мемуаров Лоуренса. Это было следствием важных исторических событий, в которых Запад взаимодействовал с арабским Востоком. Лоуренс в своей книге описывает мусульманский Восток, поэтому важно рассматривать историческое взаимодействие Запада и арабского Востока с момента появления на территории последнего ислама в результате деятельности пророка Мухаммеда (570–632). Мухаммед объединил под своей властью Аравийский полуостров. После его смерти было создано государство Праведный халифат (632–661), территории которого расширялись за пределы полуострова — в Северную Африку и Персию, а из него появились Омейядский (661–750) и Аббасидский (750–1258) халифаты — крупнейшие арабские империи, занимавшие в том числе часть Западной Европы — современных Испании и Португалии. Омейядский халифат также претендовал на Франкское государство — территорию современной Франции, но

был остановлен Карлом Мартеллом (717–741) в битве при Пуатье (731)⁹⁹. Впоследствии непосредственное «знакомство» европейцев с арабским Востоком продолжилось в ходе крестовых походов (1096–1272), предпринятых европейскими государствами с целью освобождения христианских святынь и города Иерусалима от власти империи Аббасидов. Крестовые походы оставили заметный след в европейской литературе — от военных мемуаров участников походов до таких выдающихся произведений, как поэма Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим» или исторических романов Вальтера Скотта.

После падения империи Аббасидов на территории Аравии существовало несколько государств, пока в 1517 году она не была захвачена Османской империей на 400 лет — до событий Арабского восстания, описанного в мемуарах Лоуренса Аравийского. Важно заметить, что Османская империя в ходе своего расширения занимала часть территории Западной Европы, поставив тем самым под сомнение дальнейшее их существование в привычном культурном пространстве. Войны коалиций европейских государств 1571 и 1683 гг. против Османской империи также способствовали соприкосновению европейской культуры с культурой мусульманского востока. Отдельно здесь необходимо выделить англо-турецкие отношения. Оба государства представляли крупнейшие империи Запада и Ближнего Востока и неоднократно вступали в военные конфликты, как друг против друга (Англо-турецкая война), так и в коалиции (Крымская война).

Еще одним важнейшим историческим явлением, связанным с развитием взаимоотношений Запада и Востока, является колонизация, начавшаяся в конце XV века. Непосредственно у Англии не было арабских территорий до окончания Арабского восстания, но были колонии в Индии и Юго-Восточной Азии. Как и завоевания мавров, крестовые походы и расширение Османской империи, процесс

⁹⁹ Davis, P. K. 100 Decisive Battles From Ancient Times to the Present [Text] / P. K. Davis // UK: ABC-CLIO, 1999. – Р. 105.

колонизации сформировал у европейцев, в том числе и у англичан, специфическое отношение к жителю Востока.

Однако, указывая на особо значимые вехи взаимодействия Востока и Запада, важно обращать внимание не только на военно-политические отношения, но и на непосредственно культурные. Так именно арабы сохранили существенную часть письменного наследия Античности в период раннего Средневековья. С VIII по XIII столетие арабская цивилизация переживала свой расцвет. Благодаря деятельности Мухаммеда и его сторонников арабы обрели религиозную идентичность, завоевали земли соседей, улучшили свое экономическое положение и достигли небывалых высот в науке и искусстве. Данный период называется исследователями исламским Ренессансом. Он ознаменовался появлением множества ученых в сфере астрономии, географии, медицины, а также поэтов и философов. Они использовали достижения Древней Греции, Рима и Египта и развили их, оказав влияние не только на арабский мир, но и на мировую науку и культуру на последующее тысячелетие.

Европа после распада Западной Римской империи представляла собой множество разрозненных племен и княжеств, которые в течение многих столетий, благодаря античному наследию — христианству и латинскому языку — смогли восстановиться на этой основе. При этом, утратив в период Темных веков (V-VII вв.) многие письменные античные памятники, европейцы именно через культурное посредничество с Востоком вновь обрели их. Лишь к началу эпохи Возрождения европейские государства смогли продемонстрировать культурные и экономические достижения, сравнимые с арабскими.

Между тем, с XIII века положение Запада и арабского Востока начало меняться. Арабский мир стал приходить в упадок, в то время как Западная Европа, начиная с итальянских городов-государств, стала бурно развиваться экономически и культурно, доминируя в мире. Арабские государства после двух столетий раздробленности и четырех столетий оккупации турками только в XX

веке вновь начинают становиться на путь независимого развития, что удается не всем из них.

Важно заметить, что культурно-технологический приоритет Европы изменил отношение к Востоку, что открыло дорогу для колонизации и соответствующему ей цивилизационному высокомерию европейцев, а традиционализм восточных народов стал рассматриваться ими как отставание. Однако, совершенно нельзя утверждать, что колониализм — исключительно европейское явление — описанные выше государства Халифата и Османская империя также в свое время имели в основе захватническую политику, в том числе и по отношению к Европе¹⁰⁰.

Литературовед Эдвард В. Сайд, сформировавший определение ориентализма, придерживался концепции, что существует два Востока — «East» и «Orient». Если «East» — это реальный географический Восток, то «Orient» — это Восток, воплощенный в сознании и творчестве европейцев и американцев, исходивший зачастую из присущего им колониального сознания. Так, согласно Саиду, Восток в творчестве ориенталистов воображаемый, подчас идеализированный и контрастный Западу¹⁰¹. При этом, описание Востока кем-либо из живущих в регионе автором также может быть преображенным творческим сознанием и отличным от реальности. Поэтому при анализе восточных образов и мотивов в европейской литературе целесообразнее опираться не на происхождение авторов текстов, а на то, какова авторская интенция и, соответственно, каков ориенталистский образ в произведении автора.

Восток в ранней европейской литературе представлялся в большей степени как далекие, загадочные и враждебные земли, что было обусловлено объективной политической обстановкой. Так, войны Карла Великого (748–814), императора франков с маврами, захватившими Испанию, нашли отражение в поэмах «Песнь о Роланде» (XI век) неизвестного автора и «Неистовый Роланд» (1532) Людовико

¹⁰⁰ Крылова, Е. Е. Образ Востока в пьесе К. Марло «Тамерлан Великий» [Текст] / Е. Е. Крылова // Горизонты гуманитарного знания. – 2018. – № 6. – С. 64.

¹⁰¹ Сайд, Э. В. Ориентализм [Текст] / Э. В. Сайд // СПб.: Русский Миръ, 2006. – С. 88.

Ариосто (1474–1533), а сражения испанского полководца Родриго Диаса де Вивара (1040–1099) против захватчиков представлены в национальном испанском эпосе «Песнь о моем Сиде» (XII век). Важно отметить, что ислам с его возникновения рассматривался христианским Западом как ересь. Так, Данте Алигьери (1265–1321) в поэме «Божественная комедия» (1321) расположил пророка Мухаммеда в восьмом кругу ада, так как, по мнению поэта, своим лживым учением тот поселял раздор между людьми. Жители Востока в эпической литературе Средних веков и Возрождения назывались «сарацинами» и неверными. В свою очередь неверными, или гяурами, считали христиан и мусульмане.

«Песнь о Роланде» — один из первых европейских текстов, где было осуществлено художественное осмысление арабского Востока. В поэме, как в любом героическом эпосе, присутствует четкое разделение сторон конфликта — христиан и мавров, где последние называются язычниками, неверными, сарацинами и нехристианами. Интересно, что автор приписывает последним также колдовство¹⁰². Эпический поэт всецело выступает на стороне франков, прославляя и возвышая воинов Карла и самого императора. Поэма содержит выразительный образ отважного Роланда, воина и христианина, величественный образ непобедимого Карла и пронизана патриотической идеей, соответствующей духу национального эпоса¹⁰³.

В «Неистовом Роланде» Людовико Ариосто, созданном через несколько столетий, образ героя, как и образ обитателей Востока, обогащается и видоизменяется. Главный герой здесь не только воин Карла Великого, исполняющий свой военный долг, а еще и рыцарь, влюбленный в прекрасную даму. Кроме того, у произведения крайне широкая география, охватывающая всю открытую на тот момент Евразию: вместе с франками здесь сражаются и многие другие христианские народы — шотландцы, голландцы, немцы, эфиопы, а

¹⁰² Песнь о Роланде [Электронный ресурс] // Lib.Ru. Режим доступа: <http://lib.ru/INOOLD/WORLD/roland.txt> (дата обращения: 09.09.2024)

¹⁰³ Погребная Я. В. История зарубежной литературы. Средние века и Возрождение [Текст]: учеб. пособие; практикум / Я.В. Погребная. – 2-е изд., стер. – М.: Флинта, 2013. – С. 245.

противостоят им не только мавры, но и выходцы из Африки, Черкесии, Индии и Катая. Поэма «Неистовый Роланд» отражает противостояние христиан и всех остальных «неверных», в этом заключается ее глобальный универсалистский характер, соответствующий монументальности эпохи Возрождения. При этом каждый из «восточных героев» поэмы носит индивидуальную авторскую характеристику. Героев Ариосто определяют их поступки, а не вера или происхождение. Поэт не разделяет христиан и неверных, для него восточный рыцарь может быть прославленным и отважным воином, в то время как злодеем может являться христианин-европеец. Восток (как и Запад) Ариосто — всецело воображаемый, сказочный: в художественном мире его поэмы встречаются волшебные острова, летающие кони, предсказания, магические предметы и оружие, а герои обладают нечеловеческой силой. Ариосто, как деятель Высокого Возрождения, стремился к широте географии, к глобальности и масштабности своего замысла, а его герои, в том числе и жители Востока, определяются — в соответствии с духом эпохи — собственной силой, умом, красотой и благородством, что уравнивает их с европейцами, делая поэму «Неистовый Роланд» произведением особым в аспекте восприятия чуждых автору культур¹⁰⁴.

Литературовед и исследователь представлений о Востоке в западной культуре Эдвард В. Сайд выделял два имени, которые активизировали восточную тематику в европейской культуре последующего периода: это французский востоковед Антуан Галлан (1646–1715), первый переводчик сборника сказок «Тысяча и одна ночь» на европейский язык, и его современник Бартелеми д'Эрбело (1625–1695), издавший книгу «Bibliothèque orientale» (1697) («Восточная библиотека»).

«Восточная библиотека» представляла собой историю Востока от ветхозаветных мифов до современных автору дней. Восток в ней включал в себя обширную топографию: «от Дальнего Востока до Геркулесовых столпов, вместе с

¹⁰⁴ Кузьмин, И. А. Традиция рыцарского романа в поэме Л. Ариосто «Неистовый Роланд»: маг. дис. [Текст] / И. А. Кузьмин. – М., 2021. – С. 62.

их обычаями, ритуалами, традициями, комментариями, династиями, дворцами, реками и флорой»¹⁰⁵. По словам Галлана, написавшего предисловие к этой книге, «Д'Эрбело, прочитав огромное множество работ по-арабски, по-персидски и по-турецки, открыл тему, прежде полностью скрытую от европейцев»¹⁰⁶.

Начиная с XVIII и до начала XX века Восток в культуре Западной Европы связан с направлением сложившегося ориентализма (от лат. *orientalis* — восточный). Всплеск интереса к Востоку со стороны европейцев активизировался в эпоху Просвещения. Знания о других странах, в частности о странах Востока, были нужны в том числе и для укрепления торговых и культурных связей¹⁰⁷. Интерес к иным культурам был связан и с самим характером эпохи, когда европейским ученым, философам и писателям стали интересны принципы функционирования общества и государства, в том числе иноземных стран. Кроме того, универсализм Просвещения ставил задачу собрать наиболее подробное и обширное знание о мире, населяющих его народах, характере и причинах различий между ними¹⁰⁸. Квинтэссенцией этого стремления стала «Энциклопедия» (1751), содержащая все существующие на тот момент знания, созданная ведущими французскими учеными столетия. Наряду с этим, интересу к Востоку способствовали географические открытия¹⁰⁹, а также появление перевода сборника сказок «Тысяча и одна ночь» на французский язык и общая мода на путешествия и экзотику¹¹⁰.

Негативные представления европейцев о Востоке, существующие в их сознании по сей день, окончательно сформировались именно в эту эпоху. Дело в том, что просветители сравнивали Восток со своими идеалами свободы, развития и политической системы просвещенной, либо народной власти, чего не находили

¹⁰⁵ Сайд, Э. В. Ориентализм [Текст] / Э. В. Сайд // СПб.: Русский Миръ, 2006. – С. 101.

¹⁰⁶ Galland, A. Prefatory «Discours» [Text] / A. Galland // Bibliothèque orientale, ou Dictionnaire universel contenant tout ce qui fait connaître les peuples de l'Orient / B. d'Herbelot. – The Hague: Neaulme & van Daalen, 1777. – Vol. 1, P. VII.

¹⁰⁷ Мигаль, А. С. Восток учёных: английское исламоведение в эпоху Просвещения [Текст] / А. С. Мигаль // Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2015. – № 1 (185). – С. 44.

¹⁰⁸ Мигаль, А. С. Образ мусульманского правителя в философских трудах Вольтера и Монтескье [Текст] / А. С. Мигаль // Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2017. – № 3 (195). – С. 71.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Мухина, Г. А. «Персидские письма» Монтескье и представления об истории [Текст] / Г. А. Мухина // Вестник ОмГУ. – 2009. – № 3. – С. 129.

ни в Европе, ввиду засилья клерикализма и абсолютизма, ни на Востоке, который объективно отличался своим политическим укладом и отсутствием каких-либо просветительских идей¹¹¹. Тем не менее, Европе отдавалось преимущество. Отсталость людей Востока европейские авторы объясняли деспотизмом, который ограничивал доступ к знаниям, а отсутствие рефлексии и критического мышления — постоянным страхом. Атмосфера подавления делала жителей Востока жестокими, а отсутствие законов вынуждало прибегать к интригам и обману. Деспотичной власти не нужны были образованные граждане, а боязнь бунта объяснялась рабской психологией¹¹². Так, Дени Дидро (1713–1784) приводил сравнение Франции с Турцией: «[...] в первой существует общество людей, объединенных разумом и руководимых добродетелью, управляемое по законам справедливости столь же мудрым, сколь и славным главой. В другой стране есть лишь стадо животных, составленное силой привычки и вынужденное маршировать по закону кнута, по капризу полновластного господина»¹¹³.

Наряду с политикой, просветители указывали на религиозный и географический факторы. Мухаммед в «Энциклопедии» описывался как обманщик, а ислам как религия, разворачивающая нравы¹¹⁴. Отдельно Просветители выделяли гаремы как символ деспотизма и порабощения женщин. Свобода женщин была для них признаком развития и цивилизованности¹¹⁵. Так, Дэвид Юм (1711–1776) сравнивал отношение мужчин к женщинам в Европе и на Востоке, указывая на то, что в цивилизованных странах мужчины хотя и проявляют власть над женщиной, но делают это галантно и вежливо, тогда как варварские нации

¹¹¹ Мигаль, А. С. Концепт восточный деспотизм в представлениях французских просветителей о мусульманском Востоке [Текст] / А. С. Мигаль // Научный диалог. – 2015. – № 11 (47). – С. 150.

¹¹² Мигаль, А. С. Образ мусульман в представлениях западноевропейских интеллектуалов XVIII века [Текст] / А. С. Мигаль // История и историческая память. – 2017. – № 15. – С. 38.

¹¹³ Вдовина, И. С., Богуславский, В. М., Соколов В. В. Философия в Энциклопедии Дидро и Даламбера [Текст] / И. С. Вдовина, В. М. Богуславский, В. В. Соколов // М.: Наука, 1994. – С. 437.

¹¹⁴ Там же, с. 174.

¹¹⁵ Монтескье, Ш. Л. О духе законов Монтескье [Электронный ресурс] // Гражданское общество в России: научная электронная библиотека. Режим доступа: https://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye_O%20dukhe.pdf (дата обращения: 09.09.2024).

держат женщин в рабском положении, «запирая, избивая, продавая и убивая их»¹¹⁶.

Деятели Просвещения, стремясь в своих трудах истолковать различия между народами, обращали внимание на климат, благодаря чему создали концепцию географического детерминизма, в которой климат определял уклад жизни народов и влиял на их национальный характер. Писатель и философ Шарль-Луи Монтескье (1689–1755) в трактате «О духе законов» (1748) писал, что чем жарче климат, тем люди более сладострастны и склонны к лени¹¹⁷.

Монтескье также внес существенный вклад в создание представлений о Востоке в своем эпистолярном романе «Персидские письма»¹¹⁸ (1721). В романе изображается Франция XVIII века глазами персидского вельможи Узбека. Однако в реализованном замысле автор демонстрирует собственное видение Франции и критикует ее политическое устройство. При этом, книга содержит описания Востока, с помощью которых автор завуалировал критику французского общества и власти¹¹⁹.

«Через видение своего персонажа Узбека Монтескье показывает, что европейские монархии предпочтительнее азиатских — короли, в отличие от султана, считаются с нравами и религией подданных, не могут произвольно лишать их жизни, а главное — призваны поддерживать равновесие между народом и государем»¹²⁰. Другой персидский персонаж заключает: «свобода создана, видимо, для народов Европы, а рабство — для народов Азии»¹²¹. В этом высказывании Монтескье отмечает важнейшее отличие Европы и Азии, где преобладает деспотизм. В Персии Монтескье также видел унификацию людей,

¹¹⁶ Юм, Д. Сочинения в 2 т. Т. 2 [Текст] / Д. Юм; Пер. с англ. С. И. Церетели и др.; Примеч. И. С. Нарского. – 2-е изд., дополн. и испр. // М.: Мысль, 1996. – С. 556-557.

¹¹⁷ Монтескье, Ш. Л. О духе законов Монтескье [Электронный ресурс] // Гражданское общество в России: научная электронная библиотека. Режим доступа: https://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye_O%20dukhe.pdf (дата обращения: 09.09.2024).

¹¹⁸ Монтескье, Ш. Л. Персидские письма [Текст] / Ш. Л. Монтескье. – М.: Азбука, 2010. – 352 с.

¹¹⁹ Goyard-Fabre, S. La philosophie des Lumières en France [Text] / S. Goyard-Fabre // Paris: Slatkin Reprint, 2012. – P. 194.

¹²⁰ Мухина, Г. А. «Персидские письма» Монтескье и представления об истории [Текст] / Г. А. Мухина // Вестник ОмГУ. – 2009. – № 3. – С. 132.

¹²¹ Там же.

отсутствие в них индивидуальности. Отдельным эпизодом в романе представлен бунт в гареме, который автор рассматривал как символ несвободы и образец деспотического государства в миниатюре¹²².

Теме деспотии Монтескье уделил внимание и в своем трактате «О духе законов»¹²³. «В нем он выделял три типа правления: республику, монархию и деспотию»¹²⁴. Последняя в его концепции была присуща именно восточным государствам и являлась, по мнению автора трактата, неким антиподом государственного правления в европейских странах. Необходимость показать на восточном фоне идеальную политическую систему и вызывала интерес автора к Востоку¹²⁵. Монтескье писал, что восточный деспот «ленив, невежественен, сластолюбив», а власть его не ограничена ничем, кроме собственной воли. Отсутствие правовой системы вело к тирании по отношению к окружающим, а власть основывалась на страхе как самого правителя за свою жизнь, так и его подданных. Так, по утверждению Монтескье, обстояли дела в Турции, Персии и Монголии¹²⁶. Воспитание в гареме не позволяло будущему правителью развиваться, а отсутствие порядка наследования власти создавало страх за свою жизнь. Также Монтескье утверждал, что восточный правитель больше был занят делами гарема, чем государственными, а его мотивацией служит жажда обогащения¹²⁷. Наряду с этим, Монтескье считал одной из причин деспотизма обширные размеры территорий восточных государств¹²⁸.

Несмотря на то, что монархии и деспотии схожи, Монтескье был убежден, что европейские монархии более просвещенные, нежели восточные деспотии, что

¹²² Там же.

¹²³ Монтескье, Ш. Л. О духе законов Монтескье [Электронный ресурс] // Гражданское общество в России: научная электронная библиотека. Режим доступа: https://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye_O%20dukhe.pdf (дата обращения: 09.09.2024).

¹²⁴ Мигаль, А. С. Образ мусульманского правителя в философских трудах Вольтера и Монтескье [Текст] / А. С. Мигаль // Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2017. – № 3 (195). – С. 72.

¹²⁵ Мигаль, А. С. Концепт восточный деспотизм в представлениях французских просветителей о мусульманском Востоке [Текст] / А. С. Мигаль // Научный диалог. – 2015. – № 11 (47). – С. 159.

¹²⁶ Мигаль, А. С. Образ мусульманского правителя в философских трудах Вольтера и Монтескье [Текст] / А. С. Мигаль // Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2017. – № 3 (195). – С. 72.

¹²⁷ Мигаль, А. С. Концепт восточный деспотизм в представлениях французских просветителей о мусульманском Востоке [Текст] / А. С. Мигаль // Научный диалог. – 2015. – № 11 (47). – С. 153.

¹²⁸ Там же, с. 156.

они защищены от перерождения в последние благодаря разделению властей и христианству. Христианство, согласно писателю, удерживало от гнева и жестокости, а также запрещало многоженство, разрешенное в исламе¹²⁹. Монтескье противопоставлял две религии: «[...] магометанские государи беспрестанно сеют вокруг себя смерть и сами погибают насильственной смертью, у христиан религия делает государей менее боязливыми, а, следовательно, и менее жестокими. Государь полагается на своих подданных, а подданные — на своего государя»¹³⁰.

Заметим, что в своем видении восточного правителя философ опирался на труды «французского путешественника Жана Шардена (1643–1713) и английского дипломата Поля Рикота (1628–1700)»¹³¹. Рикот, однако, выделял как положительные, так и отрицательные стороны турецких султанов, в то время как Монтескье делал акцент на последних¹³². «Путешественники часто описывали не то, что видели, а то, что хотели увидеть. То есть они приезжали в другие страны уже со сложившейся системой представлений о их жителях и культуре и стремились найти соответствия своим стереотипам [...] Иначе говоря, в эпоху Просвещения в среде французских интеллектуалов сложилась своеобразная цепочка передачи стереотипов из поколения в поколение»¹³³. Важно отметить и то, что Монтескье в своем трактате опирался в том числе на Аристотеля, который сравнивал современную ему демократическую Грецию и восточные монархии, применяя, однако, эту дилемму к реалиям XVIII века¹³⁴.

Тема власти и деспотии как ее проявления волновала и других деятелей Просвещения, среди которых был Вольтер (1694–1778). В труде «Опыт о

¹²⁹ Мигаль, А. С. Образ мусульманского правителя в философских трудах Вольтера и Монтескье [Текст] / А. С. Мигаль // Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2017. – № 3 (195). – С. 73.

¹³⁰ Монтескье, Ш. Л. О духе законов Монтескье [Электронный ресурс] // Гражданское общество в России: научная электронная библиотека. Режим доступа: https://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye_O%20dukhe.pdf (дата обращения: 09.09.2024).

¹³¹ Мигаль, А. С. Образ мусульманского правителя в философских трудах Вольтера и Монтескье [Текст] / А. С. Мигаль // Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2017. – № 3 (195). – С. 73.

¹³² Там же, с. 73.

¹³³ Мигаль, А. С. Концепт восточный деспотизм в представлениях французских просветителей о мусульманском Востоке [Текст] / А. С. Мигаль // Научный диалог. – 2015. – № 11 (47). – С. 154-155.

¹³⁴ Там же, с. 152.

всеобщей истории и о правах и духе народов со времен Карла Великого вплоть до эпохи Людовика XIV» (1759) писатель представляет иную точку зрения на восточных правителей, отмечая заслуги некоторых из них — Харуна ар-Рашида, развивавшего науку и поэзию в империи Аббасидов, Мехмеда II, который также был просвещенным лидером и отличился веротерпимостью по отношению к христианам после захвата Константинополя. Кроме того, Вольтер указывал на ограниченность власти султана. Философ в своих сведениях о Востоке опирался на «Восточную библиотеку» Бартелеми д'Эрбело. Таким образом, два французских просветителя придерживались разного мнения о восточной деспотии. Монтескье использовал Восток для доказательства своей политической теории, а Вольтер указывал на то, что деспотия присуща не странам, а конкретным историческим деятелям¹³⁵.

Наряду с историческим трактатом, Вольтер коснулся темы арабского Востока в трагедии «Магомет» (1742). Ее главным действующим лицом являлся непосредственно основатель ислама — пророк Мухаммед. Трагедия играла роль антирелигиозного памфлета, что было присуще эпохе и мировоззрению автора¹³⁶. В пьесе нет сведений о религии, тематика Востока была выбрана автором с целью завуалировать критику европейского клерикализма¹³⁷.

Что касается английской литературы и культуры, то к началу XX века в ней также сложилась традиция изображения Востока, которая развивалась на протяжении нескольких столетий. По-настоящему, восточная тематика начинает привлекать деятелей английской литературы в эпоху Возрождения. Здесь она находит отражение в рассказе сквайра из сборника «Кентерберийские рассказы» (1387–1400?) Дж. Чосера (1340/1345–1400), где представлен видоизменённый художественный образ Чингисхана — правителя Монгольской империи, в пьесах

¹³⁵ Мигаль, А. С. Образ мусульманского правителя в философских трудах Вольтера и Монтескье [Текст] / А. С. Мигаль // Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2017. – № 3 (195). – С. 74-75.

¹³⁶ Асадуллин, Ф. А. Мусульманская община Москвы XVIII–XIX вв. В контексте либерализации религиозной политики [Текст] / Ф. А. Асадуллин // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. – 2017. – № 1. – С. 68.

¹³⁷ Артамонов, С. Вступительная статья [Текст] / С. Артамонов // Орлеанская девственница, Магомет, философские повести / В. Скотт. – М.: Издательство Художественная литература, 1971. – С.17.

«Тамерлан» (1590) и «Мальтийский еврей» (1589) драматурга елизаветинской эпохи Кристофера Марло (1564–1593).

Интерес Марло к правителю монголов Тамерлану объясняется колониальной экспансией XVI века¹³⁸ и формированием на рубеже раннего Нового Времени империалистической идеологии¹³⁹. Кроме того, по мнению исследователей, «перенесение действия в далекие (или выдуманные) страны и времена позволяло авторам определенную свободу высказываний¹⁴⁰», так как сцену сожжения религиозных книг можно трактовать как негативное отношение к религии со стороны Марло¹⁴¹. Тамерлан предстает в пьесе как жестокий завоеватель и восточный деспот, подобно Фаусту, другому герою творчества Марло, возвысившийся над землей и небом и вынужденный признать ограниченность могущества человека¹⁴². При этом нет устойчивого мнения о том, как сам автор трактовал образ монгольского завоевателя. Одни ученые считают, что в Тамерлане Марло изобразил стремящихся покорить мир англичан, другие, что драматург демонизировал Восток. Так или иначе, Марло одним из первых представил Восток в английской литературе, изобразив его с протоколониальных позиций.

Восточные персонажи представлены также в драматическом творчестве Уильяма Шекспира (1564–1616) — среди них мавр из трагедии «Отелло» (1603) и еврей Шейлок из комедии «Венецианский купец» (1600). Действие трагедии Отелло, кроме того, происходит на фоне войны Венецианской республики и Османской империи. Сюжет пьесы основан на новелле Джиральди Чинцио (1504–1573) «Венецианский мавр» (1565). Восточные образы в литературе этого периода были призваны создать необычную, экзотическую атмосферу произведений, а также воплощали те или иные стереотипы о других народах, так как их авторы не

¹³⁸ Sales, R. Christopher Marlowe [Text] / R. Sales. – New York: St. Martin's Press, 1991. – P. 59.

¹³⁹ Bartels, E. C. Spectacles of strangeness: imperialism, alienation, and Marlowe [Text] / E. C. Bartels. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1993. – P. 13.

¹⁴⁰ Крылова, Е. Е. Образ Востока в пьесе К. Марло «Тамерлан Великий» [Текст] / Е. Е. Крылова // Горизонты гуманитарного знания. – 2018. – № 6. – С. 68.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Там же, с. 76.

посещали Восток лично и воспроизводили существующие в обществе представления. В трагедии «Отелло» интересно, что мавр, будучи представителем Востока, служит европейцам в войне против турок, отличается знанием местности, а фоном трагедии являются реально проходившие во времена Шекспира боевые действия. Монолог Отелло можно рассматривать как художественный отклик на реально происходившие события.

В Англии XVII столетия интерес к Востоку проявлял поэт и политический деятель Джон Мильтон (1608–1674), создавший книгу «Краткая история Московии и других малоизвестных стран, лежащих на восток от России» (1682)¹⁴³. С XVI века Англия стала проявлять интерес к торговым путям на Восток, отчего стали появляться сведения географов и путешественников о восточных землях. Книга Мильтона как раз-таки основывалась на записках тех, кто бывал в этих землях лично¹⁴⁴. Труд Мильтона, как следует из названия, посвящен по большей части России, ее быту, укладу жизни и политическому устройству. При этом, в нем обозначены восточные страны и народы, а сам Мильтон подходил к своей книге с точностью исследователя, что делает его труд важной вехой в развитии представлений англичан о мире Востока.

В XVII-XVIII веках в Англии, благодаря путешествиям и колониальным завоеваниям, стало появляться множество персидских, арабских и турецких рукописей, включая Коран, что позволило ученым сравнить христианство и ислам. «Одним из основоположников английской арабистики был Уильям Бедвелл (1561–1632), переведший Евангелие на арабский язык и предпринявший попытку создания арабско-английского словаря»¹⁴⁵. В период английского Просвещения возникло множество ученых-востоковедов, среди которых стоит назвать Джорджа Сейла (1697–1736), Саймона Окли (1678–1720) и Джозефа Уайта (1745–1814). Джордж Сейл (1590–1654) был первым переводчиком Корана

¹⁴³ Чернозёмова, Е. Н. «История Московии» Мильтона. У истоков мифологемы о Русском характере [Текст] / Е. Н. Чернозёмова // Филологическая регионалистика. – 2009. – № 1-2. – С. 108.

¹⁴⁴ Михальская, Н. П. Образ России в английской художественной литературе IX-XIX вв. [Текст] / Н. П. Михальская. – М.: МПГУ, 1995. – С. 38.

¹⁴⁵ Мигаль, А. С. Восток учёных: английское исламоведение в эпоху Просвещения [Текст] / А. С. Мигаль // Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2015. – № 1 (185). – С. 45.

с арабского на английский язык. Сейл очень высоко отзывался о Коране, отмечал элегантность и чистоту его языка, что отличалось от оценок предшественников. Так, Александр Росс писал, что перевод книги опасен и может вызвать ложные представления, а сам текст называл «мешаниной заблуждений»¹⁴⁶. Сейл также отмечал положительную роль Мухаммеда в объединении арабов, его законодательную деятельность, прекращение им жестоких языческих традиций. Вместе с этим, Сейл указывал на то, что ислам был вымыслом, распространявшимся силой оружия. Сейл считал, что арабы склонны к жестокости и насилию, подвержены эмоциям и страстям и противопоставлял их более гуманным европейцам¹⁴⁷.

Ориенталист Саймон Окли был автором работ «Введение в восточную литературу» (1706) и «История сарацинских империй» (1708, 1718). В «Истории сарацинских империй» Окли опирался на работы мусульманских теологов и историков. Будучи теологом и христианином, он относился к исламу как к ереси¹⁴⁸. Окли знал арабский язык и также выполнил перевод арабского романа «Повесть о Хайе» Ибн Туафайля. Существует мнение, что переведенный роман вдохновил писателя Даниэля Дефо (1660–1731) на создание романа «Робинзон Крузо» (1719)¹⁴⁹. Окли проявлял подлинный интерес к арабскому Востоку и его культуре и считался лучшим английским арабистом своего времени. Его деятельность сформировала научный подход к изучению арабского Востока в Англии и популяризовала историю ранних арабских завоеваний¹⁵⁰.

Среди английских востоковедов XVIII века интересен Джозеф Уайт, создавший работу «Сравнение магометанства и христианства», в которой автор отразил свои представления об исламе. Как и все европейские христиане того

¹⁴⁶ Там же, с. 47.

¹⁴⁷ Там же, с. 48.

¹⁴⁸ Там же, с. 46.

¹⁴⁹ Akyol, M. The Muslims Who Inspired Spinoza, Locke and Defoe [Electronic resource] // The New York Times. Available at: <https://www.nytimes.com/2021/04/05/opinion/enlightenment-islam-robinson-crusoe.html> (accessed: 21.08.2024).

¹⁵⁰ Хайрутдинов, А. Саймон Окли, познакомивший Запад с мусульманским прототипом Робинзона Крузо [Электронный ресурс] // Исламский, мусульманский сайт – Islam Today. Режим доступа: https://islam-today.ru/blogi/ajdar_xajrutdinov/sajmon-okli-poznaksomivsij-zapad-s-musulmanskim-prototipom-robinzona-kruzo/ (дата обращения: 21.08.2024).

времени, он считал ислам ересью и ложным учением, а его основателя — мошенником. Наряду с этим, он высказывал колониальную идею, что европейцы должны пребывать на территориях государств Востока, чтобы освободить их жителей от суеверий. Как и его современники в лице французских просветителей, Уайт был сторонником разделения наций на цивилизованные и варварские. Источником цивилизованности Уайт видел античное наследие и христианство¹⁵¹.

Уайт считал пророка Мухаммеда властолюбивым и жестоким человеком, «господином войны». Несмотря на это, исследователь отмечал его положительную историческую роль, так как Мухаммед вывел арабов из состояния варварских племен. Ему Уайт противопоставляет Иисуса Христа, который не стремился к власти и совершил чудеса, что и делает его пророком бога¹⁵².

В художественной литературе Англии XVIII века о Востоке примечателен готический роман Уильяма Бекфорда (1760–1844) «Ватек» (1782), действие которого происходит на территории средневекового Ирака. Роман представлял собой мистификацию жизнеописаний арабского халифа и был вдохновлен книгой д'Эрбело «Восточная библиотека»¹⁵³. В романе Бекфорда соединены готическая атмосфера ужаса и мистики с восточными верованиями, персонажами и местом действия. Место средневекового замка, типичного для готического романа, здесь занимает восточный дворец, а вместо рыцаря — восточный тиран. Герой романа — реальное историческое лицо: халиф Ватек из династии Аббасидов. Автор воссоздает его образ, делая акцент на страшном взгляде и злодейском характере персонажа. Его психологический портрет создается из множества отрицательных черт: жестокости, гордыни, стремления к неограниченной власти и роскоши. Дворцы Ватека отражают пагубные человеческие страсти. Кроме того, Ватек Бекфорда — вероотступник, одержимый тайными знаниями — астрологией, алхимией, магией. Злодеяния Ватека и его неверие приводят героя в ад.

¹⁵¹ Мигаль, А. С. Восток учёных: английское исламоведение в эпоху Просвещения [Текст] / А. С. Мигаль // Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2015. – № 1 (185). – С. 46.

¹⁵² Там же.

¹⁵³ Борхес, Х. Л. Новые расследования [Электронный ресурс] // Jorge Luis Borges: виртуальная библиотека. Режим доступа: <http://www.bibliomsk.ru/library/global.phtml?mode=10&dirname=borges&filename=jlb14025.phtml#10> (дата обращения: 09.09.2024).

Сказочные мотивы в романе соединены с основными положениями ислама о мироустройстве. В итоге, Уильям Бекфорд создал такую жанровую модификацию, как «восточный роман ужаса», включив восточную тематику в жанр готического романа и шире — в английскую литературу¹⁵⁴.

Наряду с романом Бэкфорда, в XVIII веке появляется сборник «Турецкие письма» (1763) писательницы Мэри Монтегю (1689–1762), жены Британского посла в Османской империи, первой в Европе описавшей мусульманский мир глазами женщины¹⁵⁵. Книга содержит многочисленные сведения о политике, нравах, положении женщин и укладе жизни и по своему жанру относится к путевым заметкам¹⁵⁶. Монтегю прожила в Османской империи два года, благодаря чему имела непосредственное представление о восточной жизни. Исходя из своих наблюдений, писательница опровергала стереотипные представления и мифы о Востоке, существовавшие в Европе. Одним из них был миф о неограниченной власти султана. Монтегю утверждает, что это не так. При этом, ее симпатии оставались на стороне британской монархии — писательница указывала, что английский король смотрит на подданных не как хозяин на слуг, а как отец на детей, тем самым утверждая, что англичане более свободный народ, нежели турки.

Отдельное внимание Монтегю уделяла женскому вопросу. Писательница отмечала, что турецкие женщины, в отличие от английских, имели права на имущество, а необходимость скрывать лицо позволяла им оставаться анонимными. Также Монтегю находила определенную свободу в гаремах, где женщины могли оставаться наедине, чего не было в Европе. Однако, в сравнении

¹⁵⁴ Напцок, Б. Р. Синтез ориентализма и «Готической» традиции в сказке У. Бекфорда «Ватек» [Текст] / Б. Р. Напцок // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2010. – № 1. – С. 37.

¹⁵⁵ Кодайова, Д. «Из Лондона в Константинополь»: путевой дневник английской аристократки леди Мэри Уортли Монтегю [Текст] / Д. Кодайова // «Запад-Восток». Научно-практический ежегодник. – 2016. – № 9. – С. 55.

¹⁵⁶ Креленко, Н. С. Долгое путешествие Мэри Уортли Монтегю [Текст] / Н. С. Креленко // Лит. Исторический альманах. – 2015. – № 7. – С. 273.

с английскими женщинами, турецкие женщины сурово наказывались за незаконную любовную связь¹⁵⁷.

Другой английской писательницей того времени, посетившей Восток, была Элизабет Крейвен (1750–1828). Ее путешествие легло в основу писем, вошедших в книгу «Путешествие через Крым в Константинополь» (1789). Наряду с Монтегю, Крейвен отмечала определенную свободу турецких женщин. При этом, писательница негативно высказывалась о турецкой политической системе, указывала на необразованность государственных деятелей, деспотизм, порабощение завоеванных народов и фаворитизм, в отношении которого уподобляла турок французам. Как писательница, жившая в парадигме идей Просвещения, Крейвен высказывала негодование из-за разрушения турками памятников Античности, в чем находила проявление их варварства¹⁵⁸.

Тематика восточного деспотизма особенно волновала английских авторов периода Просвещения. Наряду с Бекфордом, Монтегю и Крейвен, эту тему затрагивали Джон Белл (1691–1780) и Чарльз Перри (1698–1780). Белл издал мемуары о своих путешествиях, где описал тягостное положение порабощенных турками христианских народов — разрушение их земель, сокращение населения, преобразование христианских храмов в мечети. Быт турок в Стамбуле, столице империи, Белл находил в отдельных чертах схожим с европейским, но отмечал ощущение враждебности людей и окружающей его атмосферы¹⁵⁹.

Чарльз Перри также описывал свое путешествие в Османскую империю. Он указывал на ослабление империи, причиной которого видел деспотизм власти, противопоставляя ей гуманность правителей христианских стран. Как и Белл, Перри сочувствовал порабощенным турками христианам, чьи земли находились в запустении, а сами они жили в бесправии¹⁶⁰.

¹⁵⁷ Мигаль, А. С. Османская империя глазами английских путешественников XVIII века [Текст] / А. С. Мигаль // История и историческая память. – 2019. – № 18. – С. 21-22.

¹⁵⁸ Там же, с. 23-24.

¹⁵⁹ Там же, с. 25-26.

¹⁶⁰ Там же, с. 27-28.

Особый интерес к Востоку проявляется в английской литературе эпохи романтизма, так как подобный интерес вписывался в концепцию романтического творчества с присущей ему тягой к экзотике, к фантастическому, сказочному, далекому и недосягаемому. Здесь наиболее показательны шесть «восточных» поэм Дж. Байрона (1778–1824). В отличие от многих своих соотечественников, писавших о Востоке, Байрон бывал там лично, что вдохновило его включить данную тематику в свое творчество. К восточному циклу относятся поэмы: «Гяур» (1813), «Абидосская невеста» (1813), «Корсар» (1814), «Лара» (1814), «Осада Коринфа» (1816) и «Паризина» (1816). Ведущим персонажем здесь выступает романтический герой — индивидуалист, противопоставляющий себя обществу. Изображая страсть героя к борьбе, стремление к свободе и внутренней независимости, Байрон выражал протест против скуки и мещанства собственного окружения и своей эпохи. Подобный персонаж и составил образ байронического героя в литературе. Поэмы содержат описания природы, быта, культурных и религиозных обычаяев мусульман, которые Байрон мог наблюдать собственными глазами. При этом сюжеты в них носят исключительно художественный характер, и главным в них является тематика борьбы, а не изучение традиций и обычаяев Востока, который здесь служит скорее фоном повествования. Восточные мотивы присутствовали также в «Дон Жуане» Байрона, где герой поэмы оказывается в гареме у турок и участвует в Русско-турецкой войне и двух песнях поэмы «Паломничество Чайлльд-Гарольда», где изображалась Албания (территория тогдашней Османской империи) и ее правитель — наместник турок Али-паша.

Восточные поэмы Байрона содержат несколько общих черт, формирующих представление о Востоке. Во-первых, это восточная природа — Байрон живо изображал пейзажи Востока. Во-вторых, проявление деспотии и своеволия восточного правителя и общей жестокости нравов. В-третьих, в них ощущается дилеммия свой-чужой и контраст между человеком Востока и Запада. В-четвертых, в поэмах развивается мотив национально-освободительной борьбы. Здесь важно заметить, что Восток у Байрона — это Османская империя. Байрон

выступал за свободу народов, в связи с чем его творчество можно рассматривать в качестве идеологического противостояния империализму, как турецкому, так и, например, российскому («Мазепа», 1819) или наполеоновскому («Бронзовый век», 1823)¹⁶¹.

Восточная тематика встречается в творчестве другого выдающегося поэта английского романтизма — Перси Биши Шелли (1792–1822). Речь идет о его сонете «Озимандия» (1817). Озимандия — египетский фараон Рамес II. Темой сонета стала конечность всего живущего, включая жизнь и власть такого великого восточного правителя, как фараон¹⁶². Единственным напоминанием о нем становится обломок статуи, окруженный «мертвой пустыней». Исходя из финального двустишия сонета, природа, а точнее пустыня и «небеса над ней», — единственное вечное, что может существовать в мире.

Интерес к арабскому Востоку на протяжении всей жизни проявлял также поэт-романтик Роберт Саути (1774–1843). Он планировал написать поэму «Мухаммед» совместно с С. Т. Кольриджем, однако оставил это начинание, создав вместо этого поэму «Талаба-разрушитель» (1801). Поэма создана в духе арабских сказок, написана выразительным языком и включает романтического героя — арабского юношу Талабу, мстящего за убийство своей семьи. В поэме Саути, будучи историком, приводит в комментариях сведения об обычаях, географии и истории арабов. В то же время Саути описывал Восток через призму христианства, делая тем самым поэму более понятной для читателя, но менее достоверной¹⁶³.

Примечательно, что из арабов Саути выделял бедуинов — жителей пустыни как носителей добродетелей, противопоставляя им злых правителей Востока. Здесь поэт раскрывался как противник тирании и сторонник простого уклада жизни, далекого от «полного соблазнов города». При наличии симпатии к

¹⁶¹ Соловьева, Н. А. Восток в творчестве Байрона [Текст] / Н. А. Соловьева // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2012. – № 2. – С. 79.

¹⁶² Скрябин, В. Ю. Сонет «Озимандия» П.Б. Шелли [Текст] / В. Ю. Скрябин // Litera. – 2023. – № 3. – С. 140.

¹⁶³ Языкова, Е. А. Исламский Восток: взгляд английского интеллектуала Р. Саути [Текст] / Е. А. Языкова // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». – 2024. – № 1. – С. 74-75.

бедуинскому образу жизни Саути в то же время в своих письмах указывал на отставание Востока от Запада, причиной которого считал религиозный и политический упадок, а также утверждал, что европейцы, англичане, в частности, могли бы помочь решить эту проблему, подчеркивая тем самым превосходство последних¹⁶⁴. Заслугой Саути можно назвать то, что он одним из первых попытался «представить Восток не посредством отдельных экзотических реалий, а как цельные жизненные и культурные миры, самодостаточные, хотя и чуждые европейской культуре»¹⁶⁵.

Еще одним английским представителем романтизма, в чьем творчестве была косвенно затронута ближневосточная тематика, был Вальтер Скотт (1771–1832). Писатель был создателем жанра исторического романа. В частности, сюжет его романа «Айвенго» (1819) разворачивается на фоне событий третьего крестового похода. Хотя действие происходит в Европе, здесь встречаются как реальные исторические персонажи, в соответствии с каноном жанра исторического романа, так и жители Востока — в данном случае пленные персонажи: еврейский ростовщик Исаак и его дочь Ребекка.

Восток представлен и в других романах Вальтера Скотта — «Талисман» (1825) и «Граф Роберт Парижский» (1831). Действие романа «Талисман» связано с третьим крестовым походом. Главными героями здесь выступают король Ричард Львиное Сердце и султан Саладин. Герои противоположны друг другу по характерам: короля Ричарда Скотт изобразил жестоким и несдержанным, а Саладина - выдержаным и благоразумным¹⁶⁶. Это одно из первых и немногих произведений европейской литературы, где встречаются положительные восточные персонажи¹⁶⁷. Образ Саладина — один из главных в романе. Изображая иноземного правителя, Скотт придерживался идеи равенства людей и

¹⁶⁴ Там же, с. 77-78.

¹⁶⁵ Сидорченко, Л. В. Роберт Саути [Электронный ресурс] // Литература Западной Европы 19 века. Режим доступа: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/articles-eng/sidorchenco-robert-sauti.htm> (дата обращения: 21.08.2024).

¹⁶⁶ Романчук, Л. Соотношение истории, легенды и вымысла в романе Вальтера Скотта «Талисман» [Электронный ресурс] // Литература Западной Европы 19 века. Режим доступа: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/articles-eng/romanchuk-sootnoshenie-istorii-legendy.htm> (дата обращения: 21.08.2024).

¹⁶⁷ Scott, W. The Talisman (Tales of the Crusaders) [Electronic resource] // The Walter Scott Digital Archive. Available at: <http://www.walterscott.lib.ed.ac.uk/works/novels/talisman.html> (accessed: 21.08.2024).

демонстрировал свое уважение к культуре арабского Востока¹⁶⁸. Такой подход роднит героя Скотта с рядом восточных персонажей «Неистового Роланда», где, исходя из гуманистических тенденций эпохи Возрождения, люди Востока изображались отважными и благородными, несмотря на иное происхождение и веру.

Тематика соотношения Запада и других, неевропейских народов, затронута в стихотворении английского писателя Р. Киплинга (1865–1936) «Бремя белого человека» (1899). В нем поэт призывал европейцев нести просвещение и культуру менее развитым народам, что подвергалось критике как колониальный и шовинистический подход к цивилизации. В то же время, стихотворение может читаться и как гуманистическое послание — Киплинг призывает европейцев останавливать войны, давать пищу голодным и лечить больных. Интересно, что стихотворение вышло в свет за семнадцать лет до Арабского восстания, и не исключено, что оно сыграло свою роль в борьбе арабов, поддержанной англичанами. По сути, «Бремя белого человека» идеально подготовило сознание англичан, в том числе и Лоуренса, к сочувствию Арабскому восстанию. Хотя, безусловно, Англия, поддержав это восстание, преследовала и свои geopolитические интересы.

Другое стихотворение Киплинга, уже непосредственно связанное с тематикой Востока, — это «Баллада о Востоке и Западе» (1889). Действие здесь происходит в Азии, на территории северо-запада Британской Индии. В балладе два основных персонажа: Камал — местный юноша, укравший лошадь у английского полковника, и сын полковника, который отправился на поиски лошади. Будучи людьми «из разных миров», герои противопоставлены, однако имеют нечто общее на психологическом уровне — это смелость, сила духа и честь. Сын полковника непреклонен в своем намерении, чем вызывает уважение Камала. В сходстве двух юношей автор утверждает единство человеческой

¹⁶⁸ Романчук, Л. Соотношение истории, легенды и вымысла в романе Вальтера Скотта «Талисман» [Электронный ресурс] // Литература Западной Европы 19 века. Режим доступа: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/articles-eng/romanchuk-sootnoshenie-istorii-legendy.htm> (дата обращения: 21.08.2024).

природы независимо от происхождения. Восточный персонаж в соответствии с духом жанра баллады романтизирован, он дикарь, подобно тем, о которых Киплинг писал в «Бремени белого человека», но дикарь благородный.

Таким образом, Томас Эдвард Лоуренс не был первым из англичан, кто жил на Востоке, изучал его и запечатлел в своей книге. Здесь важно также сказать о его старшем современнике — путешественнике, писателе, переводчике и дипломате Ричарде Бертоне. По мнению исследователя Саида, «ему удалось стать восточным человеком больше, чем Лоуренсу». Бертон исследовал не только арабский Восток — он побывал в Индии, Крыму и Центральной Африке. Во время службы в Индии Бертон заинтересовался мусульманским Востоком и, изучив арабский язык и собрав обширные знания о регионе, его культуре и традициях, предпринял путешествие (Хадж) в священные города Мекку и Медину, выдавая себя за паломника. Свое арабское путешествие Бертон описал в книге «Паломничество в Аль-Медину и Мекку» (1855). Другие путешествия Бертон также описал во множестве книг. Как литератор, Бертон также прославился переводом сборника сказок «Книга тысячи и одной ночи» на английский язык, что популяризировало арабскую тематику в английской культуре.

Восток в европейской и английской литературе представлялся разнообразным. На основе указанных авторов и их произведений можно выделить два ведущих дискурса о Востоке в западноевропейской литературе — сказочно-романтизированный и оборонительно-имперский. В первом Восток представлялся в нереалистичных, идеализированных образах, далеких от реального облика и положения дел и являлся отчасти свидетельством малого количества сведений о Востоке, либо изображение его служило прежде всего непосредственным художественным задачам. Во втором дискурсе Восток рассматривался как враждебный край, от которого необходимо защищаться, либо же как отсталый и нуждающийся во вмешательстве, покровительстве и просветительстве со стороны Запада регион. Этот дискурс двойственен по своей сути, а в его основе лежит

политика — европейцы либо защищались от арабских и турецких завоеваний, либо сами рассматривали Восток как одну из площадок для своего господства. Вместе с тем в литературе делались попытки создать реалистичный, достоверный образ Востока. В данном дискурсе работали в первую очередь европейские историки, востоковеды и теологи, а не авторы художественных произведений. Тем не менее, к сторонникам этого подхода ближе Лоуренс Аравийский. В книге мемуаров «Семь столпов мудрости» он, будучи специалистом-востоковедом, стремится представить читателю достоверные сведения о культуре и укладе жизни арабов. Однако в силу своего словесного таланта Лоуренс, как будет далее показано в работе, делает это с определенной долей художественности, привлекающей читателя к его книге «Семь столпов мудрости».

Таким образом, восточная тематика привлекала европейских и английских писателей на протяжении многих столетий. Восток, в том числе арабский, был представлен у существенного числа выдающихся английских поэтов и писателей, среди которых Чосер, Марло, Шекспир, Мильтон, Бекфорд, Байрон, Шелли, Саути, Скотт, Киплинг и др. Их произведения формировали то культурное пространство, в котором жил и работал Лоуренс. Однако, до Лоуренса Аравийского никто не описывал этот регион и его жителей на фоне реальных событий, изменивших историческую судьбу арабского региона. Изображение арабов как участников военных действий позволило автору раскрыть их потенциал как нации, а его установка на документализм, аналитичность и выразительность описаний сделали повествование не только достоверным и убедительным, но и увлекательным для читателя. Кроме приведения в книге реальных фактов об укладе жизни, традициях, способах ведения войны, Лоуренс представляет арабский Восток с большой долей причастности к нему, к делу борьбы за его освобождение. Мемуары Лоуренса — очень личная книга. Никто из европейских авторов, писавших о Востоке до Лоуренса, не принимал такого активного участия в жизни и судьбе арабов. Увиденное и пережитое передается через призму сознания автора, который наряду с лидерами Арабского восстания

становится героем мемуарной книги. Таким образом, Лоуренс при изображении арабов лишен как колониального высокомерия, так и далек от нереалистичных и сказочных представлений об арабском Востоке.

Глава 2. Концепция арабского Востока в книге Лоуренса Аравийского «Семь столпов мудрости»

2.1. Ландшафт арабского Востока и его влияние на национальный характер в авторской трактовке Лоуренса Аравийского

Лоуренс понимал, насколько необычна тематика его книги для современного ему европейского читателя. Европа в начале XX столетия плохо представляла себе культуру арабского мира и облик его народов, населяющих Ближний Восток и Северную Африку. Арабский мир был известен в основном благодаря сказкам из средневекового литературного памятника «Книга тысячи и одной ночи», а также литературе, связанной с тематикой Крестовых походов. В книге Лоуренса показано, что даже у Британской разведки были неточные, а подчас и неверные представления о характере, мотивации и устремлениях арабов, восставших против Османской империи, несмотря на то, что в Британии координировали операции по поддержке восстания в том числе и специалисты по Ближнему Востоку.

Понимая, как далеко представление западного человека от реального понимания специфики ближневосточной культуры, Лоуренс начинает повествование с изложения того, кем являлись арабские народы: «Первой трудностью в понимании сути арабского движения было определить, кто же все-таки они такие, эти арабы» [101, с. 15]. Для этого автор прибегает к концепции природного или географического детерминизма, зародившейся в эпоху Просвещения. Согласно этой теории, процесс общественного развития — это результат проявления не столько объективных закономерностей развития общества, сколько следствие влияния природных сил¹⁶⁹. Так, география, климат и условия внешней среды имеют непосредственное влияние на характеры народов и процесс их исторического развития.

¹⁶⁹ Лавриненко, В. Н., Кафтан, В. В., Чернышова, Л. И. Основы философии: учебник и практикум для СПО [Текст] / В. Н. Лавриненко, В. В. Кафтан, Л. И. Чернышова. – 8-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2016. – С. 85.

Нельзя сказать, что Лоуренс безоговорочно стоял на позициях данной теории. Он также уделяет внимание истории арабских народов в их взаимодействии с другими народами, но, безусловно, Лоуренс разделял идею о том, что природа, условия окружающей среды оказывают огромное влияние не только на образ жизни, но и на менталитет народов, на их представление о себе и окружающем мире, определяют их мировоззрение. И, подходя к описанию глубинных причин Арабского восстания, Лоуренс подчеркивает особое значение для понимания характера описанных событий географического фактора: «Происхождение этих народов остается академической проблемой, но для выяснения истоков их восстания важно понимать сущность тогдашних социальных и политических различий между ними, которые нельзя оценить, не обращаясь к географии» [101, с. 18].

Лоуренс придерживался версии формирования арабской ментальности, связанной с движением арабов из густонаселенных областей Аравии на восток, в пустыню. Это важный момент, объясняющий, по Лоуренсу, саму суть арабов-кочевников, составляющих преобладающую часть этой этнической общности. Направление же их передвижений Лоуренс мотивирует следующими процессами; благоприятные места для жизни постоянно заполнялись стекающимися к арабам переселенцами из предгорий, с севера и даже из Индии и Африки, перенаселенность становилась экстремальной, и более слабые арабские кланы вынуждены были перемещаться на восток в более бедную водой и плодородной почвой местность, вытесняя еще более слабые общины. Далее это движение продолжалось, пока их не вытеснили в зону, где земледелие уже было невозможно: «Таким образом, мы видим, что целые кланы, родившиеся в высокогорьях Йемена и вытесневшиеся более сильными кланами в пустыню, невольно превращались в кочевников, стремясь просто выжить. Мы видим, как они бродяжничали, с каждым годом продвигаясь чуть севернее или чуть восточнее, когда судьба посыпала им одно из двух — либо хорошую дорогу, либо девственную пустыню, пока в конце концов это не приводило их из пустыни

снова к лукошку сеятеля, за которое они брались с такой же неохотой, с какой начинали свой робкий опыт кочевой жизни. [...] Каждый из них в той или иной степени отмечен печатью номадизма, этой глубочайшей и жесточайшей социальной дисциплины» [101, с. 22].

Так, арабские племена всю свою историю жили и развивались преимущественно в пустынной местности, что, исходя из концепции географического детерминизма Лоуренса, отразилось на их характере и культуре. Пустыня для Лоуренса — это, в первую очередь, место созревания пророческих учений древности, ибо она способствовала созерцательности и философическому самоуглублению: «По рождению они [пророки] принадлежали к густонаселённым городам, однако непонятное страстное стремление тянуло их обратно в пустыню. Там они жили в течение более или менее продолжительного времени в размышлениях о физическом воздержании, а потом возвращались с отчеканенными в фантазиях посланиями, дабы проповедовать их своим прежним, но уже усомнившимся адептам. Основатели трех крупных вероисповеданий в своей деятельности подчинились именно этому циклу. Общей основой всех семитских верований, победивших или проигравших, была вездесущая идея ничтожности мира. Непримиримое отвержение материи привело их к проповеди наготы, самоотречения, нищеты; атмосфера этой новации беспощадно душила умы пустыни» [101, с. 25]. Таким образом, по мнению Лоуренса, пророческие учения, которые составляли жизнь арабов на протяжении веков и формировали их характер, были созданы благодаря тому, что их авторы созерцали безжизненные пустынные пейзажи, которые создавали особый настрой.

Влиянию пустыни обязана была, как указывал Лоуренс, и сама религиозность арабов, точнее, их тип религиозности. Пустыня в его понимании выступает как источник религиозного чувства или, по крайней мере, место встречи человека и божественного откровения, чему способствовала непосредственная близость к природе этой местности: «те, кто пришли в пустыню достаточно давно, чтобы не думать об ее огромных пространствах и пустоте,

неизбежно приходили к Богу как к единственному прибежищу и генератору ритма существования» [101, с. 26].

Для Лоуренса также важна мысль об особой роли пророков, переживших опыт пустыни, уходящих туда для испытаний, либо получения откровения: пустыня ослабляет традиционную веру из-за суровых условий существования, поэтому для её поддержания нужен живой источник — пророк: «Главным для них были вопросы веры: почти все они монополисты богооткровенных религий. [...] полное разрушение павших религий происходило там, где пустыня встречалась с возделанными землями. Это внушалось последователям всех вероисповеданий. Впрочем, то были лишь констатации, лишенные веских доводов; для их авторитетного подтверждения нужен был пророк» [101, с. 24].

Пророк не был единственным посредником между людьми и Богом. «Арабы называли число пророков — сорок тысяч, мы записали в свой реестр не меньше нескольких сотен» [101, с. 24]. Для арабов пророк — это духовный человек, отмеченный истиной Божией, глубоко религиозный и нередко становящийся и политическим лидером. Пророки в семитской традиции — Лоуренс традиционно относит арабов к семитским народам — уходили в пустыню, а затем «возвращались из пустыни со своими отрывочными представлениями о Боге и, словно через закопченное стекло, демонстрировали нам отдельные свидетельства Его величия и блеска, которые в полном объеме ослепили и оглушили бы нас, погрузили в молчание, сделали бы из нас то, что они сделали с бедуинами, превратив в диких, оторванных от действительности людей» [101, с. 28]. Идеи пророков, по мысли Лоуренса, являются духовным источником особого арабского аскетизма, который в том числе питает их фанатичность в вопросах религии.

Лоуренс описывает арабов как людей, привыкших к смирению, вынужденных удовлетворяться собственным аскетизмом, действующих исходя из инстинктов и интуиции и, что особенно примечательно для европейца, — лишенных философского в европейском смысле критического восприятия действительности: «Это был догматичный народ, презиравший сомнения. Им

были понятны только истина и ложь. Эмоциональные, импульсивные, идеиные, раса индивидуальных одаренностей, их убеждения были инстинктивными, а действия интуитивными. Их сила была силой людей, географически лишённых соблазна. Бедность Аравии делала их простыми, воздержанными, выносливыми» [101, с. 237], — пишет Лоуренс.

Описанию арабского мира автор книги «Семь столпов мудрости» посвятил практически всё введение, которое заняло семь глав книги. Помимо политических факторов, таких как стремление арабских лидеров избавиться от турецкого диктата и обрести самостоятельность в управлении своими народами и, соответственно, ресурсами, Лоуренс показал, насколько важно, как для кочевых, так и для оседлых арабов, следовать именно за своими вождями. Арабам требовался пророк: «Гордостью армии Фейсала было то, что, эмир Мекки, потомок пророка, он был представителем некоего внеземного мира, которого сыны Адама могут почитать без угрызений совести. Такова была связующая идея арабского движения, и именно она являлась залогом его действенного, хотя и слепого единодушия» [101, с. 255].

Эту же идею Лоуренс пытался донести и до своего руководства в Британской разведке и в Британской армии. Английское командование несколько раз пыталось навязать арабским командирам подкрепление в виде воинских подразделений, конечно же, под командованием английских офицеров. Лоуренс писал в донесениях и лично докладывал своему начальству, что этого делать не стоит, что кочевые арабские племена не пойдут за христианами-англичанами, что им нужен свой лидер, которого они почитали бы как пророка, что именно эта идея объединения арабов в борьбе с Османской империей наиболее плодотворна: «Объединение семитов, общая идея, вооруженный пророк несли в себе неограниченные возможности. При опытном руководстве речь могла бы идти не то что о Дамаске, но и о Константинополе» [101, с. 150], — писал Лоуренс.

Подчеркивая значимость пустыни в географическом ландшафте Аравии, Лоуренс не ограничивается только рассуждениями. В его мемуарах содержится

выразительный художественный образ пустыни. Она становится местом действия многих эпизодов книги, в ее обстановке выразительно раскрывается самобытный характер арабов. Так, пустыня в художественных характеристиках Лоуренса — это «море непроходимого песка», она «однородна» по своему характеру и обладает «мучительным климатом» для европейца. Для бедуина же пустыня имеет особый аромат, по словам одного из спутников Лоуренса, «сладчайший из всех», но, в то же время, не имеющий запаха. Данный парадокс подразумевает некое эмоциональное состояние, которое испытывают в пустыне местные жители. Нечто подобное, в представлении Лоуренса, вероятно чувствовали и пророки прошлого, которые, по мнению автора, были способны вдохновляться особой природой пустыни. Автор же, будучи европейцем, удивлен такому отношению к природе пустыни, он заключает, что «все человечество не могло разделить ее с арабами», подчеркивая тем самым уникальность арабского человека и места его обитания.

В то же время нельзя не подчеркнуть двойственность звучания образа пустыни в книге Лоуренса. Помимо созерцания гипнотизирующих и поражающих ритмами и колоритом пустынных пейзажей, Лоуренс не скрывает опасности и тягот пустыни, где жизнь всегда полна лишений и где даже малейшая ошибка может грозить смертью. В пустыне практически отсутствует вода — исключение составляют редкие колодцы и водоемы, вода в которых, однако, может оказаться и непригодной для питья, особенно в условиях войны. Пустыня Аравии обширна и тягостна для человека своей однородностью, безжизненные пески труднопроходимы, а места, пригодные для привала, могут находиться друг от друга за многие десятки километров. Кроме того, что пустыня выматывает обезвоживанием, её сверкающие на солнце пески буквально ослепляют, из-за чего путник может отстать от других участников похода и заблудиться. Лоуренс упоминает такой случай, когда он, ведомый чувством долга, возвращается за заблудившимся и потерявшим силы товарищем. «Я подъехал к нему и понял, что он почти ослеп и ничего не соображал; он просто стоял с широко раскрытым

черным ртом, протянув ко мне руки. Его бессмысленный лепет превратился в причитания» [101, с. 280], — описывает страдания бедуина Лоуренс.

Суровая, истощающая жизнь пустыни непосредственно сказалась на характере бедуинов. «Пустыня не приспособлена для изощренных, медлительных судебных процессов, и там нет тюрем, куда можно было бы посадить по приговору этих судов» [101, с. 14], — пишет Лоуренс и этим объясняет, почему повстанцы «вырезали непокорных, попадавшихся [...] под руку» [101, с. 14]. Твердость веры и этических установок отличает арабов от европейцев, по мысли Лоуренса: «Они не понимали наших метафизических неопределенностей, нашего самокопания. Им были понятны только истина и ложь, вера и неверие и чужды сдерживающие нас колебания или более тонкие нюансы нашего поведения» [101, с. 23]. С этой особенностью Лоуренс связывает, в частности, тяготение арабов лишь к белому и черному цветам. При этом, — как подчеркивает Лоуренс, — не только одежды арабы предпочитают черно-белые, это касается глубин их восприятия мира и происходящих в нем событий и оценок.

Характеризуя пустыню как своего рода «духовный ледник», Лоуренс отмечал, что ее обитателей можно было «зажечь» продуктивной идеей, ведь арабы «способны влезть в свою идею, как в петлю». Так Лоуренс объясняет истоки дикости и своеволия бедуинов, чем и воспользовались восставшие эмиры, чтобы разжечь у кочевых племен ненависть к туркам и направить ее в нужное русло. «Интеллекта, авторитета, политической мудрости было мало, нужен был энтузиазм, способный воспламенить пустыню» [101, с. 58] — указывает Лоуренс на главный рычаг организации массового восстания в пустыне.

Важно отметить и то, что образ жизни в пустыне кардинально отличается от привычной европейцам жизни в городах. Город лишь на первый взгляд создает ощущение публичной жизни, постоянно открытой взглядам посторонних. Однако это не так, в городах у каждого есть возможность укрыться от «наблюдения» у себя дома. Поэтому «[...] самое угнетающее в пустыне — это необходимость постоянно находиться на людях, когда день и ночь слышишь все разговоры и

видишь все, чем занимаются другие» [101, с. 164]. Лоуренс подчеркивает, что для арабов это настолько естественно — постоянно находиться на виду друг у друга, что подобный уклад жизни стал их социальной сущностью: «Арабы, обычно жившие многочисленными общинами, сталкиваясь со слишком подчеркнутым стремлением к уединению, усматривали в этом нечто подозрительное. Одним из самых неприятных уроков войны в пустыне была необходимость не забывать об этом и отказываться от эгоистического покоя и тишины, пока странствуешь вместе с ними» [101, с. 285]. Этим писатель объясняет коллективистский характер арабов, отсутствие в их мировоззрении индивидуализма, присущего европейскому человеку.

Люди в пустыне всем своим существом вынуждены ощущать открытость и недружелюбность пространства: «Мы кожей ощущали зловещее окружение пустыни, чуждой всякой жизни, враждебной или безразличной даже к тем людям, что просто проходят по ней, и в порядке исключения лишь нехотя уступившей им эти редкие тропы-морщины, проторенные временем» [101, с. 265].

Кроме прямых эпитетов и сравнений, при помощи которых Лоуренс конструирует образ пустыни, в повествовании есть моменты, где писатель не говорит прямо о каком-нибудь значительном свойстве пустыни или явлении, с ней связанном, но в самом контексте упоминания рядом пустыни и почти любого факта становится понятно, что данная характеристика напрямую связана с ландшафтом. Например, отвага арабского воина отчасти связана с тем, что в пустыне негде спрятаться, если навстречу ему выезжают враги. Здесь невозможно скрыться и уклониться от подобной встречи, но придется принять бой: «Мы с Аудой, ехавшие впереди колонны, испытали обычное для путников пустыни при встрече с незнакомцами перехватывающее дух волнение: друзья или враги? — и инстинкт бдительности заставил нас потянуться к винтовкам» [101, с. 260].

Ввиду суровости ландшафта, арабские племена выбирали местом жизни оазисы — островки растительности, где также нередко имели и доступ к воде. Пустыня, в свою очередь, разделяла оазисы, принадлежавшие множественному

числу племён, чем обуславливала необходимые межплеменные контакты и составляла их географические и экономические связи. Основой образа жизни и торговых отношений арабов являлись верблюды — главная материальная ценность арабского народа и средство его выживания. Значимость этих животных, неразрывно связанных с пустыней, сумел осознать для себя и Лоуренс. В ходе одной из своих первых поездок он восхищается доставшимся ему верблюдом одного из арабских эмиров. В другой раз у Лоуренса оказывается верблюд, за которого, по его словам, даже боролись племена — настолько он был хорош и ценен. Также однажды верблюд спас Лоуренсу жизнь, вытащив его из снега в горах [101, с. 559].

Смерть же верблюда, которая могла случиться с ним от обезвоживания, от долгой или быстрой езды, фактически означала смерть и для ездока, поскольку в таком случае он оставался один на один с безжалостной стихией пустыни, вдали от оазиса или города. Но несмотря на почти сакральное отношение к этим животным, в условиях войны и, как следствие, ограниченных ресурсов, герои были вынуждены в сложных обстоятельствах проявлять к ним более циничный и прагматичный подход. Так, неоднократно им приходилось выбирать — съесть верблюда и добираться до нужного места пешком или же оставаться на несколько дней голодными. Облегчало этот выбор то, что верблюды нередко переутомлялись и заболевали. Такого верблюда, как правило, употребляли в пищу, что не только избавляло от голода, но и позволяло лишить неминуемую смерть больного животного бесмыслиности. Так, верблюд становится неотъемлемым участником пустынного пейзажа и ценнейшим ресурсом для жизни людей, в том числе и в нелегком походе арабов, в котором участвовал Лоуренс.

Писатель посвятил много вдохновенных страниц описанию аравийской пустыни, но Восток невозможно узнать, не понимая, как бедуины относятся к зеленым и орошающим водой оазисам, как они ценят и любят эти столь редкие места среди песков и камней пустыни. Фраза из фильма «Лоуренс Аравийский»,

принадлежащая арабскому принцу Фейсалу — «Арабы не любят пустыню, мы любим воду и зелень [...]», — хоть и не совсем точна, ведь пустыня для бедуинов — не только привычная среда обитания, она для многих из них — родина, но, тем не менее, отражает отношение арабов к воде и зелени оазисов. Лоуренс называет районы оазисов в центре Аравийского полуострова сердцем пустыни: «Необитаемые горы и равнины окаймляют безводную пустыню, в сердце которой лежит архипелаг богатых водой, густонаселенных оазисов Касема и Арида. Эта группа оазисов была истинным центром Аравии, колыбелью ее самобытного духа и наиболее ярко выраженной индивидуальностью. Пустыня охватывает оазисы со всех сторон, делая их абсолютно недоступными для контактов» [101, с. 18].

Бедуины, у которых имелись дома в этих уголках, с теплотой вспоминают их, с любовью описывая каждую деталь: «[...] Насир, охваченный сокровенными воспоминаниями, рассказывал мне о своем доме с каменным полом в погруженных в полумрак залах под сводчатыми крышами, защищавшими от летнего зноя; о садах, засаженных плодовыми деревьями всех видов, между которыми он гулял по затененным тропинкам, недосягаемый для лучей палящего солнца; о высившемся над колодцем водоподъемном колесе с опрокидывающимися кожаными ведрами, которое вращали быки, шагавшие по кругу изрытой копытами дорожки, протоптанной на пологом склоне холма; о том, как вода струилась по бетонированным лоткам, проложенным вдоль садовых тропинок, или била фонтанчиками во дворе [...]» [101, с. 249].

Но арабы не жили постоянно в своих домах в оазисах, они вынуждены были отправляться в пустыню по торговым и другим делам: «Как правило, арабы племен Вади-Сафра жили в своих деревнях всего пять месяцев в году. На остальное время они препоручали свои сады невольникам — неграм» [101, с. 83]. Кроме того, как указывает Лоуренс, арабам не подходил и слишком влажный климат: «Некоторые из них [негров] становились слугами в доме или камердинерами своих хозяев, но большинство африканцев отправляли в пальмовые деревни малярийных долин, где всегда текла вода и климат не

подходил для физического труда арабов, — а африканцы там процветали, строили себе солидные дома, женились на женщинах-невольницах и выполняли все работы по хозяйству» [101, с. 84].

Оазисы на самом деле не были райскими садами, где всё произрастало само по себе. Дыхание сухой пустыни доносилось и сюда, поэтому оазисы необходимо было оберегать и возделывать. Вода в оазисы попадала, как правило, с гор, а значит, бурным потоком во время весеннего паводка могло просто всё смыть вместе с плодородным слоем почвы, что время от времени и происходило. «Эти дамбы должны были защищать посевы от ливневых потоков. В противном случае Вади-Янбо затопила бы сады, поскольку они лежали ниже уровня долины, иначе не действовала бы система орошения. Узкие участки были разделены заборами из переплетенных пальмовых веток или же глинобитными стенками и окружены неширокими приподнятыми арыками, по которым струились ручейки пресной воды. Ворота каждого сада были выше уровня воды, и к ним вели мостики из трех или четырех пальмовых стволов для прохода ослов или верблюдов. На каждом участке имелся глиняный шлюз, который открывали, когда приходила очередь полива. Главной сельскохозяйственной культурой были высаженные правильными рядами пальмы, за которыми хозяева тщательно ухаживали, а между ними росли ячмень, редис, огурцы, табак и хенна» [101, с. 129].

Так, пустыня играет неоднозначную, но крайне важную роль в жизни арабов и, как следствие, в повествовании, ибо именно в ее пространстве разворачиваются многие значимые события, изображенные в книге Лоуренса. Неслучайно прижизненное издание произведения «Семь столпов мудрости» автор озаглавил как «Восстание в пустыне». Арабская кампания очевидным образом отличалась от всех остальных фронтов Первой мировой войны своим географическим фактором. В отличие от привычных европейцам войн и революций, здесь полем боя является пустыня. «В основе арабской войны лежала

незыблемая география» [101, с. 242], — с определенностью замечает Лоуренс как писатель и военный стратег.

Образ пустыни в книге «Семь столпов мудрости» имеет художественную, историческую и культурологическую функции. Пустыня выступает в качестве повествовательного фона, определяет характер войны, а также, по мнению Лоуренса Аравийского, формирует мышление и поведение арабских племен, как напрямую, диктуя физические и экономические условия существования, так и опосредованно, повлияв на характер учений пророков, которые в свою очередь сформировали арабскую ментальность, религию и культуру. В этом и заключается географический детерминизм Лоуренса. Вместе с тем широкое применение художественных средств при моделировании образа пустыни, выразительность, детальность и достоверность в создании пустынного пейзажа подтверждают писательскую репутацию автора.

Кроме того, Лоуренс Аравийский, можно сказать без преувеличения, в книге «Семь столпов мудрости» не только дал описание арабского восстания как важной и значимой части Первой мировой войны на Востоке, но и обогатил представление об арабском Востоке для европейского читателя. Автором книги даны многочисленные психологические характеристики героев освободительного движения, показаны их поступки в самых разных ситуациях, в том числе, в боевых действиях; особого внимания заслуживают портреты бедуинов — от простонародья до шейхов и наследных принцев, что будет представлено далее. Но одним из наиболее важных аспектов для понимания самой сути как восстания, так и людей, его возглавивших и совершивших, стал непосредственно ландшафт Аравийского полуострова. Пустыня и находящиеся в ней оазисы стали в книге не только местом действия, но и источником стихийного народного движения; дух местности формирует характеры и культуру народов, ее населяющих. Как следствие, без понимания духа и образа пустыни невозможно понимание арабского народа и его истории. Ведь любое освободительное движение должно

быть вдохновлено любовью к родине, и поэтому Лоуренсу было необходимо показать родину бедуинов во всей её жестокой и неотразимой красоте.

2.2. Национальные традиции арабских племен в мемуарах «Семь столпов мудрости»

Введение мемуаров Лоуренса Аравийского «Семь столпов мудрости» посвящено изложению общих сведений об арабском народе — их ментальности, культуре и истории, которые, по мнению автора, во многом связаны с географическим положением и взаимодействием с соседними народами. Однако предложенный автором исторический и культурологический экскурс не ограничивается началом книги. Лоуренс на протяжении всего повествования возвращается к особенностям арабского образа жизни, представляя его уже не в исторических фактах и теоретических концепциях, а при помощи разнообразных художественных средств и характеризуя природу арабов не в очерковой форме, а в действии. Арабский уклад жизни, тесно связанный с присущими им традициями и ценностями, раскрывается Лоуренсом через портретные и психологические характеристики персонажей, создание пейзажей пустыни, городов и оазисов, через описание поведения арабов в бою и в минуты отдыха — автор не прекращает рассказывать и показывать с разных сторон национальный характер и особенности жизни арабских племен и отдельных их представителей.

Для лучшего понимания арабского образа жизни, сложившегося на момент восстания, необходимо вслед за Лоуренсом обозначить процесс формирования арабского этноса. Арабские племена издревле жили на Аравийском полуострове и принадлежали к группе семитоязычных народов. Однако в первом тысячелетии до нашей эры арабские племена стали выделяться из этой группы и создавать собственную культуру. На юге Аравии арабы строили города и целые государства, а на севере — в пустынях — жили племена кочевников-бедуинов. До того, как в начале VII в. религиозный и политический деятель из города Мекки

Мухаммед основал ислам, арабы были язычниками. Однако уже тогда среди арабских народов была развита автохтонная монотеистическая традиция¹⁷⁰.

Созданное в ходе распространения ислама большое арабское государство — Халифат — быстро разрослось до могучей империи и заняло территорию от Испании до Индии, включая также Северную Африку. По мнению этнографов, именно история победоносных войн первых арабских халифов, передаваемая из поколения в поколение и приукрашенная в воображении арабов, создала в их сознании образ превосходства по отношению к окружающим народам¹⁷¹.

В середине X в. произошло раздробление Арабского халифата, его территории были захвачены турками-сельджуками, пришедшими с севера, крестоносцами из Западной Европы и монголами с Дальнего Востока. В XVI в., когда Османская империя находилась на пике влияния, турки сумели захватить весь западный берег Аравийского полуострова, где были сконцентрированы крупнейшие арабские города и поселения, и сохранить там свою власть вплоть до Первой мировой войны. Шариры Хиджаза и Мекки пользовались некоторой свободой в управлении своими народами, но под контролем Турции. Важно отметить, что именно шеир Хиджаза Хусейн бен Али 8 июня 1916 г. поднял антитурецкое восстание. Его вдохновило то, что незадолго до этого, в октябре 1915 г., Артур Генри Макмагон, британский Верховный комиссар Египта, от имени британского правительства пообещал Хусейну признать его королём будущего государства, которое должно было охватывать все арабские страны Азии, за исключением Ливана, запада Сирии, юга и востока Аравии.

Сати аль-Хусри, арабский националистический мыслитель, опираясь на труды средневекового арабского философа и историка Ибн Халдуна, утверждал, что термин «арабы» в средние века и до начала XX в. относился только лишь к

¹⁷⁰ Коротаев, А. В., Клименко, В. В., Прусаков, Д. Б. Возникновение ислама: социально-экологический и политико-антропологический контекст [Текст] / А. В. Коротаев, В. В. Клименко, Д. Б. Прусаков. – М.: ОГИ, 2007. – С. 26.

¹⁷¹ Ахунов, А. М. Основы этнографии стран арабского Востока [Текст] / А. М. Ахунов. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2014. – С. 22.

бедуинам, «обитателям пустыни», от арабского бадия — пустыня¹⁷². Если расцвет европейского национализма пришелся на начало XIX века — после Великой Французской революции, на Востоке такие процессы начались только спустя столетие. Так, в начале XX века, незадолго до Первой мировой войны, были совершены первые шаги к арабскому самоопределению. Прежнее понятие «араб» расширилось до понятия «арабизма», вследствие чего произошло отделение его от понятия «мусульманин», и, таким образом, арабы смогли выделить себя от единоверцев турок. Началось национальное самоопределение арабского мира на Аравийском полуострове, дополнившееся религиозным самосознанием. Первый шаг в данном направлении был сделан сирийско-палестинскими деятелями в 1905 г., когда и возникло понятие «арабской нации» («аль-умма аль-арабийя»)¹⁷³.

В это время в городах начали возникать арабские тайные общества, своего рода либеральные клубы, состоящие из образованных арабов, находившихся на турецкой службе. В таких клубах патриотически настроенные офицеры и чиновники обсуждали будущее арабского мира, когда их родина получит независимость или хотя бы возможность самостоятельного управления не под диктатом Турции. Но младотурки, прийдя к власти, быстро свернули либеральные идеи, с которых начиналось их правление. Они выдвинули идею «Турция для турок» и начали репрессии, которые в первую очередь коснулись арабов. В этих условиях, как пишет Лоуренс, «арабские общества ушли в подполье, превратившись из либеральных клубов в очаги заговоров» [101, с. 32].

Исследователи разделяют арабов на три крупные группы по образу их жизни: кочевники-скотоводы (бедуины), селяне-земледельцы (феллахи) и горожане, обитатели городов. Именно бедуины всегда играли особую роль в арабском мире, как самая существенная по численности и социальной активности группа. Их можно назвать основной силой любой арабской идеи. В их среде воспитывался маленький Мухаммед, будущий пророк и основатель ислама.

¹⁷² Тихонова, Т. П. Светская концепция арабского национализма: Саты Аль-Хусри [Текст] / Т. П. Тихонова. – М.: Наука, 1984. – С. 33.

¹⁷³ Труевцев, К. М. Арабский мир в XX веке: развитие национальной идеи [Текст] / К. М. Труевцев. // Полития. – 2003. – № 3. – С. 104.

Бедуины первыми приняли ислам и составили основную военную мощь халифов, завоевавших огромную часть Евразии. Именно бедуины сыграли важнейшую роль в Арабском восстании 1916 г., составив ядро армии принца Фейсала. Лоуренс Аравийский, описывая причину таких особенностей бедуинов, не ограничивается указанием на их физическую закаленность суровыми условиями пустыни, на привычную неприхотливость и физическую силу. Он находит основание их силы в особом сочетании веры и вынужденного самоотречения их как жителей пустыни: «Житель пустыни не мог не считаться со своей верой. Он пришел к этой глубокой самососредоточенности в Боге, закрывая глаза на мир и на все многообразные возможности, реализацию которых может обеспечить только доступ к деньгам и соблазнам. За этим следовало наслаждение от причинения страданий, жестокость, которая значила больше, чем трофеи. Араб пустыни не знал радости от добровольного сдерживания страстей. Ему приносили наслаждение самопожертвование, самоотречение, самоограничение» [101, с. 27].

Впрочем, Лоуренс не стремился показать, что только бедуины были одержимы верой. Глубокая набожность, даже в некоторой степени редуцирующая рационализм, была свойственна и арабской знати. Так, шериф Хиджаза Хусейн, продемонстрировавший определенную практичность своим согласием принять помощь от «неверных» британцев, в военных делах всецело полагался на помощь бога: «Хусейн был почитаем, практичен, упрям и глубоко набожен. [...] Хусейн настолько верил в Бога, что не уделял должного внимания чисто военной стороне дела, будучи уверен в том, что Хиджаз способен покончить с Турцией в честном бою» [101, с. 39]. С другой стороны, его сын Фейсал, получивший образование в Стамбуле, но оставшийся человеком религиозным, был более рационально мыслящим полководцем и политиком. Вследствие этого именно Фейсала Лоуренс Аравийский выбрал для военных связей с британской разведкой и убедил свое руководство, что ставку следует делать на него как наиболее способного возглавить арабские войска.

Наряду с глубокой религиозностью, серьезной и важной особенностью арабского уклада жизни являлась традиция рабовладения. Одним из самых удивительных фактов, связанных с этой традицией, который приводит Лоуренс, является отношение арабов к своим невольникам из Африки, которых они покупали на рынках Мекки. Чернокожих невольников им поставляли африканские же работорговцы и продавали их еще несовершеннолетними. Когда рабы вырастали, они становились весьма ходовым и недешевым товаром. Арабы-земледельцы покупали их для работ в пальмовых деревнях малайских долин, где всегда текла вода и климат не подходил для физического труда арабов. Вот что пишет Лоуренс, показывая отношение арабов к своим невольникам: «Рабы были весьма многочисленными [...] Они образовывали особое сообщество и большей частью жили в свое удовольствие. Работа у них была тяжелая, но надзор слабый [...] Их правовое положение было убогим [...]» [101, с. 84].

Кроме рабов из числа иноземцев, некоторые арабы сами находились на положении, близком к рабскому, в течение многих столетий, что выработало у них определённую особенность характера. Так, описывая двух молодых воинов, которые были приставлены к Лоуренсу в качестве слуг и личной охраны, писатель признается, что был удивлен их радостной готовности к подчинению, настрою, когда слуга рад своему унизительному, на европейский взгляд, положению: «Одержанность людей Востока независимостью между плотью и духом глубоко изменила в их мышлении представление о рабстве. Эти парни находили удовольствие в субординации, в сознательном принижении плоти [...] они почти предпочитали рабство, более богатое опытом, нежели власть. Таким образом связь между хозяином и служой в Аравии была одновременно более свободной и более обусловленной, чем мне приходилось наблюдать в других местах», — делает вывод Лоуренс [101, с. 523]. Автор неоднократно отмечает подобные парадоксы в национальном характере арабов: соединение свободолюбия и готовности подчиняться своим начальникам, по сути — хозяевам, что являлось одной из важных составляющих их ментальности.

Другой подобный пример — гордость, переходящая в презрение и даже ненависть к чужакам, сочетающаяся с удивительным гостеприимством даже по отношению к иноземцам: «теперь же на него [на Фейсала] сваливались два незваных гостя, которым он, по законам арабского гостеприимства, не должен был наносить вреда [...]» [101, с. 40]. Традиция гостеприимства, которую отметил Лоуренс, действительно присуща арабам, что также фиксируется исследователями: «Гостеприимство рассматривается арабами как важный критерий при оценке человека, особенно когда речь заходит о его репутации. Если, характеризуя человека, араб говорит о его склонности или негостеприимстве, то это означает, что он негативно оценивает его человеческие качества»¹⁷⁴.

Важным фактором, определявшим уклад жизни арабов, Лоуренс считал их трудолюбие. «Кое-кто из нас [англичан] считал, что достаточно мощная скрытая сила сосредоточена в массе арабских народов, в этой обширнейшей семитской агломерации с ее великим религиозным началом, достаточно трудолюбивой [...]» [101, с. 44], — утверждает Лоуренс, описывая подготовку разведки как важной составляющей поддержания борьбы восточных народов против Османской империи. Автор называет арабов трудолюбивыми лишь в данном фрагменте книги, но при этом многократно указывает на труд как важнейшую ценность арабов через описание условий их существования, географических, экономических, торговых, и бытовых явлений.

Пустыня не только научила арабов терпению и стойкости, но и привила им мысль о зыбкости плодов труда, связанного с возможными потерями, так как в любой момент пустыня или другая стихия могла уничтожить с трудом нажитое. Так, Лоуренс описывает бедствие, постигшее одно из больших арабских поселений: «Однажды через Вади-Сафру, прокатилась громадная стена воды, дамбы вокруг многих пальмовых садов были прорваны, и пальмы унесло водой [...] водяной поток глубиною восемь футов, три дня кряду мчавшийся по долине,

¹⁷⁴ Ахунов, А. М. Основы этнографии стран арабского Востока [Текст] / А. М. Ахунов. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2014. – С. 52.

вернул возделанные участки в их прежнее состояние каменистых берегов» [101, с. 85].

Труд кочевников-верблюдоводов был особенно тяжелым и при этом требовал особых умений и навыков. Бедуины должны были не только точно ориентироваться в пространстве и знать, где какие пастбища, но и уметь их использовать, вовремя перегоняя верблюдов на подходящее пастбище в соответствии с погодными условиями. Кроме того, им приходилось лечить верблюдов, стричь шерсть, доить верблюдиц, изготавливать сыр, приспособливать верблюдов к помощи в работе. «[...] они [земледельцы] принимались восполнять убытки от своего бесприбыльного хозяйства разведением овец и верблюдов, и с течением времени само их существование все больше попадало в зависимость от стад этих животных. [...] Основой экономики было обеспечение питания верблюдов [...] Бедуины жили этим занятием, а оно в свою очередь формировало образ их жизни, определяло распределение земель между племенами и перемещения кланов [...]» [101, с. 20]. Переходы между пастбищами могли достигать нескольких сотен километров, в связи с чем бедуины должны были уметь находить воду там, где ее, казалось бы, не могло и быть, для чего им приходилось рыть глубокие колодцы. «Колодцы редко отстояли один от другого больше, чем на сто миль» [101, с. 376], — отмечал Лоуренс, подчеркивая трудности географического положения племен.

Жизнь бедуинов состояла из труда и лишений. В пустыне случались суровые, и даже снежные зимы, в связи с чем верблюды погибали. «Три следующих дня непрерывно шел снег. Зима еще более жестоко разыгралась ниже, в Иудее и на Синае» [101, с. 528], — описывает Лоуренс приход холодов¹⁷⁵. Другая опасность была связана с сухим летом, когда заканчивались скучные запасы зерна и фиников и бедуинам приходилось питаться съедобными корнями растений. Период засухи мог быть продолжительным и губительным для урожая. «Пастухи дали нам молока: это было первое молоко, которое мои агейлы увидели

¹⁷⁵ Там же, глава 84.

за два года засухи» [101, с. 194]. Хозяйство бедуинов было гораздо менее самообеспечивающим, чем у арабов-земледельцев. Так, многие кочевники питались в основном верблюжьим молоком и сыром, но все же они не могли полностью обойтись без того, что выращивали земледельцы. Кроме того, бедуины нуждались в продукции ремесленников.

Этнографы, наряду с Лоуренсом, также отмечают исключительное трудолюбие арабов, что объясняется местностью — в суровых условиях пустынь и полупустынь выжить без тяжкого труда невозможно: «Трудолюбие — характерная черта подавляющей части населения арабских государств [...] Арабы никогда не получали удовлетворения от своей работы, поскольку труд для них всегда был тяжкой повинностью. Поэтому их трудолюбие имеет свою специфику. Оно не сочетается с дисциплинированностью, педантизмом и скрупулезностью, как у других, например, европейских народов. Исключительно тяжелые условия жизни в то же время приучили арабов спокойно переносить трудности и лишения, закрепляли у них такие качества национального характера, как неприхотливость, умеренность, быстрая приспособляемость к любым условиям и терпеливость»¹⁷⁶.

У бедуинов сохранялись патриархально-родовые традиции, которые включали добрососедские отношения внутри общины. Внутри племен у арабов был чрезвычайно развит дух родства, который обуславливал тесные связи родственников в рамках одной семьи и связь семей в рамках племени. Родственные связи — цемент арабского общества. Для арабов непреложным законом является обязанность родственников поддерживать друг друга в любой ситуации. Однако отношения между различными племенами регулировались несколько иначе: помимо добрососедства, необходимого для выживания племен в суровых условиях нехватки ресурсов, существовал институт кровной мести, и племена часто враждовали именно по этой причине. Кровная месть — древнейшая традиция, присущая родоплеменному строю, согласно которой человек, совершивший убийство члена чужой семьи или племени, подлежит

¹⁷⁶ Там же, с. 37.

смерти в качестве возмездия. При этом месть может быть совершена в отношении любого члена семьи человека, совершившего убийство. «Среди бедуинов обычай кровной мести охватывал, как правило, родственников до пятой степени родства»¹⁷⁷.

Лоуренс не раз упоминал как о вражде отдельных бедуинов по причине кровной мести, так и целых племен, сражавшихся под началом принца Фейсала: «К сожалению, отдых был испорчен судебным разбирательством. Кровная вражда между Ахмедом и Авадом во время погони за газелью вылилась в дуэль. Авад прострелил головной платок Ахмеда, а Ахмед продырявил плащ Авада» [101, с. 465].

Само наличие отношений между арабами на основе кровной мести порой даже служило на руку Лоуренсу Аравийскому, позволяя ему управлять ими по принципу «разделяй и властвуй»: «Кроме того, они были кровными врагами тридцати племен, и акты кровной мести случались ежедневно. Их взаимная вражда мешала им объединиться против меня, а существовавшие между ними различия позволяли мне иметь среди них сторонников и соглядатаев во время моих разъездов» [101, с. 524].

При этом, в целом, традиция кровной мести между племенами кочевников мешала управлению армией и подрывала общее дело. Даже такой авторитетный вождь, как Фейсал, которого арабы считали пророком и безмерно уважали, не мог ничего сделать с древнейшим обычаем, законом пустыни, уходящим корнями в глубину веков, в еще доисламское прошлое арабских племен: «Это было большим облегчением, потому что и так уже в наших рядах имелись сотни смертельных врагов, кровная вражда между которыми едва сдерживалась Фейсалом. Напряжение, связанное с поддержанием их способности выполнять свое назначение, и использование их горячих голов в операциях, в ходе которых они не могли бы встретиться, соблюдение равновесия возможностей и требований службы, которое наше руководство могло бы оценивать, как превосходящее

¹⁷⁷ Там же, с. 197.

зависть, — одно это уже было достаточным злом» [101, с. 712]. Стоит заметить, что кровная месть сохраняет свое значение и поныне, но уже, скорее, как исключение. «С разложением родового строя кровная месть у бедуинов становилась все более “отмеренной”, ограничивая круг мстителей и обидчиков до патронимии ближайшей родни»¹⁷⁸.

Еще одним важным понятием, составлявшим традиции арабов, являлось понятие чести, высоко стоящее в иерархии кодекса жизни племен. Данное понятие они возводят в принцип, гласящий, что личная честь — это честь семьи, племени и народа. «Если один из ее членов оказался покрыт бесчестием, позор падал на всю семью. Стоит отметить, что у бедуинов за убийство женщины мстили убийством четырех-восьми мужчин, в зависимости от ситуации, при которой произошло убийство женщины. “Кровь за кровь”, — как говорит арабская пословица. Честь пострадавшей семьи может быть восстановлена только после того, как совершится возмездие, примирение — после того, как возмещен ущерб. Честь — это коллективная собственность семьи»¹⁷⁹. Однако на высшем уровне резня между племенами никогда не приветствовалась, по крайней мере, когда арабы уже приняли ислам, и шейхи старались урегулировать отношения, добиться мирного разрешения проблемы: «Кровная месть ни в одном из исламских мазхабов (религиозно-правовых школ) не узаконена. Она является пережитком языческих обычаяй и в аравийских племенах с приходом пророчной миссии Мухаммада была полностью отменена и искоренена»¹⁸⁰.

Само понятие чести в книге автором упоминается за редким исключением. «Любой из наших арабов мог беспрепятственно уйти домой, когда бы ему ни вздумалось, единственным контрактом была честь» [101, с. 378], — указывает на ее значимость Лоуренс. При этом данное понятие раскрывается через другие, такие, как обозначенная выше кровная месть и понятие «стыда». Стыд рассматривается как реакция на вызванное каким-либо поступком отрицательное

¹⁷⁸ Там же, с. 37.

¹⁷⁹ Там же.

¹⁸⁰ Там же, с. 38.

суждение другого человека или группы людей. Можно заключить, что одна из главных забот араба в общественной жизни — не совершить поступок, за который будет стыдно. В арабском обществе соблюдению чести уделяется огромное внимание, и честь здесь понимается в самом широком значении и распространяется как на отдельного человека, так и на семью, племя. Честь включает в себя не только мерило поступка (постыдного действия), но и мужества в целом, а также соблюдение духа родства. В концепцию чести также входит храбрость мужчины — не только в бою, но и в повседневной жизни, в том числе, как готовность отвечать за свои слова и поступки: «Арабы также очень дорожат добрососедскими отношениями. Арабская пословица гласит: “Близкий сосед лучше, чем далекий брат”. Араб также дорожит общественным мнением, поэтому для него свойственно чувство ответственности за свои слова»¹⁸¹.

Лоуренс Аравийский не раз подмечал подобное проявление стыда у бедуинов армии Фейсала. Однажды он распорядился наказать двух молодых воинов за то, что они неоднократно пренебрегали его просьбами не шуметь. Солдат наказали не очень сильно, по сути, они не пострадали физически, но зато осознали, что вели себя недостойно, и после стыдились своего поведения: «Не смей поднять глаз от стыда, они работали все два дня [...]» [101, с. 298].

Заслуживают внимания и традиции, связанные с отношением арабов к смерти. Лоуренс не раз обращается к теме смерти, что совершенно объяснимо — во время войны смерть всегда рядом, каждый воин чувствует ее близость. Но писатель обращает внимание именно на арабское понимание смерти: «Будучи из всех других народов наименее подвержены болезням, они принимали дар жизни, не задаваясь никакими вопросами, как аксиому. Для них она была неизбежностью, заповеданной человеку, неким узуфруктом, не подлежавшим критике. Самоубийство было невозможно, обычная же смерть не несла горя» [101, с. 23]. Здесь прослеживается связь со строками об «одержимости людей Востока независимостью между плотью и духом». Также Лоуренс связывает

¹⁸¹ Там же.

отношение к смерти с ожиданием избавления от страданий бедуина, погибающего в песках от усталости и обезвоживания: «Наконец он сказал, чтобы мы оставили его в покое, потому что он умирает и рад смерти, поскольку жизнь ему не дорога. Действительно, так повелось издавна: когда солдаты очень уставали или чувствовали себя глубоко несчастными, они словно роднились со смертью, искали встречи с нею» [101, с. 582].

В то же время естественным образом бедуин стремится избежать смерти, он делает всё для этого, борется с ней в пустыне буквально каждый день. Но при этом, бедуин постоянно готов к ней. Среди этнографов существует, можно сказать, каноническое описание отношения мусульманина к этому явлению. «Отправляясь в военный поход или долгое путешествие, мусульманин должен был брать с собой одежду для погребения. Когда мусульманин чувствует себя на пороге смерти, он совершает омовение, чтобы умереть в состоянии телесной чистоты, и обычно повторяет символ веры: “Нет божества, кроме Аллаха, Мухаммад — посланник Его”. Если рядом не оказывается спутников, то он сам выкапывал себе могилу, заворачивается в саван, ложится в нее и засыпает песком свое тело, оставляя открытым только лицо»¹⁸². Такое описание смерти среди арабов, приводимое исследователями, совпадает с увиденным Лоуренсом в ходе восстания.

Таким образом, в составе традиций и ценностей арабских племен, зафиксированных Лоуренсом Аравийским в книге «Семь столпов мудрости», можно обозначить глубокую религиозность, гостеприимство, трудолюбие, крепость родственных связей и, как следствие, не изжитую кровную месть, культ чести, специфику рабовладения и особое отношение к смерти. Эти традиции и ценности, составлявшие арабский образ жизни и выявленные в ходе повествования Лоуренса об Арабском восстании, были обусловлены всей многовековой историей, религией, природными и бытовыми условиями жизни

¹⁸² Лэйн, Э. У. Нравы и обычаи египтян в первой половине XIX в.: перевод с английского [Текст] / Э. У. Лэйн. – М.: Наука, 1982. – С. 396.

арабов. Кроме того, ценности арабских племен непосредственно формировали их традиции, регламентировали образ жизни, поступки, социальные нормы, внутриплеменные и межплеменные взаимодействия, что прослеживается на протяжении всей книги.

Особенно эти традиции проявляются у бедуинов, сохранивших арабский уклад жизни с самых древних времен. Одни составляющие этого уклада, например, традицию кровной мести не смогло изменить даже принятие ислама, другие, такие, как отношение к смерти, как раз-таки сформировались под воздействием глубокой религиозности арабов. Лоуренс Аравийский изучал арабскую ментальность, пытаясь проникнуть в ее сущность, показывая с разных сторон арабский характер — через традиции народа и поведение отдельных его представителей. Каждый из героев книги «Семь столпов мудрости», начиная от молодых воинов и заканчивая правителями и полководцами, является в себе в изображении Лоуренса Аравийского эту особую печать «арабского мира».

2.3. Лоуренс Аравийский о проявлениях арабской ментальности в условиях военных действий

Черты жителей Ближнего Востока глазами англичанина, специфика национального характера арабов и, собственно, история Арабского восстания показаны Лоуренсом в том числе через поведение персонажей — представителей племен и целых народов — в боевой обстановке. С одной стороны, это обусловлено темой. Два года, описанные в книге «Семь столпов мудрости», - это время освободительной войны арабских племен против хорошо вооруженной и обученной турецкой регулярной армии. С другой стороны, в бою, в походах лучше всего раскрывается характер как отдельной личности, так и народа, а представить дух и характер арабов было, как отмечалось, одной из задач автора книги.

Поведение военачальников и бедуинов в боевой обстановке описывается Лоуренсом весьма разнообразно и последовательно. Важно понимать, что

восстание было одновременно тщательно организовано как арабскими шейхами, так и английскими военачальниками, но в ходе событий нередко случались явления стихийного характера. Кроме того, арабская кампания была наиболее нестандартной из всех событий Первой мировой войны. Как положительную тенденцию Лоуренс отмечал, что в течение двух лет боевых действий национальное самосознание арабских племен непрерывно развивалось благодаря их взаимодействию и наличию общей цели в противовес прежнему более изолированному проживанию и межплеменным конфликтам. В ходе восстания росла боевая выучка арабов и повышалась дисциплина в войсках. Этому способствовал также союз с войсками Британской империи как с одной из самых развитых армий начала XX столетия. В то же время Лоуренс старался изобразить боевые действия без прикрас и, несмотря на свое явное восхищение арабами, раскрывал на страницах мемуаров и их слабые стороны. Так, они нередко прямо в разгар боевых операций предавались разбою и грабежу, бывало, продолжали при этом враждовать между собой или могли не выдержать натиска турецкой армии и бежать с поля боя.

Лоуренс Аравийский показывает боевые действия в динамике освободительного движения арабов, поэтому целесообразно рассмотреть поведение воинов арабской армии, следя за развитием повествования. К боевой обстановке следует относить не только непосредственные боевые действия, но и передвижения войск, хотя, разумеется, в полном объеме это сделать не представляется возможным из-за огромного объема таких описаний, составляющих существенную часть книги. Некоторые моменты лишь косвенно указывают на принадлежность к затрагиваемой проблематике. Так, буквально в одной фразе автор раскрывает важный аспект — природу поведения арабского проводника, бедуина из племени Харб, который должен был сопровождать Лоуренса к принцу Фейсалу. То, что относилось бы к воинской дисциплине у европейского воина, — выполнить данное поручение, для бедуина было делом чести, несмотря на то, что сопровождаемый относился к христианам, неверным:

«Превыше всего у арабских племен ценится верность дорожного спутника. Проводник головой отвечал за жизнь подопечного» [101, с. 71].

О состоянии арабской армии, принявшей участие в восстании, и, соответственно, о поведении арабов в бою Лоуренс сначала узнает не из личного опыта, а из рассказа Фейсала, который подробно изложил ему положение дел и ход первых месяцев боевых действий. Его армия была плохо вооружена и неважно обучена, несмотря на то что многие его офицеры раньше служили в турецкой армии: «Первое наступление на Медину оказалось пропащим делом. Арабы были плохо вооружены, и у них не хватало боеприпасов» [101, с. 88]. Основным недостатком в вооружении арабов было отсутствие артиллерии. Именно это сильно мешало им вести бои с хорошо вооруженными немецким оружием, в том числе артиллерией, с многочисленными турецкими отрядами, что подавляло дух арабских воинов: «[...] турки открыли по ним артиллерийский огонь. Не привыкшие к новому оружию арабы сильно перепугались» [101, с. 88]. «Они были уверены, что разрушительная сила снарядов пропорциональна громкости выстрела. Пуль они не боялись, как, пожалуй, и самой смерти, но мысль о гибели от разрыва снаряда была для них невыносимой» [101, с. 103].

Турки превосходили арабов не только в техническом оснащении и численности, но и благодаря практически полному отсутствию такого сдерживающего в условиях войны фактора, как мораль. Их методы ведения войны производили на арабов большое и часто деморализующее впечатление тем, что они часто нарушали моральный кодекс, важный для бедуинов. Так, по словам Лоуренса, турки не брали пленных [101, с. 416], ведь их, имеющих численное превосходство, не интересовал обмен собственных пленных на арабских. Лоуренс не скрывает факты жестокости Турции как государства-империи к инородцам, указывая на то, что за несколько столетий до описываемых событий турки захватили средневековые арабские государства, обладавшие большими культурными достижениями, и лишили их самостоятельности в политическом и культурном отношении: «Их [арабов] умы увядали под леденящим дыханием

военного режима. Турецкое правление было полицейским, а турецкая политическая теория такой же жестокой, как и практика» [101, с. 30], — заключает Лоуренс. Кроме того, захватив арабские земли, турки вели присущую империи политику, запрещали арабский язык — главное средство национальной идентификации.

Что касается военных действий, у арабов полагалось важным и даже священным щадить женщин и детей, которые еще не могли держать оружия. Кроме того, арабские племена считали, что щадить нужно также и материальное имущество, которое нельзя захватить с собой в качестве добычи, например, жилища и посевы. Турки же не придерживались подобного кодекса, что Лоуренс также отмечал в своей книге: «Ужас от турецкой манеры вести войну потряс всю Аравию. Первой заповедью арабов была недопустимость насилия над женщинами, второй — сохранение жизни и чести детей, слишком юных, чтобы сражаться вместе с мужчинами, третья гласила, что имущество, которое невозможно вывезти, должно быть оставлено выжившим» [101, с. 89].

Вследствие такого варварства турок арабы яростно мстили за их жестокость, но, бывало, иногда приходили в ужас и старались уклониться от прямого столкновения с турецкими войсками. Были племена, которые, зная о той участи, которая ждет их дома и их семьи в случае победы турок, сдавались, прося пощады для своих близких: «Подразделения солдат из племени бени али обратились к турецкому командованию с предложением о сдаче, если будут сохранены их деревни» [101, с. 88]. То, что арабы, в сравнении с турками, придерживались более высоких моральных убеждений, подтверждал и английский военный историк и теоретик Бэзил Генри Лиддел Гарт: «Этот относительный иммунитет от той жажды крови, которая имеется у большинства живущих здесь рас, является свидетельством здравого смысла арабов...¹⁸³».

¹⁸³ Гарт, Г. Б. Л. Полковник Лоуренс [Электронный ресурс] // Милитера: военная литература. Режим доступа: <https://militera.lib.ru/bio/liddel-hart2/index.html> (дата обращения: 09.09.2024).

Осознавая, что без артиллерии воевать с турками невозможно, принц Фейсал при первой же встрече с представителем британского командования, полковником Уилсоном, попросил дать ему пушки. Получив четыре старых пушки, арабы поверили, что стали равны турецкой армии в своей военной мощи. Кроме того, их расчеты, состоявшие из наспех обученных арабов, не были готовы к ведению огня на поле боя, что не умаляло их невероятного воодушевления от самого факта наличия у них настоящей артиллерии: «Арабы пошли в наступление большой толпой и буквально задавили турецкие аванпосты, а затем и подразделения поддержки» [101, с. 90]. Воодушевление арабов и их впечатлительность подпитывали их боевой дух и обеспечивали тактические военные успехи. Многие арабские офицеры также были вдохновлены британской помощью восстанию, они надеялись с помощью английского оружия одержать легкую победу: «Мавлюда вдохновлял даже такой пустяк, как факт моего приезда: он был человеком настроения, колеблющимся между триумфом и отчаянием» [101, с. 92].

Стоит заметить, что подобное воодушевление не могло приносить победы постоянно, а, следовательно, и продолжаться долгое время. Армии повстанцев требовалось современное вооружение в гораздо большем количестве, чем батарея из четырех орудий. Так, в определенный момент Фейсал перешел к тактике немногочисленных кавалеристских рейдов по тылам противника: «Единственной эффективной тактикой в борьбе с врагом были внезапные налеты кавалерии на тылы противника» [101, с. 91]. Лиддел Гарт отмечал, что «главное достоинство арабов с военной точки зрения заключалось в стратегической подвижности — в их способности передвигаться на большие расстояния без долгих приготовлений и без той поклажи, которая обычно обременяет воинские части»¹⁸⁴. Из этого следует, что кочевой образ жизни, как и возросшая уверенность в своих силах, могли давать арабам преимущество.

¹⁸⁴ Там же.

В то же время раздробленность войска Фейсала в начале кампании объяснялась, собственно, характером его состава. В отличие от турок, имеющих регулярную армию, большинство воинов в отрядах Фейсала составляли племена бедуинов и жители деревень — простые граждане, ремесленники, земледельцы. Если немногочисленное племя могло в полном составе присоединиться к армии повстанцев, то деревенские жители не желали надолго отлучаться из дома, а принимали участие в локальных операциях в непосредственной близости от своей деревни: «Фактический личный состав армии находился в состоянии постоянной ротации по принципу кровных связей. Одной семье могла принадлежать одна винтовка, и сыновья этой семьи являлись в строй поочередно, на несколько дней каждый» [101, с. 100]. Подобная ситуация сохранялась довольно долго, однако со временем, когда оружия стало больше и окрепла вера мятежников в возможную победу, подпитываемая успехами на фронте, многие гражданские решились уйти в поход против турок далеко от своего дома. При этом, племенной и разрозненный характер арабов продолжал играть положительную роль в партизанской тактике атак небольшими отрядами.

Однако кровные связи, объединяющие племена Аравийского полуострова, в арабском мире подразумевали также и кровную вражду. Никакая дисциплина, прививаемая усилиями офицеров, общность религии и даже общее стремление к независимости от Османской империи не могли полностью искоренить традицию кровной мести, которая усложняла управление войсками: «Считалось, что все проявления кровной вражды искоренены, в действительности же на территории, находившейся под юрисдикцией шерифа, они были просто отложены: билли и джухейны, атейбы и агейлы в армии Фейсала жили и сражались бок о бок. Но при этом они относились друг к другу настороженно [...]» [101, с. 101].

Лоуренсу также довелось столкнуться с этим страшным явлением: в его отряде произошло убийство; недолгое расследование выяснило, что случилось оно на почве кровной мести. Лоуренс не мог оставить преступление безнаказанным, как не мог и позволить разыграться мести за состоявшееся

убийство, так как это только усилило бы в отряде вражду между кланами: «В нашей армии были и другие марокканцы, и безнаказанное убийство агейлами одного из них из-за кровной вражды вызвало бы ответные действия, что поставило бы под угрозу единство. Требовалась казнь по всей форме [...]» [101, с. 193]. Это заставило Лоуренса предпринять решительные действия: автор увел убийцу в сторону и, чтобы избежать массового противостояния в войске, застрелил виновного собственноручно, что, однако, оставило тягостный след в сознании Лоуренса.

Кровная вражда была далеко не единственной трудностью в управлении арабским войском. Арабы были вспыльчивы и горды. Если внутри отдельного племени и возможна была своя иерархия, то между племенами часто возникали конфликты. Даже если непосредственный командир принадлежал другому племени, его солдаты могли в любой момент выйти из повиновения: «Однажды ночью агейлы взбунтовались против своего командира Ибн Дахиля из-за того, что тот слишком часто назначал им наряды вне очереди и слишком жестоко порол за проступки» [101, с. 181]. Этот бунт был вынужден усмирять принц Фейсал, с саблей лично набросившийся на бунтовщиков.

Необходимо сказать о самом принце Фейсале в контексте его умения управлять своим народом и, в частности, солдатами своего воинства — трудно подчиняемыми бедуинами. Лоуренс отмечал, что Фейсал умел вдохновлять людей собственным примером, прежде всего своей убежденностью в победе: «Стремясь поддержать боевой дух своего войска, Фейсал делал это, вдохновляя своим оптимизмом всех, с кем ему приходилось общаться» [101, с. 124]. Кроме того, принц проявлял терпение, которым Лоуренс не раз восхищался. Арабские вожди племен, как и рядовые бедуины, часто нарушали дисциплину и даже, случалось, покидали поле боя не по команде, а по собственному усмотрению, когда, например, им казалось, что лучше передислоцироваться на другое место, или от страха перед турецкой артиллерией. Подобные проступки не допустимы ни в одной системной армии. Однако у Фейсала была особая армия. Он знал о

важности дисциплины и всячески ее насаждал, но не испытывал иллюзий, что его воинов из диких и вольных племен пустыни можно быстро превратить в дисциплинированных и безупречных солдат, подобных туркам или европейцам. Поэтому одним из важнейших качеств Фейсала как командующего была терпимость, или, как писал Лоуренс, терпение: «Проявления этого крайнего терпения были для меня еще одним уроком того, на чем зиждется традиционное военное командование в Аравии» [101, с. 124].

Так, после очередного тактического поражения в стычке с турецкой армией Фейсал собрал шейхов, чьи отряды сбежали с поля боя из-за неумелого командования и недостаточного усердия самих шейхов. Фейсал лишь мягко пожурил их за промахи и даже посочувствовал их потерям. Потом он позвал в шатер квартирмейстера Мирзука, который приехал от шейха, чье бегство с поля боя стало причиной поражения армии Фейсала, и вместо того, чтобы дать волю гневу, попросил посланника рассказать, как было дело: «Я подумал о семантике имени “Фейсал” (карающий меч, сверкающий при ударе) и с ужасом представил себе возможную сцену, но он лишь подвинулся, освобождая место на ковре для Мирзука, со словами: “Садись! И расскажи о ваших славных боевых подвигах, повесели нас”» [101, с. 124].

Плохая дисциплина, непреодолимые традиции кровной вражды и своеволие бедуинов были не единственными недостатками арабского войска. Неудобства в военном деле им также доставляла жажда наживы. Бедуины были бедны, по крайней мере, их большая часть, у них имелось только самое необходимое для выживания в пустыне, и им трудно было устоять перед захватом добычи у поверженного врага. Но и достаточно богатый бедуин не упускал случая поживиться. Это было обусловлено местностью пустыни, где для того, чтобы выжить, все могло пригодиться: «Я пришел к выводу, что солдаты, призванные из племен, хороши только в обороне. Присущий им стяжательский азарт делал их падкими на добычу, побуждал взрывать железнодорожные пути, грабить караваны и воровать верблюдов, но они были слишком независимы, чтобы

подчиняться приказаниям или сражаться в составе боевого подразделения» [101, с. 101].

Арабы без зазрения совести на полях сражений занимались и тем, что европеец назвал бы мародерством: «Для любого араба главной принадлежавшей лично ему долей победы всегда была возможность носить одежду врага, и уже на следующий день мы увидели, что наши люди преобразились в турок, напялив на себя их солдатские мундиры» [101, с. 54].

Лоуренс не раз становился свидетелем того, как его собственные подчиненные шли с ним на совершение операции только ради наживы, хотя, разумеется, участвовали в восстании в целом совсем не поэтому, а в целях отвоевания независимости своего народа. «Старый Дахиль-Алла сказал, что сам отправится со мной на это дело: его очень соблазняла перспектива разграбления поезда» [101, с. 219], — приводит пример подобного поведения Лоуренс со стороны предводителя племени. Конечно, добыча трофеев естественна в условиях войны, но в случае с участниками Арабского восстания она могла быть более важной мотивацией для воина, нежели борьба за народную свободу, что делало такого эгоистичного солдата ненадежным. Подобные воины бежали с поля боя, если видели риск для жизни. Обратная сторона этого явления заключалась в том, что, завида трофеи, арабы становились алчными и могли забыть об опасности в лице находившегося рядом врага. Лоуренс описывает подобную ситуацию в эпизоде с подрывом поезда, где увлекшиеся разграблением арабы не заметили вернувшихся после подрыва поезда вооруженных турок, убивших затем множество бедуинов. Лишь под руководством опытных офицеров, получивших выучку в турецкой армии, арабы становились настоящими солдатами и военными специалистами: «Мавлюд был ревнителем строгой дисциплины, прирожденным кавалеристом, и благодаря его спартанским тренировкам эти много разбитые погонщики мулов ценой мучительной муштры превратились в превосходных солдат, дисциплинированных и способных наступать по всем правилам! Они были настоящим чудом в арабской армии» [101, с. 141].

Несмотря на подобные факты безответственности, присущее арабам искусство выживать в пустыне, их выносливость и интуиция, которые позволяли им и в мирное время находить добычу там, где она была столь редкой, избегать опасностей, которые поджидали их чуть ли не на каждом шагу, пригождались им и во время боевых действий, и порой делали их искусными воинами: «Арабы были весьма искушенными разведчиками, они всегда чувствовали опасность до того, как она наступала [...]» [101, с. 325].

Как отмечалось выше, по мере развития восстания и уже по прошествии более года после его начала войско арабов всё более становилось похожим на регулярную армию. Тому было несколько причин. Британское командование наладило поставки боеприпасов и, главное, современного вооружения, и в достаточном количестве. Также и сами арабы изменили свое отношение как к войне, так и к своей роли в ней. Это уже были не разрозненные группы жителей пустыни, эгоистичные, ведомые жаждой наживы и нетерпимые к ближнему, а патриотично настроенные воины: «Они были спокойны и уверены в себе. Их патриотизм был теперь сознательным, а присутствие в строю по мере удаления от дома становилось все более постоянным» [101, с. 140].

Важно понимать, что не только бедуины не умели воевать. Лоуренс Аравийский также не был солдатом, он не получил военного образования, хотя много интересовался военной наукой и, по его признанию, прочел много книг о военном искусстве: «Я не был рожден солдатом и ненавидел все связанное с военной службой. Я, разумеется, прочел все необходимое — Клаузевица и Жомини, Магана и Фоша, разыграл во время штабных игр эпизоды кампаний Наполеона, изучал тактику Ганнибала и войны Велизария, как и всякий оксфордский студент [...]» [101, с. 115]. Автору книги «Семь столпов мудрости» приходилось не только приучать себя к суровым условиям пустыни и учиться находить общий язык с бедуинами, но и, подобно жителям пустыни, обучаться военному искусству, соответствующему периоду Первой мировой войны. Кроме того, специфика арабской кампании отличалась от специфики традиционных

межгосударственных войн, как европейских, так и восточных. Военной науке Европы еще мало была знакома непосредственно партизанская доколониальная война, как не была она знакома и Лоуренсу: «Чтобы самому поупражняться в искусстве проведения рейдов, я на второй день 1917 года, взяв с собой в Нахль-Мубараке пробную партию из тридцати пяти махамидов, отправился к старому форту с колодцем» [101, с. 142].

Как заметил Лиддел Гарт, Лоуренс был человеком, для которого арабы были романтическим идеалом, а восстание арабов явились своего рода героическим эпосом — повествованием, содержащим целостную картину народной жизни, где он выступал и поэтом, и участником, действующим лицом: «Старый Ауда ибн Зувейд с серьезным видом поправил меня, когда я сказал ему об этом: “Это не армия, это целый мир движется на Ведж”. Я порадовался его замечанию: именно ради того, чтобы пробудить подобные чувства, мы и пустились в трудный поход с этой огромной толпой людей» [101, с. 166]. Некоторые герои книги Лоуренса Аравийского действительно напоминают героев эпоса, и автор не скрывает своего восхищения ими: «Ауда был типичным представителем настоящих бедуинов. Его гостеприимство было широчайшим, а щедрость приводила к тому, что он всегда был беден, несмотря на доходы от добровольных сотни рейдов. Он был женат двадцать один раз, ранен тридцать. Он собственноручно отправил на тот свет семьдесят пять арабов — и ни одного вне поля боя. Число убитых им турок он точно назвать не мог, они в его реестр не входили» [101, с. 240].

Наряду с тяготением к партизанским атакам, Лоуренс обозначает и другие наклонности арабов в боевых действиях против турецкой армии. Среди таких преимуществ боевой дух бедуинов, который был несомненно выше, чем у турок — дисциплинированных, жестоких, но, по сути, подневольных, выполняющих рутинную работу на чужой для них земле, а также специфические особенности характера арабов, связанные с образом жизни и традициями: «В массе они не создавали грозного, устрашающего впечатления, поскольку были лишены

корпоративного духа, понятия о дисциплине и взаимного доверия. Чем мельче было подразделение, тем лучше оно воевало. Тысяча арабов представляла собою толпу, беспомощную перед ротой обученных турок, но трое или четверо могли остановить среди своих холмов дюжину турецких солдат» [101, с. 140].

Здесь племенной уклад бедуинов все также играл на руку предпочтенной стратегии. Арабы издревле воевали в пустыне, совершая рейды как против соседних племен, с которыми враждовали, так и против иноземных захватчиков: «Мы представляли собою обычную племенную рейдовую группу, двигавшуюся по обычным маршрутам, в составе и строю, эффективность которых подтверждалась опытом поколений» [101, с. 316].

Более того, арабам помогала и непосредственно местность, которая была хорошо им знакома, так как война разворачивалась на исконных арабских землях. Так, Лоуренс в самом начале восстания оценил расположение армии Фейсала и доложил своему английскому руководству, что тот весьма удачно выбрал основное направление удара по турецким войскам: располагавшиеся на его землях холмы служили естественной преградой для маломаневренных турецких подразделений с их тяжелой артиллерией: «Пояс холмов был сущим раем для снайперов, а уж в прицельной-то стрельбе арабы были непревзойденными мастерами. Две-три сотни храбрых солдат могли бы удерживать любой участок гористой местности, так как склоны предгорий были слишком крутые для штурма даже с помощью лестниц» [101, с. 102].

Лоуренс настаивает на исключительной важности того факта, что успех восстания арабов, при всей поддержке Британской империи, зависел в основном от самих арабов, от их боевого духа и желания победить. Английское командование с самого начала планировало взять под контроль освободительное движение, возглавленное шерифом Хусейном. Но Лоуренс настаивал на том, что англичанам не стоит брать на себя непосредственное командование боевыми действиями. Об этом он неоднократно докладывал в своих письменных отчетах и лично при встрече с руководством разведки и армии. Более того, Лоуренс

указывал, что английским и французским войскам не следует участвовать в совместных военных операциях, по крайней мере, в тех случаях, когда без этого можно обойтись. Арабы не станут сражаться вместе с чужеземцами и никогда не пойдут в бой под командованием иноверца: «Если бы они заподозрили, что мы хотим ими управлять, они либо заупрямились бы, либо просто ушли» [101, с. 237]. По мнению Лоуренса, дело было не только в религиозных воззрениях арабов, в их презрении и даже открытой неприязни к неверным. Даже совместные действия с египетской профессиональной армией внесли бы разлад в ряды бедуинов: «Смешение египетских войск с бедуинами чревато ослаблением морального состояния войск: бедуины могли бы оказаться в отчуждении и стать простыми наблюдателями за действиями профессиональных солдат, радуясь тому, что избавлены от ведущей роли. Результатом была бы недоброжелательность, что обязательно сказалось бы на эффективности действий» [101, с. 243].

Восстание началось как стихийное и, по мнению Лоуренса, должно было оставаться таковым, иначе многочисленные и самые боеспособные племена бедуинов просто не пошли бы дальше своих территорий брать далекие форты и города. Более того, арабская подозрительность к иностранцам приводила их порой к парадоксальному сочувствию туркам: «Арабы шептались между собой: “Они все ближе. Англичане приближаются. Да простит Аллах людям грехи их...” Они [арабы] сострадали погибшим туркам, которые так долго их угнетали и которых, как ни странно, они любили больше, чем сильных иностранцев с их слепой уравнительной справедливостью» [101, с. 457].

Лоуренс, однако, показывает, что арабы могли проявлять сострадание к врагу не только из-за подозрительности к союзникам. Человечное отношение к туркам арабы выражали на всех уровнях, начиная с цивилизованных арабских командиров: «Пленный командир турецкого батальона Ниязи-бей был принят Насиром как гость и таким образом спасся от оскорбительных нападок бедуинов» [101, с. 342]. Такое же сострадание демонстрировали и рядовые солдаты-бедуины.

Так, в одном из эпизодов речь идет о том, что Лоуренс со своим отрядом не смог взять с собой раненого пленного, его пришлось оставить на месте боя: «Мы опасались, что он умрет от голода там, где лежит, — он и без того был сильно болен, — поэтому прикололи к телеграфному столбу записку на французском и немецком языках с указанием места, где он находится, и с объяснением, что он был захвачен в плен раненным в тяжелом бою. [...] Мы всегда сочувствовали солдатам турецкой армии» [101, с. 322], — писал Лоуренс.

Но подобное милосердие к врагу проявлялось союзниками не всегда. Как уже упоминалось, турки демонстрировали неприемлемую для арабов жестокость по отношению к женщинам и детям, а также к имуществу побежденных, и, когда это случалось, арабы загорались местью и не щадили своих врагов. Командирам приходилось останавливать своих подчиненных от неоправданных зверств: «Такая глупость (мы не могли сдерживать своих людей бесконечно!) могла привести только к одному: к кровавой резне до последнего турка. Мне было их не слишком жалко, но все же лучше их не убивать, хотя бы из-за того, чтобы не стать свидетелями этого зверства» [101, с. 345]. Лишь единожды, в эпизоде на подступах к Дамаску, Лоуренс вместе с бедуинами уничтожал врагов, не боясь пленных, так как поддался гневу и желал поскорее закончить войну.

Развитому у арабов в ходе восстания мужеству Лоуренс мог противопоставить поведение представителей других народов: «На этот раз трудность состояла в том, что имевшиеся у нас пулеметчики были индусами, которые хотя и славные ребята, но в условиях холода и голода превращались каждый в полчеловека» [101, с. 476].

Лоуренс подчеркивал и восприимчивость арабов к новому. Даже такой опытный воин, как Ауда, великолепно сражался только по старинке, как его отцы и деды, а когда встречал что-то новое, приходил в восторг, как ребенок: «Ауда до этого не имел дела с динамитом и теперь с детским восторгом разразился наспех сочиненными виршами, прославлявшими его громадную мощь» [101, с. 268].

То, что многие арабские офицеры в армии Фейсала прежде служили в турецкой армии, оказало огромное влияние на ход и результат восстания. Эти арабы лучше английских офицеров понимали, как следует воевать с турками, и лучше турецких офицеров были осведомлены о характере и мощи британской помощи. Кроме того, они понимали свой народ, так как не разорвали с ним связи. Они мыслили стратегически глубже и дальше и могли научить и заставить сражаться своих солдат: «Мы на арабском фронте очень хорошо знали противника. Наши офицеры раньше служили у турок офицерами и были лично знакомы с каждым начальником противной стороны. Они вместе проходили один и тот же курс обучения и подготовки, одинаково мыслили и придерживались одинаковых точек зрения. [...] Мы знали лучше Алленби коварство противника, а также размеры британских ресурсов» [101, с. 432].

Глава 3. Поэтика военных мемуаров Лоуренса Аравийского «Семь столпов мудрости»

3.1 Образ автора-повествователя в книге «Семь столпов мудрости»

Автор-повествователь в литературном произведении, в том числе в мемуарах, может изучаться с разных позиций. Это связано с тем, что автор по-разному проявляется в тексте, благодаря различным художественным средствам и приемам. Исследователь Виноградов определял образ автора как «индивидуальную словесно-речевую структуру, пронизывающуюстрой художественного произведения, и определяющую взаимосвязь и взаимодействие всех его элементов»¹⁸⁵. Как полагал ученый, главный определитель образа автора — это его отношение к теме и к изображаемому, иными словами, его авторская позиция¹⁸⁶.

Автор-мемуарист, как и автор художественного произведения, всегда занимает определенную позицию по отношению к описываемому. Уже само направление взгляда мемуариста, вычленение им наиболее важного, достойного упоминания в его тексте из потока фактов и событий, дает повод для интерпретаций и предлагает ряд предположений относительно его авторской позиции. Кроме того, мемуаристы нередко выражают свое отношение к фактам и событиям явным образом. Как писала Ю.Н. Мажарина, «С точки зрения структуры произведения мемуарист предстаёт перед читателем в двух ипостасях: объект изображения, один из героев воспоминаний; субъект, предлагающий читателю смотреть на изображаемое его глазами»¹⁸⁷. Автор мемуаров, таким образом, всегда носитель определенного мировоззрения, определенного взгляда на мир.

Личность мемуариста всегда находит отражение в тексте его произведений, так как они содержат его собственные воспоминания, ведь он повествует только о

¹⁸⁵ Виноградов, В. В. О теории художественной речи [Текст] / В. В. Виноградов. – М: Высшая школа, 1971. – С. 151.

¹⁸⁶ Купина, Н. А. Лингвистический анализ художественного текста: уч. пособие для студентов-заочников V курса факультетов языка и литературы педагогических институтов [Текст] / Н. А. Купина. – М.: Просвещение, 1980. – С. 25.

¹⁸⁷ Мажарина, Ю. Н. Мемуары как вид публицистического творчества [Текст] / Ю. Н. Мажарина // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2011. – № 2. – С. 199.

том, что видел, и о тех, кого знал. Однако его авторская позиция и — шире — образ его как автора может быть сложным и неоднозначным. Мемуары могут отражать динамику развития автора и, следовательно, выражать неоднозначную авторскую позицию. Для исследования образа автора мемуаров важно учитывать следующие факторы: писал ли он, используя дневники и записи, сделанные им во время описываемых событий, насколько он вовлечен в эти события, выражает ли он напрямую отношение к героям мемуаров, дает ли оценку фактам. Так, образ автора мемуаров складывается из множества компонентов, составляющих структуру его произведения.

Структура книги «Семь столпов мудрости» продумана автором. Повествование предваряется прологом, выполненным в жанре этнографического очерка, в котором содержится описание истории арабского народа и предыстории восстания, без которого читателю нельзя было бы понять контекст событий. Уже здесь автор начинает создавать вполне определенный романтизированный образ себя как участника освободительного движения арабов. Романтизация осуществляется за счет обозначенного Лоуренсом идеала свободы как цели и причины восстания, цели, к которой, как убежден автор, стремились арабы. Усиливая значимость этого идеала, Лоуренс указывает на те жертвы, которые были принесены в стремлении к данной цели. «С течением времени настойчивая потребность бороться за этот идеал [свободу] превращалась в бескомпромиссную одержимость, возобладавшую над всеми нашими сомнениями [...] И мы отдались не только телом, но и душой неутолимой жажде победы. Мы добровольно отреклись от морали, от личности, наконец, от ответственности, уподобившись сухим листьям, гонимым ветром» [101, с. 11]. Поставив себе задачу быть не предвзятым, Лоуренс не скрывает тех физических и моральных тягот, с которыми ему довелось столкнуться, что делает его повествование доверительным для читателя, а мотив служения свободе создает определенный ореол вокруг образа автора-повествователя.

Рассматривая динамику образа Лоуренса, важно указать на то, что его образ носит автобиографичный характер. Несмотря на то, что военные мемуары Лоуренса охватывают только два года восстания, его роль в нем, а, следовательно, и само произведение, были непосредственно подготовлены жизнью писателя до войны. Это объясняется, во-первых, самим жанром мемуаров, которые всегда отражают сознание их создателя, а, во-вторых, незаурядной и разноплановой личностью Лоуренса. Автор книги проявлял себя в различных сферах — научной, исторической, политической и писательской, что отразилось в тексте, — его образ, созданный на страницах книги, складывается из разных граней его личности как автора, который выступает как специалист-востоковед, разведчик, военный стратег, дипломат, воин, а при создании текста и как писатель.

Так, в первых разделах пролога автор выступает в качестве историка-арабиста. Здесь Лоуренс излагает историю Аравии, показывая глубокую осведомленность не только в фактах жизни семитских народов на территории Ближнего Востока, но и интерпретируя эти факты, то есть излагая свой взгляд на причины того, почему именно такой, а не иной менталитет сложился у бедуинов. Собственно, первым заданием Лоуренса в «деле восстания» было найти и определить среди арабской аристократии человека, по своим личностным и деловым качествам способного вдохновить и возглавить бедуинов, обладающих своеобразным менталитетом, и Лоуренс остановил свой выбор на сыне шеюфа Мекки Хусейна, принце Фейсале.

В повествовании Лоуренс практически не разделяет себя на роли, а, кроме того, одновременно выступает и офицером британской разведки, и бойцом армии бедуинов, что в жестоких боях изгоняют турецкую армию с собственных территорий, позже указывая на то, что ему приходилось по сути проживать две различные жизни. «В моем случае попытка годами жить в арабском обличье, вжиться в образ мыслей арабов стоила мне моего английского “я”» [101, с. 15], — заявляет Лоуренс. Кроме того, в большей части текста Лоуренс прибегает к коллективному методу повествования, используя местоимение «мы», не разделяя

себя и арабов: «Мы — это занятая самою собой, словно всеми позабытая армия [...]» [101, с. 11].

Говоря о соотечественниках, Лоуренс также использует местоимение обобщающего характера, как и в ходе рассуждения о своих действиях в среде бедуинов: «Нам [английской стороне] было ясно, что Востоку нужен какой-то новый фактор, какая-то сила, какой-то народ, который не только обеспечил бы численный перевес над турками, но и превзошел бы их как по производительности в сфере экономики, так и по уровню мышления» [101, с. 43]. Через несколько абзацев Лоуренс уточняет, что «мы» в данном случае — это представители британской разведки: «Нас было немного, и большинство объединилось вокруг Клейтона, руководителя разведки, как гражданской, так и военной. [...] Мы называли себя “Группой вторжения”, поскольку намеревались ворваться в затхлые коридоры английской внешней политики и создать на Востоке новый народ, не оглядываясь на рельсы, проложенные предшественниками» [101, с. 46]. Так, наряду с Лоуренсом как ученым, в книге формируется образ Лоуренса как политика и разведчика.

Интересно, что в ходе войны Лоуренс ассоциировал себя с арабами в том числе из практических соображений — чтобы достовернее выдавать себя за «своего», проводя в Аравии британскую политику. Но на момент написания мемуаров у него уже не было такой задачи, однако он продолжает идентифицировать свой интерес с интересами арабов, что свидетельствует о том, что за годы войны Лоуренс действительно глубочайшим образом сблизился с ними, многое у них усвоил и стал в чем-то на них похожим. Чтобы стать ближе к арабам и внешне, Лоуренс носил арабскую одежду, объясняя это и тем, что в ней гораздо удобней перемещаться по пустыне на верблюде и что так он вызывает меньше подозрения к себе со стороны окружающих. Здесь автор в очередной раз раскрывает себя как разведчика, с присущими людям этой профессии исключительным здравым смыслом и адаптивностью.

Лоуренс отмечал, что порой из-за своего необычного положения он чувствовал себя неуютно в сложившейся двойственности: по долгу службы он обязан был соблюдать интересы британского командования, а по зову сердца желал служить интересам восставших арабов: «Не в первый и не в последний раз меня раздражала служба двум хозяевам. Я был одним из офицеров Алленби и его доверенным лицом, и он ожидал от меня всего лучшего, что я мог бы для него сделать. Одновременно я являлся советником Фейсала, и Фейсал настолько полагался на честность и компетентность моих рекомендаций, что часто принимал их без всяких доводов в их пользу с моей стороны. И все же я не мог ни исчерпывающим образом объяснить Алленби ситуацию у арабов, ни полностью раскрыть Фейсалу британский план» [101, с. 433].

Объединяющим и движущим фактором в этом сложном положении для Лоуренса была идея свободы. С одной стороны, свобода, за которую он сражается, иллюзорна, так как арабские земли на некоторое время окажутся в поле интересов Британии, что Лоуренс начинает понимать уже в ходе восстания. С другой, им двигал важный момент, связанный с интерпретацией понятия «свободы» в личном сознании. Свобода для него — это нечто большее, нежели освобождение арабов от военно-политической машины Османской империи. «Сражаться за свободу» для Лоуренса означает сражаться за идею свободы, каким бы ни оказался итог этой борьбы. Главной мотивацией для Лоуренса являлось активное, всепоглощающее, жертвенное стремление к свободе, о которой он говорил во вступлении к мемуарам. Так, на идейном уровне пафос свободы как метафизической ценности усиливает романтичность образа Лоуренса в глазах читателя, делает его активной и деятельной фигурой, служащей высокому идеалу.

Дуалистичность образа Лоуренса осознавалась им самим в ходе повествования и выразилась в тексте в мотиве двойничества: «Своим английским умом я разделял этот взгляд, но моей арабской ипостаси представлялись одинаково важными как агитация, так и сражение [...]» [101, с. 610]. Существование в поле одной личности двух сущностей, очевидно, стало

серьезным испытанием для психики автора мемуаров. Показательно, что после взятия Дамаска, в завершение событий, когда Лоуренс собирается возвращаться на родину, когда он уже устал от войны и разочарован результатами восстания, он, выполнив обязанности перед командованием своего государства, достигнув поставленных ему целей и разделив с арабами все испытания, наконец, позволяет себе разрешить эту дилемму, заявив, что ему ближе арабы, нежели британская армия: «Арабы были людьми, пристально смотревшими серьезными глазами из совершенно другой сферы. Мой несчастный долг сослал меня к ним на два года. В этот вечер я был ближе к ним, чем к регулярным войскам, и стыдился этого» [101, с. 729].

Таким образом, позиционирование Лоуренса себя как араба, задуманное изначально с практической целью, произвело на него глубинное влияние, и это в итоге стало понятно не только самому Лоуренсу. Своим его признали сподвижники по оружию. Так, он был принят как один из вождей арабского восстания в Дамаске сразу после его взятия. Когда арабская армия вошла в город, Лоуренс являлся главным представителем принца Фейсала — это был его триумф. Дело здесь не в его высоком положении, что признавалось прочими властными лицами, а в том, что слава о нем в ходе восстания разнеслась в самых широких слоях народа, и арабы Дамаска приветствовали Лоуренса наряду с принцем Фейсалом и его ближайшими шейхами: «И, перекрывая все эти крики и визги, разносились размеренные громовые голоса мужчин, скандировавших: “Фейсал, Насир, Шукри, Лоуренс!” — и волны этих ритмичных возгласов катились по площадям, через рынки, по длинным улицам до Восточных ворот, вокруг городской стены и обратно до Майдана и превращались в настоящую стену криков вокруг нас, остановившихся у этой цитадели» [101, с. 734].

Двойственность положения Лоуренса, мучившая его порой, как свидетельствует авторское повествование в книге «Семь столпов мудрости», заключается также в том, что он был вынужден совмещать свой гуманный нрав с ролью воина, который «добровольно отрекся от морали, личности,

ответственности». Гуманизм Лоуренс Аравийский так или иначе неоднократно проявляется в ходе описываемых событий. Во-первых, гуманизм авторской позиции заключен в выражаемой им эмпатии — во множестве случаев писатель с сочувствием говорит о страданиях героев книги, с одобрением высказывается о терпимости сильных и властных шейхов по отношению к подчиненным и провинившимся, в целом придерживаясь общечеловеческих гуманистических принципов нравственности и морали. Разумеется, война и военная служба налагают ряд жестких ограничений на права и свободы всех участников, и Лоуренс вынужден подчиняться законам войны, проявляя при этом во многих ситуациях мудрость и милосердие.

К примеру, показателен здесь эпизод перехода по пустыне, во время которого один из воинов-арабов отстает от каравана, и Лоуренс вызывается за ним вернуться. Это был рискованный шаг, грозивший мучительной смертью в раскаленных песках, если бы Лоуренсу случилось, в свою очередь, также потеряться. Ему не было никакой необходимости рисковать, он не знал араба, которого отправился спасать лично. Это было порывом души автора мемуаров. Лоуренсу стало жаль пропавшего человека, и никто из арабов не хотел рисковать, поэтому он отправился на поиски самостоятельно. Кроме того, таким поступком Лоуренс показал арабам ценность жизни другого человека и готовность рисковать ради нее. Арабы же проявили в этой ситуации нерешительность и благоразумие и не спешили спасать своего товарища. Смерть в пустыне воспринималась ими как привычное явление. Позже, однако, узнавший о произошедшем вождь племени Ауда оценил это как противопоставление «солидарности людей пустыни эгоизму горожанина» [101, с. 281].

Несмотря на подобные жесты, продиктованные индивидуальностью Лоуренса, в целом он оставался военным, участвующим в боевых действиях, а значит, вынужденным убивать врагов. Здесь для его гуманизма не оставалось места, что было оправдано служением долгу и общем делу. Однако арабы воевали на своей территории и за свою землю, а Лоуренс завербовался в разведку

добровольно, руководствуясь во многом идеалистическими мотивами, что ставило его в двойственное положение в конфликте.

Кульминация раздвоенности Лоуренса-гуманиста и Лоуренса-воина проявилась в эпизоде казни арабского солдата, осуществленная Лоуренсом в одном из переходов его отряда через пустыню. Лоуренс был вынужден решить проблему выбора между следованием принципам гуманизма и подчинением обстоятельствам. В отряде сложилось противостояние из-за одного провинившегося воина. Если бы его наказала одна сторона, мстить начала бы другая. Воинский потенциал отряда был бы разрушен. Тогда Лоуренс принял бремя наказания на себя, тем самым сохранив в отряде мирное согласие. Но этот поступок тяжело дался Лоуренсу: «Я остановился на входе и дал ему отсрочку на несколько секунд, которую он потратил на рыдания, бросившись на землю. Я приказал ему подняться и выстрелил в грудь» [101, с. 193]. После этого Лоуренс терзался долгой бессонной ночью, но наутро продолжилась война, которая заставляла рисковать жизнью ради «своих» и убивать «чужих» во имя поставленной задачи.

В заключение повествования Лоуренс еще раз объясняет читателю мотивы своего участия в арабском восстании, но делает это уже не с таким накалом пафоса и воодушевления, как во вступлении, скорее с позиции уже пройденного пути, но всё с той же романтической интонацией: «Осталась историческая амбиция, иллюзорная, как и сам мотив. Я мечтал в оксфордской городской школе о том, чтобы успеть при жизни придать нужную форму новой Азии [...] Мекка должна была привести в Дамаск, Дамаск — в Анатолию и затем в Багдад, а там был рядом и Йемен. Казалось бы, фантазии, но именно они подвигнули меня на вполне реальную, прочувствованную и телом, и духом борьбу» [101, с. 750].

3.2. Семантика заглавия книги «Семь столпов мудрости»

Лоуренс Аравийский назвал свои мемуары «Семь столпов мудрости» в память об одной своей предыдущей книге, которая так и не была им издана. В

1909 г., учась в оксфордском колледже Иисуса, Лоуренс выбрал тему для своей будущей диссертации на степень бакалавра — «Влияние крестовых походов на средневековую военную архитектуру Европы». Чтобы собрать материал для диссертации, он отправился в путешествие по Палестине и Сирии. Воображение Лоуренса захватила тема Крестовых походов, но его симпатии были скорее на стороне противников крестоносцев, как замечает Лиддел Гарт, один из биографов писателя¹⁸⁸. Идея освобождения Святой земли, лежавшая в основе Крестовых походов, произвела на Лоуренса сильное впечатление, породив мечту о таком походе, во главе которого был бы он сам. Но в воображении Лоуренса речь шла об освободительном походе иного характера: для него была важна идея освобождения наций от рабства. При этом нацией, нуждавшейся в освобождении, ему представлялись арабы, к жизни и культуре которых он проявлял большой интерес¹⁸⁹.

Непосредственно перед Первой мировой войной Лоуренс занимался исследовательской деятельностью, работая археологом на Ближнем Востоке и собирая сведения для своей книги. Он завершил свою исследовательскую книгу, дав ей название «Семь столпов мудрости», но позже уничтожил рукопись, посчитав ее слабой. Семь столпов мудрости в его первом творческом замысле — это семь великих ближневосточных городов: Каир, Смирна, Константинополь, Бейрут, Алеппо, Дамаск, Медина¹⁹⁰. Однако позднее название книги писатель решил использовать для другого произведения, которому суждено было стать главным трудом его жизни.

Понять причину, по которой Лоуренс избавился от своего изначального труда с названием «Семь столпов мудрости», можно, приняв в качестве гипотезы мысль о том, что проекты этих двух книг (первой, уничтоженной автором, и второй, снискавшей мировую славу) в определенном смысле связаны не только

¹⁸⁸ Гарт, Г. Б. Л. Полковник Лоуренс [Электронный ресурс] // Милитера: военная литература. Режим доступа: <https://militera.lib.ru/bio/liddel-hart2/index.html> (дата обращения: 09.09.2024).

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ Graves, R. Lawrence and the Arabs: An Intimate Biography [Текст] / R. Graves. – UK: Seven Stories Press, 2020. – P. 61.

темой, но и некой общей идеей. Первая книга должна была носить преимущественно научный характер, но, судя по тому, что Лоуренс её уничтожил, а не отложил для дальнейшей доработки, можно предположить, что она содержала много личной информации — это впечатления, некие свидетельства событий, связанных непосредственно с автором, суждения, которые представлялись ему недостаточно глубокими и весомыми. Лоуренс признавал книгу слишком слабой для публикации и даже для дальнейшей переработки. В то же время писатель мечтал посвятить себя освободительной борьбе народов Востока. Можно предположить, что первая рукопись была уничтожена ее автором не по той причине, что слабой оказалась история европейской военной архитектуры или описание семи прославленных ближневосточных городов. Неубедительность истории могла заключаться в образе её повествователя.

Дело в том, что в то время никакого Лоуренса Аравийского как символа Арабского восстания еще не существовало. Была только мечта автора — Томаса Лоуренса — стать им, а точнее — создать проект собственной деятельности и описывающий ее литературный труд. Уже в молодые годы амбициозный и деятельный характер Лоуренса указывал на то, что будущий автор мемуаров не намеревался становиться кабинетным ученым и писателем-затворником, он готовил себя к героическому будущему путешественника и воина, подобного воинам-крестоносцам прошлого. Об этом свидетельствует такой судьбоносный факт из биографии писателя, как его добровольное поступление на службу в армию и разведку Британской империи незадолго до войны, еще во время реализации его археологических интересов. Точно нельзя утверждать, что, уничтожая рукопись, Лоуренс предчувствовал, что случатся некие исторические события, которые дадут ему возможность стать их участником и описать Ближний Восток в большей степени приобщения к его судьбе. Но после того, как Арабское восстание состоялось и он пережил его как участник событий, у Лоуренса не осталось сомнений, что он способен и вправе описать мир Востока и значимые для арабских народов события на новом уровне, взяв использованное

прежде название. Примечательно, что в эпилоге книги Лоуренс указывал на интерес, им движущий. Еще в детстве он прочитал трактат «О реках Вавилонских», из-за чего в нем возникло «страстное желание ощутить и испытать на себе исток национального движения» [101, с. 750]. Лоуренса глубоко волновал псалом 136 из Ветхого Завета, где описывалось изгнание еврейского народа в Вавилон¹⁹¹.

Название любой книги имеет огромное значение, как для автора и читателя, так и для исследователя, поставившего цель изучить текст как литературное и культурное явление. По утверждению С. Кржижановского, «как завязь, в процессе роста, разворачивается постепенно-множащимися и длиннящимися листами, так и заглавие лишь постепенно, лист за листом, раскрывается в книгу: книга и есть — развернутое до конца заглавие»¹⁹². Однако, заглавие мемуарной книги Т. Э. Лоуренса, как уже упоминалось, изначально предназначалось для совершенно другого произведения. Так как название уничтоженной рукописи все-таки было сохранено, следует подробнее рассмотреть, какие потенциальные смыслы оно в себе несет.

Прежде всего, заглавие «Семь столпов мудрости» в мемуарах об Арабском восстании связано с повествованием по тематике. События восстания разворачивались на Ближнем Востоке, и некоторые из ранее названных городов либо упомянуты в мемуарах Лоуренса, либо в них непосредственно проходили боевые действия. Кроме того, название содержит аллюзию на цитату из Книги притчей Соломоновых, точнее, это отсылка к одной из притч: «Премудрость построила себе дом, вытесала семь столбов его, заколола жертву, растворила вино свое и приготовила у себя трапезу; послала слуг своих провозгласить с возвышенностей городских: “кто неразумен, обратись сюда!” И скудоумному она сказала: “идите, ешьте хлеб мой и пейте вино, мною растворенное; оставьте неразумие, и живите, и ходите путем разума”. Дай наставление мудрому, и он

¹⁹¹ Ветхий Завет. Притчи Соломона [Электронный ресурс] // Моя Библия онлайн. Режим доступа: http://www.my-bible.info/biblio/biblija/prit_solom.html (дата обращения: 12.06.2024).

¹⁹² Кржижановский, С. Д. Поэтика заглавий [Текст] / С. Д. Кржижановский. – М.: Никитинские субботники, 1931. – С. 3.

будет еще мудрее; научи правдивого, и он приумножит знание. Начало мудрости — страх Господень, и познание Святого — разум[...]»¹⁹³.

Когда автор использует в названии отсылку к другому произведению, которое уже является готовым художественным материалом, он, соответственно имеет целью его использовать в составе нового текста и, как минимум, «взять взаймы» часть его смысла. По мысли С. Кржижановского, «книжная речь, лаконизирующая фразеологию жизни, дающая ее в отжиме, достигает этого путем логического и художественного отбора. Т. о., технике озаглавливания приходится иметь дело не с словесным сырьем, а с художественно-переработанным материалом: прошедшее сквозь более крупное сито текста должно еще раз пропасть сквозь заглавный лист»¹⁹⁴. Такое переиспользование чужого материала в заглавии может быть, как прямым, так и весьма косвенным, как в случае с заглавием книги Лоуренса. При этом один только факт переноса заглавия из прошлого некогда задуманного произведения в новую книгу делает для внимательного читателя, знакомого с биографией автора, понятным, что Лоуренсу было дорого название и замысел первой — уничтоженной — рукописи. Опираясь на косвенные свидетельства биографов, можно заключить, что автор книги «Семь столпов мудрости» видел свою книгу если не продолжением первоначального замысла, зародившегося у него еще в колледже, то, как минимум, развитием темы на ином, более осмысленном уровне, когда он уже смог создать более зрелого героя-повествователя.

Совершенно очевидно, что для Лоуренса было важно на новом уровне описывать мир Востока, иначе, чем он делал это в первой версии своей книги, где он выступал как созерцатель и интерпретатор статичных сооружений, а не в историческом контексте, непосредственном взаимодействии с этим миром, в динамике, в период определяющих для этих мест событий, участником которых

¹⁹³ Ветхий Завет. Притчи Соломона [Электронный ресурс] // Моя Библия онлайн. Режим доступа: http://www.my-bible.info/biblio/biblija/prit_solom.html (дата обращения: 12.06.2024).

¹⁹⁴ Кржижановский, С. Д. Поэтика заглавий [Текст] / С. Д. Кржижановский. – М.: Никитинские субботники, 1931. – С. 17.

он стал. Именно поэтому книга мемуаров и увидела свет, в отличие от обзорной книги-путешествия, созданной еще в мирное время.

На то, что мемуары «Семь столпов мудрости» — это более глубокое и осмысленное произведение о Востоке и о себе самом, которое Лоуренс всегда мечтал создать на основе деятельного приобщения, указывает и стихотворное посвящение:

Я любил тебя и потому взял в руки людские волны

и волю свою написал во все небо средь звезд,

чтобы стать достойным тебя, Свобода,

гордый дом о семи столбах, чтоб глаза могли воссиять, когда мы придем к тебе [101, с. 3].

Подписано оно «С. А.». Биографы склоняются к тому, что Лоуренс имел в виду Селима Ахмеда, молодого арабского мальчика из Сирии, которого он очень любил. Ахмед умер, вероятно, от тифа, в возрасте 19 лет, за несколько недель до наступления на Дамаск с целью его освобождения. Лоуренс получил известие о его смерти за несколько дней до того, как они вошли в Дамаск. В этом прочувствованном, страстном возвзвании Лоуренс связывает строительство «гордого дома о семи столбах» с собственной судьбой, со своей любовью и, главное, со свободой, личной и общественной.

Есть еще одно указание на связь названия с характером повествования, а также с уничтоженной рукописью о ближневосточных городах и замках крестоносцев. Это упоминание в начале книги о том, что аравийская пустыня — колыбель семитской религиозности и, в частности, иудейского, христианского и арабского монотеизма. «Мы воспринимали все семитские религии (их характер и сущность) как постулирующие пустоту мира и полноту Аллаха [101, с. 27] [...] монотеизм открытых пространств» [101, с. 398], — писал Лоуренс. Упомянутая мудрость в названии, Лоуренс демонстрирует свое отношение к народам Аравийского полуострова — именно в их культуре и их народной мудрости зародились три авраамические религии, определившие судьбу мира. Их мир в

понимании Лоуренса Аравийского предстает мудрым и величественным, и важно только дать ему свободу самоопределения, освободив народы, его населяющие, от военно-бюрократической машины Османской империи в союзе с милитаристской Германией. Так фраза из ветхозаветного текста приобретает общее с книгой Лоуренса значение в аспекте развивающейся автором тематики Востока: его городов и селений, населяющих их племен, обуреваемых жаждой свободы; идеи свободы как высшей ценности и добродетели, такой же, как и мудрость, и общая вера, которая, как известно, имеет ветхозаветные истоки.

Важно заметить, что, несмотря на то, что в названии книги использовалась неточная цитата из библейского текста, она, тем не менее, благодаря Лоуренсу, обрела собственную жизнь не только на Ближнем Востоке, но и в европейской культуре, утвердив имя Лоуренса на века. Так, в аравийской пустыне Вади-Рам (Иордания), также называемой Лунной долиной (в которой снимали пейзажи для фильма «Лоуренс Аравийский»), одно из величественных горных образований, имеющих ряд отрогов, первоначально известное как «Джабаль аль-Мазмар», названо было впоследствии (1980 г.) в честь книги английского писателя — «Семь столпов мудрости». Лоуренс описывал эти места и в переписке, и в самой книге, так как некоторые события арабского восстания происходили именно здесь: «Сложеные из зернистой породы скалы были исчерченены вертикальными полосами, в основном на протяжении двух сотен футов сильно трещиноватой породы, более темной по цвету и более твердой по структуре. Этот нижний пояс в противоположность песчанику не нависал подобием складок ткани, а растекался каменистой осыпью, образуя горизонтальный вал у подножия стены. Эти утесы были покрыты купольными образованиями менее яркого красного цвета, чем основная масса горы, которые придавали этому неотразимому месту видимость законченной византийской архитектуры, превосходящей всякое воображение» [101, с. 391].

В этом отрывке из книги Лоуренса можно заметить, как он отсылает читателя к архитектуре Византии, на которую, по его давней идее, еще со времен

учебы в колледже, повлиял опыт крестоносцев на Ближнем Востоке. Следовательно, и в этой книге Лоуренс обращается к архитектурным образам и ассоциациям и делает это неоднократно, так что повторное использование названия уничтоженной рукописи никак нельзя назвать случайным, оно хотя и косвенно, но указывает как на преемственность идей двух книг, так и на некоторые детали замысла Лоуренса, реализованного в его главном и наиболее известном сочинении — описать Ближний Восток в его значимости и потенциале.

Нельзя не признать, что в избранном для книги заглавии, восходящем к Притчам Соломона, проявляется известная амбициозность замысла автора и внутренняя уверенность в значимости своего труда, так как в исходной библейской цитате, из которой взят образ семи столпов мудрости, Премудрость ведет речь о некоем храме, который она воздвигла и который содержит ценные дары, к которым она приглашает приобщиться. Заметим, что в Библии число семь фигурирует многократно. Только в одном «Откровении» встречается целый ряд образов, объединенных этим числом: семь ангелов, стоящих перед Богом, которым дано было по семь труб; семь светильников огненных; в деснице у Сидящего на престоле книга, запечатанная семью печатями; семь громов проговорили голосами своими.

Кроме того, в названии символическую значимость имеет число семь как воплощение законченности и совершенства¹⁹⁵. Следует заметить, что число семь как знак отличия, полноты и совершенства утвердилось еще в мифологическом сознании как объединение трехъярусной вертикали (мир богов, мир людей, мир подземный) и горизонтали (четыре стороны света). Показателен выбор этого числа как знака отличия, к примеру, в древнегреческой культуре, из которой известны семь чудес света и семь мудрецов.

¹⁹⁵ Маслова, В. А. Числовой код в коммуникации: лингвокультурный образ числа «семь» [Текст] / В. А. Маслова // Ученые записки КФУ им. В.И. Вернадского. Филологические науки. – 2012. – Том 25, № 1-1. – С. 356.

3.3. Мастерство создания портретной характеристики персонажей

Словесный портрет в художественной литературе выступает одним из важнейших средств создания литературного образа героя, поэтому портретное изображение персонажей так или иначе всегда находилось в поле зрения исследователей литературы. Портрет в литературном произведении имеет разные свойства: он может быть статическим и динамическим, может являться развернутым и фрагментарным, представленным одной-двумя характеристиками, психологическим, выражающим психологическую структуру личности и проясняющим мотивацию персонажа, и внешним, описывающим облик героя как подробный, претендующий на полноту, так и выполненный «крупными мазками» — показывающий наиболее характерные черты внешности¹⁹⁶.

В литературоведении сложилось множество подходов к определению и изучению способов создания литературных портретов. Но одним из первых исследователей, подошедших к проблеме комплексно, являлся М.М. Бахтин. Для его метода было характерно акцентировать внимание на изменениях выражения лица описываемого персонажа, на тембре его голоса, походке, на манерах, то есть как на наружности, так и на проявлениях внутреннего, психологического движения, на том, что дополняет живописный портрет: «некоторая неполнота чисто живописного портрета здесь восполняется целым рядом моментов, непосредственно примыкающих к наружности, малодоступных или вовсе недоступных изобразительному искусству [...]»¹⁹⁷.

Для О.А. Мальцевой портрет выступает одним из средств создания героя повествования; автор описывает внешность персонажа, а также дает психологическую характеристику через акцентирование читательского внимания

¹⁹⁶ Кунавин, О. Б., Кунавина, И. И. Проблема портрета в художественной литературе [Текст] / О. Б. Кунавин, И. И. Кунавина // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2017. – № 2. – С. 204.

¹⁹⁷ Бахтин, М. М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук [Текст] / М. М. Бахтин. – Спб.: Азбука, 2000. – С. 61.

на отдельных чертах внешности: особенности мимики, фигуры, через жесты и позы персонажа, его одежду и прочие атрибуты¹⁹⁸.

Исследователь Юркина заключает, что внешность человека, переданная художественными средствами в литературном портрете, может многое рассказать о нем читателю. Это могут быть конкретные факты: как возраст, национальность, социальное положение, так и психологические характеристики персонажа: качества его характера, вкусы, привычки, наклонности. По мнению Юркиной, портрет литературного героя составляют три основных компонента: природный (рост, возраст, комплекция и т.п.), социальный (манера держаться, одежда и отношение персонажа к ней), внутренний мир героя, проявляющийся через внешние признаки (выражение лица, мимика, свидетельствующие о переживаемых чувствах, взгляд, голос)¹⁹⁹.

Литературовед Барахов исследовал портрет как жанр мемуарно-биографической прозы. В монографии «Литературный портрет (Истоки, поэтика, жанр)» автор высказал идею о необходимости принимать во внимание связь живописного портreta и словесного, как в функциональном, так и в генетическом аспектах. Но Барахов признавал и большие различия между литературным и живописными портретами. В первую очередь он отмечал динамичность портreta словесного, где изменение внешности персонажа часто выражает вехи его биографии.

В мемуарной прозе автор по определению следует фактам, свидетелем которых он являлся. Это налагает на него определенные требования соответствовать в описании персонажа его фактическим характеристикам внешности, манеры одеваться. Кроме того, создание портreta требует от автора индивидуального мастерства и, как указывает В.С. Барахов, сам литературный метод влияет на создание литературных портретов персонажей произведения: «В

¹⁹⁸ Мальцева, О. А. Семантико-стилистическая интерпретация словесного портreta и повторной номинации в художественном прозаическом тексте [Текст] / О. А. Мальцева. – Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1986. – С. 9.

¹⁹⁹ Юркина, Л. А. Портрет [Текст] / Л. А. Юркина // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины / Л. В. Чернец. – М.: Высшая школа, 2000. – С. 296.

ощущении как бы заранее намеченных для себя “пределов” обнаруживается зависимость портретистов не только от присущего им индивидуального мастерства, стиля, специфики жанра, принуждающей каждого из авторов придерживаться мемуарно-документальной основы повествования и не выходить за ее границы, но и от самого литературного метода»²⁰⁰. Так, заключает исследователь, «сама природа портретного жанра, отразившаяся в его названии, — черта за чертой — требует в словесном портрете для построения образа более длительной протяженности во времени и поэтому создает иную, более гибкую и емкую по сравнению с живописным портретом художественную структуру».²⁰¹

Первое издание книги «Семь столпов мудрости», выпущенное Т. Э. Лоуренсом в 1926 году за свой счет в надежде окупить затраты подпиской, включало несколько иллюстраций, созданных художниками под контролем писателя. Арабский принц Фейсал, его брат Али, юный воин Махмас, генерал Алленби, сам Лоуренс Аравийский и некоторые другие участники событий, описанные в книге, изображены, по-видимому, такими, какими их хотел представить сам автор мемуаров. Интерес также вызывает состав изображенных персонажей, ведь в книге несколько десятков действующих лиц, и многие из них важны, более того, внешность и деятельность многих из них достаточно подробно описаны автором.

Можно по-разному группировать персонажей книги, чтобы рассмотреть, как описывал их автор, насколько тщательно выписывал детали внешности, как ярко и даже страстно рисовал их словесные портреты на страницах своих мемуаров, как часто возвращался к их описанию, чтобы дополнить образ или, напротив, показать своего героя с иной стороны. Наиболее целесообразным представляется разделить литературные портреты на две группы: представителей европейского командования Арабским восстанием и непосредственно арабов — простых солдат-бедуинов, офицеров и шейхов — потомков пророка Мухаммеда.

²⁰⁰ Барахов, В. С. Литературный портрет: (Истоки, поэтика, жанр) [Текст] / В. С. Барахов. – Ленинград: Наука: Ленингр. отд-ние, 1985. – С. 161.

²⁰¹ Там же, с. 31.

Прежде всего, надо отметить, что литературные портреты в мемуарах Лоуренса достаточно сильно различаются по степени детализации, что объясняется прежде всего важностью персонажа для повествования, но также и субъективным отношением автора к персонажу. Пример последнего — взятый в подборку иллюстраций портрет Махмаса. Как для сюжета книги, так и для Арабского восстания Махмас совершенно не важен, молодой араб «числился всего лишь погонщиком верблюдов» [101, с. 545], но автор заказал художнику его портрет, и он стал одним из немногих героев книги, удостоившихся такой чести. Словесный портрет Махмаса также не отличается подробностью и богатством деталей: «юноша с тонкими губами, заостренным подбородком и таким же заостренным лбом, чьи бусинки-зрачки сошлись у переносицы, выражая тем самым величайшее раздражение» [101, с. 545]. Больше во всей книге о нем нет ни слова, только один абзац в несколько строк: «Постоянно уязвленное самолюбие делало его поведение в компании непредсказуемым и опасным. Когда Махмас проигрывал в споре или оказывался предметом насмешки, он бросался вперед с всегда находившимся под рукой небольшим кинжалом и вонзал его в своего обидчика» [101, с. 545]. Учитывая, что Махмас для сюжета автору больше не понадобился, его портрет и вообще появление в книге нужны были для иллюстрации взрывного характера молодых бедуинов в арабской армии. Подобных «быстрых» и ярких набросков портретов персонажей-арабов в книге Лоуренса встречается множество. Автор вводит в повествование самых разных представителей арабского мира, чтобы из их портретов создать портрет народа, поднявшегося на борьбу с игом Османской империи.

Лишь несколько персонажей в книге описаны достаточно подробно и детально. В первую очередь, это образ самого автора мемуаров, как главного героя повествования, однако его образ и способы его создания были охарактеризованы выше. При создании образов окружающих, Лоуренс прибегает к методу «деконцентрированного» портрета, возвращаясь к описанию внешности и характерологических черт персонажа несколько раз на протяжении всего текста,

чтобы дополнить или усилить впечатление о нем у читателя, либо показать его с какой-либо другой стороны в изменившейся ситуации.

Согласно А.Б. Есину, «всякий портрет в той или иной степени характерологичен — это значит, что по внешним чертам мы можем хотя бы бегло и приблизительно судить о характере человека»²⁰². Особенno актуален этот подход в искусстве, где писатель или художник использует внешние характеристики для раскрытия внутреннего образа персонажа. Портрет, по Есину, вмещает в себя следующие формы портретной характеристики: портрет-описание, портрет-сравнение, портрет-впечатление, характеристический портрет и психологический портрет. Такая последовательность характеризует степень сложности и проработанности портретов персонажей. Лоуренс, создавая портреты некоторых героев своей книги, не только и не столько стремится создать яркий и запоминающийся образ исторической личности, сколько решить одну из главных задач произведения — раскрыть роль такой личности в исторических событиях, показать, почему и как эта личность исполнила свою роль и заняла надлежащее место в истории. Для этого автор не ограничивается в рамках портрета только одним типом — портретом-описанием или психологическим портретом, но часто комбинирует формы портретов, чтобы добиться объемной и цельной картины.

Так, наиболее детальный портрет в книге «Семь столпов мудрости» — портрет принца Фейсала, сына шерифа Мекки Хусейна ибн Али, главнокомандующего арабской армии. Образ Фейсала, как и некоторых других персонажей, уже осмысливался в пределах данного исследования, где эти персонажи рассматривались как индивидуальные носители арабской ментальности, составляющие как ее типические черты, так и делающие ее многообразной. Здесь же целью является изучить художественные средства, которые использует автор для создания портретов своих героев.

²⁰² Есин, А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения [Текст] / А. Б. Есин. – М.: Флинта: Наука, 2005. – С. 50.

Создавая портрет принца Фейсала, Лоуренс решает сразу несколько задач. Так, он выражает свою личную симпатию, явно любуясь лидером арабского восстания: «Фейсал был очень высокого роста, стройный и напоминал изящную колонну в своем длинном белом шелковом одеянии, с коричневым платком на голове, стянутым сверкавшим ало-золотым шнуром. Его веки были полуопущены, а черная борода и бледное лицо словно отвлекали внимание от молчаливой, бдительной настороженности всего его существа. Он стоял, скрестив руки на рукояти кинжала» [101, с. 86]. Метафора «изящной колонны» близка Лоуренсу как исследователю архитектуры, для него образ колонны является возвышенным и совершенным образцом древнего искусства, а также основой строения — так, этот образ сочетает в себе изящество, сложность, интеллектуальную продуманность и внутреннюю твердость — те черты, которые Фейсал продемонстрирует не раз в ходе описываемых событий, а также мудрость и рассудительность и в то же время отвагу и решительность в бою, предельную самоотдачу. В этом отношении показателен эпизод, в котором бедуины унесли изнемогшего принца с поля боя. При этом Лоуренс, не ограничивается одним сравнением с колонной, а живописует внешность Фейсала более подробно, следуя логике, что яркая, внушительная внешность не менее важна для полководца и лидера восстания, чем сила — такой герой внушает симпатию как участникам восстания, так и читателям. Объектом этого внушения стал и сам Лоуренс, в чем признается читателю уже с позиции времени: «С первого взгляда я понял, что передо мной тот человек, ради встречи с которым я приехал в Аравию, вождь, который приведет арабское восстание к полной и славной победе» [101, с. 86].

Автор отмечает детали внешнего облика принца, используя сразу несколько групп эпитетов, таких как «длинное белое шелковое одеяние [...] коричневый платок [...] ало-золотой шнур [...] высок, грациозен, силен [...] суровый, покрытый шрамами [...] величественная поступь [...] царственная посадка головы [...] темные привлекательные глаза» [101, с. 86]. Внешность Фейсала важна для понимания читателем его аристократического происхождения, а также того, как

выглядит ближневосточный правитель. При этом, Лоуренсу важно показать не только внешность героя, но и его манеры — в первую встречу принц предстает с полуопущенными веками и скрещенными на рукояти кинжала руками. Он первым начинает диалог:

«— Как вам нравится у нас в Вади Сафре?

— Нравится, но слишком уж далеко от Дамаска» [101, с. 86].

Лоуренс знает, что Дамаск захвачен турками, но его слова обусловлены ценным для него как для европейца комфортом и формулами вежливости. Если у присутствующих арабов слова Лоуренса вызвали недоумение, то Фейсал сохранил невозмутимость, а затем и прервал молчание шуткой о том, что турки ближе к ним, чем к Дамаску. Так, уже сцена знакомства героев крайне показательна в аспекте изображения характера принца. Он предстает перед автором и читателем как спокойный, уверенный в себе, достаточно остроумный человек, способный сгладить недоразумение, и достаточно мудрый, чтобы не привести ситуацию к конфликту.

Здесь следует обратить внимание на еще одну важную особенность, присущую литературному методу Лоуренса Аравийского в книге «Семь столпов мудрости»: особенностью портретов Лоуренса является то, что его герои не предстают единожды с определенными чертами характера и остаются неизменными, а раскрываются с разных и неожиданных сторон в ходе повествования по мере того, как автор непосредственно их наблюдает. Все портреты созданы Лоуренсом «с натуры», в момент тех или иных событий, описанных в книге мемуаров. Это делает портреты героев динамическими — включающими в себя совокупность мимики и жестов, особенности походки и пластики тела, речевую манеру, соответствующие характеру той или иной ситуации. Описание портретов в ходе наблюдений, а не умозрительное создание их придает мемуарам Лоуренса особую достоверность.

Развивая образ Фейсала как дипломата, способного и умеющего взаимодействовать с людьми, Лоуренс показал, в частности, как принц

поддерживал энтузиазм воинов после поражения одного из племен в бою, подбадривая и выслушивая каждого бойца в своей палатке. «Его самообладаниеказалось огромным», — заключает Лоуренс. Дипломатичность Фейсала дополнялась его коммуникабельностью, желанием и любовью к общению с людьми: «Я ни разу не видел, чтобы хоть один араб вышел от него недовольным или обиженным, — надо отдать должное его такту и памяти; по-видимому, он не терялся ни при каких обстоятельствах и без труда безошибочно вспоминал степень родства» [101, с. 127]. По словам автора, принц «управлял своими людьми непроизвольно: было трудно понять, как он навязывал им свое мнение, и так же трудно уследить за тем, действительно ли они ему повиновались» [101, с. 94].

Многократно в продолжение повествования Лоуренс возвращается к портрету арабского вождя, чтобы добавить к нему еще один тот или иной штрих, используя для этого богатую палитру эпитетов и метафор. Из созданного портрета принца известно, что Фейсал высокий, статный, весь облик его говорит о том, что он лидер, вождь и знамя восстания. Автор уделяет внимание также таким деталям, как голос. Лоуренс замечает, что Фейсал обладал звучным голосом, но при этом умел говорить «повелительным голосом», «мягко и мелодично выкрикивая» слова, убедительно воздействующие на собеседника: «Казалось, что щит из слов, защищавший его мысли, настолько тонок, что за ним можно было различить пылание чистого, мужественного духа» [101, с. 124].

В глазах Лоуренса неподражаемый словесный дар Фейсала был его действенным оружием: «Фейсал обладал богатым музыкальным тембром голоса и умело пользовался им в разговоре с подчиненными. Он говорил с ними на диалекте племени, но в какой-то своеобразной манере неуверенности, как если бы с мучительной нерешительностью подыскивал фразы, словно заглядывая внутрь каждого слова» [101, с. 124]. Богатство и развитость речи Фейсала Лоуренс в том числе связывает с его образованностью, а военный опыт - со службой у турок. Отмечает Лоуренс в Фейсале также понимание европейской жизни и манер, что

позволяло им говорить на одном языке. Но среди главных черт Фейсала Лоуренс обозначал его амбициозность, называя его «харизматиком, способным придать убедительную форму идее, выходящей за рамки восстания».

Еще одной важной чертой Фейсала, которой также восхищался Лоуренс, являлась способность принца вдохновлять подчиненных своим оптимизмом: «Стремясь поддержать боевой дух своего войска, Фейсал делал это, вдохновляя своим оптимизмом всех, с кем ему приходилось общаться» [101, с. 124]. Эта особенность Фейсала положительноказывалась на моральном состоянии арабских воинов: «Сомнения арабов сменились безудержным оптимизмом, и это позволяло ожидать отличной службы» [101, с. 183].

Лоуренс не скрывал, что и сам попал под обаяние Фейсала, он стремился к тому, чтобы и читатель был им очарован. Кроме того, Лоуренс уподобляет его пророку, завершая этим описание принца, называя Фейсала «великолепным», самым влиятельным героем описываемых событий.

С уверенностью можно утверждать, что Фейсал второй по значимости герой книги после автора и обладатель самого яркого из созданных Лоуренсом образов. Более того, отблеск величия и привлекательности образа принца падает и на образ самого Лоуренса как героя произведения. Лоуренс даже переодевается в одежду Фейсала: «Однажды Фейсал неожиданно спросил меня, не хотел ли бы я носить в лагере арабское платье, например, из его гардероба» [101, с. 128]. Лоуренс надевает арабские одежды, с одной стороны, как он утверждает, чтобы не привлекать к себе ненужное внимание, и чтобы удобней было скакать на верблюде по пустыне, а с другой, к чему уже автор подвел читателя, чтобы быть более похожим на Фейсала и таким образом быть ближе и к нему, и к арабам.

Так, использованные автором при создании образа Фейсала художественные средства убеждают читателя в уникальности личности принца и объясняют то, почему арабские племена пошли за этим лидером. Благодаря своим природным качествам, манерам и характеру Фейсал справился с ролью, отведенной ему историей.

Для того, чтобы выделить Фейсала из ближайшего по статусу окружения принца, Лоуренс рисует образы его братьев и его отца. Описание отца Фейсала — шерифа Хусейна — Лоуренс начинает с того, что упоминает о его глубокой набожности и в то же время практичности. В дальнейшем в книге встречается только одно описание Хусейна, представленное общими, но весомыми чертами: «Шериф Хусейн с виду был так добродетелен и кроток, что мог показаться слабым, но под его внешней мягкостью крылись твердая рука, огромное тщеславие, какая-то отнюдь неарабская дальновидность, сила характера и упрямство» [101, с. 94]. Однако независимость Хусейна, которую также отмечал Лоуренс, отразилась на деле восстания негативным образом — он не считал нужным посвящать в планы восстания сыновей, из-за чего восстание началось внезапно, и арабам не хватало оружия и провианта. В своей набожности Хусейн отличался от Фейсала, который, будучи образованным, полагался не только на веру, но и на здравый смысл, в то время как Хусейн искренне считал, что его веры достаточно для победы над турками. Так, Хусейн предлагал убить лидеров турок Энвера и Джемала, в то время как Фейсал в очередной раз проявил благородство и указал на бессмысленность такой затеи с военной точки зрения.

Хусейн не участвовал в боевых действиях, поэтому Лоуренс близко с ним не взаимодействовал, и всё, что он о нем рассказал, он знал, как разведчик, дипломат и участник событий, в которых шериф Хусейн участвовал, осуществляя руководство из Мекки. Таким образом, образ шерифа в книге гораздо менее подробен, чем он мог того заслуживать, но, тем не менее, он важен ввиду особого положения этого персонажа.

Можно сказать, что Хусейн является противоположностью Фейсала. Оба родственника в портретных характеристиках Лоуренса образуют определенную антиномию: старый — молодой, непокорный — уступчивый, прямолинейный — дипломатичный, решительный — рассудительный. Кроме того, противопоставлен их внешний вид в сочетании с характером. Если Хусейна Лоуренс изображает как внешне мягкого, но внутренне упрямого и тщеславного, то Фейсал внешне статен

и непоколебим, в то время как по характеру дипломатичен и уступчив. Так, в образах шерифа и принца автор представляет разные грани представителей арабского мира в контексте описываемых исторических событий. Хусейн — человек старого порядка, когда арабский мир долгие столетия находился под оккупацией турок. В лице Фейсала, молодого и амбициозного лидера, автор показывает надежду на новый арабский мир — свободный, образованный и мудрый, мир, подобный тому, из которого прибыл Лоуренс, в связи с чем желал того же и для арабов.

Братьев Фейсала — Али, Абдуллу и Зейда — Лоуренс знал лично. Более того, приехав впервые знакомиться с положением дела восставших, Лоуренс приглядывался ко всем сыновьям Хусейна, чтобы выделить из них того, кто смог бы возглавить восстание. Поэтому образы принцев даны более развернуто и детально, нежели образ их отца, шерифа. В первом упоминании о них Лоуренс намеренно отделяет их всех вместе от Фейсала, чтобы предупредить читателя, что никто из них не подходит на роль вождя восстания: «Поэтому я отправился в Аравию, чтобы повидать и оценить возможности ее лидеров. Мы знали о том, что первый из них, шеф Мекки, был стар. Абдуллу я нашел слишком умным, Али — слишком чистым и добродетельным, Зейда — слишком холодным» [101, с. 53]. Так, Лоуренс дает краткие характеристики принцам, указывающие на их доминирующие черты. В книге нет сколько-нибудь подробного описания внешности сына Хусейна Али, только его действий, того, как он командует войсками и отдельными воинами. Кроме того, о нем говорится, что он «прирожденный повелитель пустыни» [101, с. 455]. Для восстания Али не был слишком полезен, по крайней мере, с точки зрения Лоуренса Аравийского и английской разведки, поэтому автор не уделил ему много внимания, предпочитая раскрывать персонажей более активно действующих и себя проявляющих.

Так, Абдулла описан Лоуренсом более подробно и живо, нежели Али. Лоуренс создал портрет принца при помощи длинного ряда эпитетов: «Невысокий, крепкий, светлокожий шатен с аккуратно подстриженной бородой,

словно компенсировавшей слишком выраженную округлость гладкого лица с необычно узким ртом». Лоуренс видит его едущим «на белой кобыле», окруженного пешими вооруженными рабами, горожане же встречают его «с молчаливым почтением». Здесь, как и в случае с портретом Фейсала, Лоуренс считает нужным подчеркнуть аристократичность Абдуллы и его статус как сына шерифа. В его психологическую характеристику Лоуренс включил, однако, и живые индивидуальные черты. Так, он обращает внимание на то, что Абдулла «был смешлив и открыт в общении», чем «был совершенно очарованителен», «тонок» душой, но при этом, как представлялось Лоуренсу, он не убеждал в полной искренности [101, с. 58].

Другого брата, Зейда, Лоуренс характеризовал как «застенчивого, белокожего, безбородого юношу, тихого и рассеянного», по его мнению, точно так, как и два его брата, не подходящего на роль лидера. Лоуренс противопоставляет его амбициозному Фейсалу, используя по адресу Зейда эвфемизм «отнюдь не фанатичный приверженец восстания». В дальнейшем Лоуренс возвращается к образу Зейда только для того, чтобы подтвердить высказанную мысль: Зейд безразличен к судьбе восстания, война для него — только часть его жизни, которую нужно прожить с достоинством, как подобает бедуинам, согласно важнейшему для них понятию чести. В военном деле Зейд также не проявляет достаточного усердия. При реальной угрозе жизни во время окружения турецкими войсками он со своим отрядом бежит с поля боя. Для него это нормально — стараться сохранить жизнь в неравном бою, а не проявлять героизм за идею, к которой он равнодушен.

Один из ярких представителей арабского воинства — Мавлюд эль-Мухлюс. Он был первым офицером турецкой регулярной армии, присоединившимся к восстанию. Когда он впервые появляется в книге, Лоуренс называет его адъютантом Фейсала, впоследствии Мавлюд действует как офицер среднего звена в арабской армии и, скорее, как соратник и советник Фейсала, чем его адъютант. Лоуренс подчеркивает его приверженность делу восстания, называя его

«фанатиком» и «великолепным бойцом», а также отмечает его «безудержный национализм» [101, с. 88].

По характеру Мавлюд схож с шерифом Хусейном, он также решителен, тщеславен, нетерпелив и наивен. В книге показателен эпизод знакомства с Мавлюдом, когда он после тяжелого и проигранного сражения рассказывал о своих неудачах: «Не пишите о нас историй. Нужно сражаться, сражаться с ними и убивать их. Дайте мне батарею горных орудий Шнайдера и пулеметы, тогда я покончу со всем этим и без вас» [101, с. 92]. Своей уверенностью он напоминал Хусейна, который планировал убить лидеров турок, веря, что подобные простые решения способны покончить с войной.

Автор отмечает, что «если [Мавлюд] с чем-нибудь соглашался, брался за осуществление плана со всем свойственным ему пылом», преодолевающим свою природу как «противящуюся размышлению, так как они нарушали быстроту его действий» [101, с. 92–93]. Лоуренс указывал, что Мавлюд «обнаруживал большой темперамент, порой даже безрассудство, и был резок в переходах», а также был в некоторой степени тщеславен, «считая войну проигранной, если он не мог показать своих ран». Все эти детали характеристики, на первый взгляд, делают героя одним из обладателей необузданной арабской ментальности.

При этом Мавлюд, согласно характеристике Лоуренса, не являлся безрассудным фанатиком, он был явно умен, о чем свидетельствуют его слова, указывающие на то, что причина неудач арабов в слабости оснащения армии. Более того, Лоуренс отмечает, что его миссия по выявлению лидера восстания завершилась, только когда рядом с Фейсалом он увидел Мавлюда, скорее исполнителя военной стратегии, нежели человека, ее создающего. Отмечая военное мастерство Мавлюда, Лоуренс называл его «ревнителем строгой дисциплины, прирожденным кавалеристом [...] ценой мучительной муштры, превратившей погонщиков мулов в превосходных солдат» [101, с. 141]. Лоуренс отдавал себе отчет в том, что образ мыслей и традиции арабов отличны от европейских, и осознавал, что возглавлять восстание должен представитель

аристократии и наследник шерифа, обладающий не только авторитетом по праву рождения, но и стратегическим даром в достижении военных успехов.

Еще один яркий персонаж в мемуарах Лоуренса — это Ауда, «прославленный военачальник в Северной Аравии» [101, с. 185]. При знакомстве с ним Лоуренс, не скрывая восхищения внутренней мощью и обаянием этого человека, описывает Ауду как «высокого, сильного человека с жестоким лицом — страстным и трагическим», очертания которого были «великолепны». В то же время он противопоставляет его Фейсалу, указывая на главные характеристики каждого — в principe автор видел пророка, в Ауде — совершенного воина. Рассказывая о знакомстве с Аудой, автор останавливается на интересном эпизоде, в котором Ауда ломает свои искусственные зубы, вспомнив, что он получил их от турок, когда был у них на службе.

В этом эпизоде демонстрируется одновременно как принципиальность Ауды, не желавшего носить подарок врага, так и несуразность его поведения. Описывая внешность Ауды, Лоуренс вскользь упоминает, что Ауда был просто одет, равнодушен к своему внешнему облику. Гораздо важнее для автора было лицо героя: оно носило, по словам Лоуренса, «печать искреннего горя», связанного с гибелью его сына в бою. Образ Ауды выстраивается на контрастах: будучи на службе у турок, он убил в бою семьдесят пять арабов, что помнил ввиду своей принципиальности, так как это были его соотечественники. Во время восстания же он убивает турок, не ведя им счет. Ауда на момент событий книги был немолод, скорее стар, но при этом сохранял превосходную военную форму, а его бойцы были «первыми в пустыне». Кроме того, Ауда мог быть как хладнокровен, сосредоточенно, «холодно взвешивая все возможности», так и вспыльчив, подобно «бешеному зверю». В бою Ауда был особенно неистов и словно «радовался сражению». В перерыве же между боями он, по характеристике Лоуренса, мог быть «скромен, прост, как дитя, прямолинеен, честен» [101, с. 241], но в общении отличался невероятным упрямством: «Ничто в мире не могло заставить его изменить своим убеждениям» [101, с. 241].

Ауда также в глазах Лоуренса олицетворял собой старую Аравию в смысле безудержного и непосредственного духа ее жителей и культуры. По словам Лоуренса, Ауда помнил и любил эпически повествовать о сражениях, а также обладал уникальной манерой речи, говорил о себе в третьем лице и был наделен «низким и звучным голосом». В отряде Ауда исполнял, кроме роли воина и предводителя племени ховейтат, роль эпического поэта. Правда, в одном из эпизодов Лоуренс пародирует манеру речи Ауды, чем забавляет и удивляет незнакомых с искусством пародии бедуинов — и более всего — самого Ауду, который, кстати, сам любил пошутить над собой, что также добавляло своеобразия его характеру и манерам.

Еще один портрет, один из самых ярких и живописных в книге Лоуренса — это портрет шерифа Насира из Медины. Именно его бедуины считали «предтечей Арабского восстания» [101, с. 167]. «Он был [...] человеком, который сделал первый выстрел в Медине и которому было суждено сделать последний выстрел в Муслимие, под Алеппо, в день, когда турки запросили перемирия» [101, с. 167]. Насир описывается как двадцатишестилетний юноша, «его низкий, широкий лоб прекрасно сочетался с чувственными глазами, а через коротко подстриженную черную бороду просвечивали невыразительный, но приятный рот и небольшой подбородок» [101, с. 167]. Насир часто сопровождал Лоуренса и Фейсала в походах, проявляя твердость характера и большую доброту к простым людям, воинам и погонщикам верблюдов, что особенно нравилось Лоуренсу.

На фоне вышеназванных персонажей, отмеченных либо благородствием, либо военной доблестию, интересен образ алжирского эмира Абд эль-Кадера. Герой описывается Лоуренсом как «энтузиаст ислама, полусумасшедший на почве религиозного фанатизма», а также как «несговорчивый и высокомерный» человек. Эмир испытывал антипатию к Лоуренсу из-за того, что тот был христианином, в то время как большинство остальных арабов не смущалось этим фактом. Показательны эпизоды, в которых эмир оскорбляет окружающих и

угрожает в одиночку убить Джемаля-пашу, размахивая мечом, и где он в то же время покидает воинов в отчаянную минуту.

Кроме портретов начальников и приближенных к Фейсалу воинов, книга изобилует портретами простых солдат и бедуинов, таких, как уже упомянутый Махмас. Так, в услужение Лоуренсу были отданы два юноши — Дауд и Фаррадж: «[...] к нам приковыляли две согбенные фигуры с застывшей болью в глазах и вымученной улыбкой на устах. То были горячий Дауд и его любовник Фаррадж, красивое женоподобное создание с мягкими чертами гладкого невинного лица и с полными слез глазами. Они заявили, что готовы служить мне» [101, с. 259]. Оба юноши были храбрецами и весельчаками, их проказам и приключениям посвящено в книге несколько страниц. Автор вспоминает их с теплотой и сердечным сочувствием.

В ходе повествования Т. Э. Лоуренс мастерски синтезирует типичные и индивидуальные черты персонажей-арабов, добиваясь эффекта индивидуализации героя и в то же время раскрывая дух народа, его неповторимый облик. Несколько иной подход у автора книги к персонажам-европейцам. Примечательно, что в их описании отсутствует элемент экзотики и алогичности. В образах европейцев меньше противоречивости и, естественно, необузданности характера и крайности чувств. Они не фанатики войны, но, как правило, аналитики и политические деятели, более или менее азартные, но почти всегда расчетливые и прагматичные. Если при создании образов арабов Лоуренс описывал их внешность и личностные качества, то портреты англичан в книге несколько более обезличены и главным в них является проявление их деловых свойств.

Первый портрет европейца в книге — портрет Рональда Сторрса. «[...] Рональд Сторрс, секретарь по восточным делам нашей миссии, самый блестящий из англичан на Ближнем Востоке, утонченно энергичный, хотя значительную часть своей энергии он расходовал на увлечения музыкой и литературой, скульптурой и живописью, на любовь ко всему прекрасному в мире» [101, с. 44–45]. В то же время, несмотря на свой ум и талант дипломата, Сторрс был, по

мнению Лоуренса, неглубоким человеком — ему было не важно, какими результатами закончится Арабское восстание, он лишь аккуратно выполнял свои обязанности, а в остальное время его занимало получение удовольствий от жизни. Сторрс привлекал Лоуренса своим светским и дипломатическим изяществом, вкусом, эрудицией и острым, цепким умом, поэтому из всех европейских персонажей книги только он удостоился подробного описания внешности и динамики поведения.

Руководителя разведки Клейтона Лоуренс охарактеризовал как «идеального лидера», «спокойного», независимого, храброго», обладавшего «трезвостью в суждениях и умеренного в ожиданиях». Кроме того, его подчиненные пользовались свободой в принятии решений благодаря его широте взглядов и гибкости мышления. Как и подобает разведчику, он был скрытен, «обнаружить признаки его влияния было нелегко» [101, с. 44]. Лоуренс по отношению к Клейтону использует выразительные метафоры: по его мнению, Клейтон был подобен «растекающейся воде или просачивающемуся маслу».

Английский командир Алленби описывался Лоуренсом как «человек с его ничем не запятнанным величием и интуицией, был [...] настоящим идолом» [101, с. 604]. Он обладал «независимостью», которая «делала излишними для него обычные человеческие качества: ум, фантазию, проницательность, трудолюбие» [101, с. 640].

Итак, приведенный ряд образов книги дает немало свидетельств авторского таланта в понимании природы и души человека, а также словесных форм эпитета, сравнения, метафоры, умело использованных писателем для передачи черт многочисленных индивидуальностей, с которыми его столкнул ход описанных в книге событий.

3.4. Поэтика и функции пейзажа в книге «Семь столпов мудрости»

Литературный пейзаж представляет собой комплексный художественный феномен, который формируется индивидуально-авторским видением природы и

несет эмоционально-эстетическую и информационную нагрузку. Пейзаж является одним из важнейших композиционных и содержательных компонентов художественного произведения и выполняет различные функции в зависимости от жанра произведения и авторского метода.

Во второй главе данного исследования анализировалась специфика ландшафта Аравии в аспекте её влияния на национальный характер арабов, и образ Востока Лоуренсом Аравийским рассматривался, в основном, с позиции географического детерминизма. В частности, было подчеркнуто, что природа Востока для Т. Э. Лоуренса — это не только фон и место военных действий, описываемых в его мемуарах, но еще и важнейший фактор, сформировавший менталитет народов, ее населяющих. Изображая пустыню, жизнь племен, которых она взрастила, Лоуренс, таким образом, объясняет читателю национальный характер арабов и его проявление в ходе восстания.

Однако описания ближневосточной природы, центральным образом которой является пустыня, несут не только характерологическую функцию, но также и художественно-эстетическую. Лоуренс посредством описания аравийских пейзажей, суровой природы Аравийского полуострова, решает художественную задачу — создание в сознании читателя зримо представимого мира, в котором разворачивается действие.

Пейзаж в литературе — «изображение природного окружения человека и образ любого незамкнутого пространства [...] как таковой выражает эстетическое отношение к воспроизведимому предмету»²⁰³. Исследователь В. Е. Хализев отмечает, что «образы природы (как пейзажные, так и все иные) обладают глубокой и совершенно уникальной содержательной значимостью. В многовековой культуре человечества укоренено представление о благости и насущности единения человека с природой, об их глубинной и нерасторжимой связанныности»²⁰⁴. Литературоведы и искусствоведы отмечают, что природные

²⁰³ Литературная энциклопедия терминов и понятий [Текст] / сост. и ред. А. Н. Николюкин. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – С. 732.

²⁰⁴ Хализев, В. Е. Теория литературы [Текст] / В. Е. Хализев. – М.: «Высшая школа», 2004. – С. 227-228.

объекты, в частности, ландшафты и изображаемые природные пространства наделяются символическими функциями и интерпретируются, таким образом, гораздо шире, чем пространственные локации: «Все природные и культурные объекты могут наделяться символической функцией, подчёркивающей их существенные качества таким образом, что они начинают поддаваться духовной интерпретации»²⁰⁵.

По мнению Х.Э. Керлота, пустыня имеет глубокий и недвусмысленный символизм, как наиболее благоприятное место для божественного откровения [...] монотеизм является религией пустыни и представляет собой «негативный пейзаж и относится к “области абстракции”, расположенной вне сферы существования, доступной только трансцендентальному восприятию»²⁰⁶. В книге Лоуренса «Семь столпов мудрости» пустыня предстает местом божественного откровения.

Произведение начинается с описания чувств героя, помещенного в среду аравийской пустыни: «Мы годами жили как придется, один на один с голой пустыней, под глубоко равнодушным к людским судьбам небосводом. Днем нас прожигало до костей пылающее солнце, соревновавшееся с сухим, раскаленным, пронизывающим ветром. Ночами мы дрожали от холодной росы, остро переживая свою ничтожность [...]» [101, с. 11]. С самого начала повествования автор использует пейзаж не только как фон и среду, но и прибегая к его символической функции, превращая пейзажное описание в символический образ. В частности, пустыня в книге становится символом арабского восстания.

Несмотря на то что восстание возглавляли и сознательно направляли шариры, по своей сути и по духу оно было стихийным. Его главной силой и опорой выступали племена бедуинов, представлявшие собой стихию в социальном смысле. Изображение Лоуренсом ближневосточной природы с ее стихией пустыни, неразрывно связано со стихийным характером этой войны. Можно утверждать, что образ пустыни у Лоуренса выступает символом войны

²⁰⁵ Керлот, Х. Э. Словарь символов [Текст] / Х. Э. Керлот. – М.: REFL-book, 1994. – С. 64.

²⁰⁶ Там же, с. 426.

как таковой. Для бедуинов, сражающихся в армии Фейсала, пустыня — родная и привычная среда обитания. При этом Лоуренс неизменно возвращается к образу враждебной человеку пустыни. Арабы научились выживать в ней, но это не означает, что для них пустыня перестает быть опасной. Лоуренс на протяжении всей книги демонстрирует, что арабы не с легкостью переносят суровые и порой просто невыносимые условия пустыни, а страдают и погибают от жажды, неурожая и бурь. То же самое применимо и к войне. Даже опытный воин, закаленный в боях и привыкший к ним, не может быть защищен от ран и смерти, избавлен от трудностей и лишений и, более того, от страха, но вынужден ежечасно приучаться с ним жить.

Как и война, жестоко отбирающая человеческие жизни, разрушающая жилища и судьбы, представляющая собой явление чуждое жизни и враждебное, но неизбежное на определённом этапе развития общества, к которому это общество обязано привыкать, так и пустыня, несмотря на то, что является родиной и домом племенам, ее населяющим, также враждебна всему живому. Война в книге Лоуренса — это бедствие, подобное стихийному бедствию пустынной бури.

Природа в изображении Лоуренса весьма разнообразна. Это не сплошной песок от горизонта до горизонта. Автор описывает различные локации пустынного ландшафта: песчаные, покрытые щебнем и каменной крошкой, каменистые, поросшие чахлой травой и редким кустарником, лавовые поля и мрачные ущелья среди скал, покрытые галькой пересохшие русла рек. Это также вызывающее миражи раскаленное марево над каменистой равниной и ослепительно-белый песок, от которого болят и слезятся глаза. Это испепеляющее солнце и нестерпимая жара днем и пронизывающий холод ночью, редкий, как чудо, дождь, редкие и прекрасные оазисы — природные, а чаще возделанные людьми у скудных родников и ручьев, пробившихся сквозь камни у подножья гор. Разрушенные ветром и временем скалы напоминают Лоуренсу руины древних исполинских городов и вызывают причудливые ассоциации: «В конце

концов эти руины заполнили все пространство, напоминая вчерашний пейзаж, и теперь толпились группами по сторонам дороги; чередование этих светлых образований с их собственными глубокими тенями создавало впечатление огромной шахматной доски» [101, с. 264].

Лоуренс часто подчеркивает величие окружавшего его в Аравии пейзажа, то, насколько природа больше притязаний человека на собственную значимость: «Наш маленький караван в этих громадных горах проникся полным спокойствием, стыдясь и пугаясь мысли кичиться своею значимостью» [101, с. 391]. Автор выстраивает иерархию: человек с его личными интересами ничтожен, сообщество людей, поднятое вождями на восстание за независимость, поднимается над интересами одной личности и возвышает каждого в нем, но еще выше являющая собой образ вечности, спокойствия и незыблемости — природа. Так, если в европейском сознании на момент начала XX столетия человек представлялся центром мира, то в реалиях Востока он подчинен коллективу и силам природы, а если учитывать религиозность арабских племен — божественной воле.

Важно отметить, что у Лоуренса величественность пейзажа, противопоставляемая человеческой ничтожности, далеко не всегда носит угнетающий характер. Автор показывает, что могущество природы может успокаивать, воодушевлять, вдохновлять на тяжкий военный труд в жесточайших условиях аравийской пустыни: «Созерцание олицетворявшей полный покой вершины холма вернуло мне чувства и интерес к окружающей жизни, притупившиеся за время болезни» [101, с. 215]. Так Лоуренс научился использовать уединение в пустыне для медитаций: «мне всегда хотелось свернуть с прямой дороги, чтобы очистить свои чувства» [101, с. 392].

Мемуары Т. Э. Лоуренса далеко выходят за рамки своего жанра, в том числе и благодаря описаниям природы и функциям пейзажа в книге. Важно отметить те художественные средства и приемы, которые использует для этого автор. Ввиду

того, что существенную часть пейзажа в книге составляет образ пустыни, стоит остановить внимание на том, какими средствами автор его представляет.

Одна из первых сцен разворачивается вскоре после прибытия Лоуренса к арабам. Один из них, араб Дахум, зовет Лоуренса «понюхать сладчайший аромат из всех» [101, с. 25], у которого не было запаха. Здесь автор решает сразу две задачи: впервые в книге открывает читателю пустыню, причем с необычной стороны, а во-вторых, демонстрирует трепетное и гордое отношение арабов к своему месту обитания. Из книги неизвестно, знает ли спутник Лоуренса, что тот здесь не впервые, тем не менее, он открывает и представляет главное достояние этих мест вновь прибывшему с неожиданной стороны. Данный эпизод разворачивается на руинах дворца, который, согласно арабской легенде, строился с применением цветочных масел. Тем не менее, Лоуренс отмечает, что для арабов аромат пустыни гораздо притягательнее, нежели архитектурная роскошь. Автор подчеркивает уникальность подобного восприятия местности, утверждая, что «этот аромат с ними не могло разделить все человечество». Так в книге начинает формироваться дихотомический образ пустыни — она предстает читателю как в своей красоте, так и в опасной власти.

Опасность представлял ослепительный свет пустыни. Подобное явление ярко видно в эпизоде спасения Лоуренсом отставшего в пустыне бедуина Касима. Во время одного из переходов он описывает встречу отряда со светом пустыни: «[...] участки пустыни под названием “джиан”, хуже которых не бывает. Они представляли собою равнины, выстланные отполированной глиной, почти такой же белой и гладкой, как бумага, и часто занимали площадь в несколько квадратных миль. Они с неумолимостью зеркала отражали свет солнца на наши лица; стрелы солнечных лучей ливнем обрушивались на наши головы и, отражаясь от блестящей поверхности, пронизывали веки, не приспособленные к такому истязанию. Это был непрерывный прессинг, а боль, накатывавшая и отступавшая, как приливная волна, то нарастала все больше и больше, доводя нас почти до обморочного состояния, то спадала в момент появления какой-нибудь

обманчивой тени, черной пеленой, перекрывавшей сетчатку. В такие мгновения мы переводили дыхание, собираясь с силами, чтобы страдать дальше, и это было похоже на усилия тонущего человека держать над поверхностью голову, то и дело погружающуюся в воду» [101, с. 274-275]. Как видим, Лоуренс использует различные сравнения, чтобы изобразить свет пустыни в действии. Он сравнивает пустынную равнину с бумагой по цвету и форме, с зеркалом – по характеру отражения солнечного света, боль от этого света с приливной волной, а усилия перемещаться в таких условиях с ощущениями тонущего человека. Что касается света солнца, то его лучи Лоуренс уподобляет стрелам, ливнем, обрушавшимся на противника.

Что касается цвета пустыни, то пустынный пейзаж довольно однообразен по цветовому колориту, поскольку, как замечает Лоуренс, «солнце Востока, подобно лунному свету, заглушает краски, словно усыпляя их, оставляет только свет и тени [...]» [101, с. 56]. Цветовой контраст в пустыне возникает в разное время суток. Если дневной пустынный пейзаж автор называет «ослепительно сверкавшей равниной», то ночью это «непроглядно-коричневый мрак». И только ночное звездное небо может оживлять этот пейзаж. Автор неоднократно использует формулу «усыпанное звездами небо» или метафору «покрывало звездного неба». При этом Лоуренс подчеркивает, что звезды в условиях пустыни выполняли и практическую функцию — по ним герои ориентировались в пространстве, либо они освещали им путь во время переходов по пустыне.

Определенная динамика пустынного пейзажа создавалась также картинами закатов и рассветов. При этом картина заката наполнена у Лоуренса насыщенной палитрой красного, создающего атмосферу, соответствующую кровавой напряженности военного противостояния: «красное зарево» солнца, «опускавшегося в волны под потолком облаков», «[скала] рдевшая на закате темно-красным цветом», «позолоченное закатом небо», «краски заката пылали на громадных скалах», «горевший закатом запад», «всполохи темно-красного пламени от заходившего солнца», «кроваво-красные вспышки [...] уносили наш

взгляд на многие мили вперед, создавая иллюзию миража» [101, с. 505], «этот закат был каким-то неистово резким, возбуждавшим, варварским, оживлявшим цвета пустыни, словно поток воды» [101, с. 616].

Художественных описаний рассвета в книге Лоуренса значительно меньше — это время суток здесь если и описывается, то связывается с началом предстоящей с приходом нового дня деятельности. Тем не менее, в книге встречаются редкие, скучные описания деталей рассветного пейзажа: «[...] на фоне еще желтоватого от угасавшего рассвета неба стали проявляться очертания взмывших на тысячи футов к небу выветренных скал» [101, с. 80], «[...] через полчаса после восхода солнца [...] на зелени ложбин еще лежали длинные тени [...]» [101, с. 323]. Что же касается дневного времени суток, то, как правило, это время связано с жарой. Лоуренс указывает на жаркую погоду как на один из самых тяжелых факторов для пребывания на Ближнем Востоке: «На нас неумолимым мечом обрушилась аравийская жара, лишившая нас дара речи» [101, с. 56]. Изнурительный жар автор описывает как «жгучий» [101, с. 77], «нестерпимый» [101, с. 71], «испепеляющий» [101, с. 65].

Ввиду того, что большую часть пейзажей книги «Семь столпов мудрости» составляет описание жаркой солнечной погоды, автор указывал на тени и контуры, создаваемые солнцем. Обычно тени отбрасывали растения и деревья, либо же скалы и горы. Жители Ближнего Востока ценили моменты нахождения в тени. Когда поблизости не было ничего, что могло создавать тень, герои нередко изобретали ее из подручных средств, например, из одеял, что описано в одном из фрагментов мемуаров. Лоуренс, неоднократно изображая контуры теней, всегда давал им положительные характеристики. Так, пальмы имели «толстые стволы с низкими ветвями, отбрасывавшими приятную тень» и «тенистую листву», акации давали «густую листву», другие деревья отбрасывали «длинные мягкие тени». Автор подчеркивает, что на их пути «соблазнительной роскошью могли стать такие простые вещи, как проточная вода или тенистое дерево» [101, с. 549]. Однако были моменты, когда тень не спасала героев: «В тени пальмовых садов

Акабы термометр показывал сто двадцать градусов по Фаренгейту» [101, с. 384]. В дни, когда деревьев рядом не было, герои укрывались за скалами: «Даже кое-кто из привычных бедуинов не выдерживал жестокого пекла и заползал под скалы, а иных приходилось переносить туда, чтобы они могли набраться сил в тени» [101, с. 333]. Жилье в тени Лоуренс называл «комфортабельным» [101, с. 203]. Несмотря на практическую значимость теней, автор описывает динамику их контуров как живую и подвижную с заметным мастерством: «[...] тени протянулись дальше вниз, затрепетали в последний момент за породившими их неровностями и пропали, словно по какому-то единому, общему для всех, сигналу» [101, с. 269].

Подчеркивая однородность состава пустыни (Лоуренс сравнивает ее с «морем непроходимого песка»), писатель выделяет в этом однородном пространстве значимые вехи. Это прежде всего оазисы и колодцы с водой, спасительные источники жизни. Лоуренс указывает, что все эти блага принадлежали семьям бедуинов, которые позволяли пользоваться ими другим бедуинам, а не присваивали их себе. На этом основании Лоуренс сравнивает режим жизни в пустыне с «неким стихийным коммунизмом», что говорит о коллективистском духе арабов. Однообразность пустынного пейзажа также нарушалась бедуинскими тропами, ведущими от одного оазиса к другому, передвигаться по которым было крайне тяжело даже для местных жителей.

Что касается оазисов, то в книге встречаются их многочисленные пейзажные описания. Они создавались, как правило, оседлыми арабами-земледельцами в местах, где находились естественные источники воды. Однако события в книге разворачиваются не в оазисах, эти «островки жизни», как обозначает их автор, служат лишь для короткой передышки между переходами и битвами в пустыне. Мирные арабские деревни, окруженные зеленью пальм и огородов, Лоуренс описывает с любовью, но несколько отстраненно — здесь отражена любовь арабов к благословенным местам, дающим жизнь их семьям. Но для Лоуренса в пальмах, огородах и ручьях нет чувства дома и желанного конца

долгого и трудного пути, как для бедуина. Притяжение к ним у автора возникает лишь ситуативно ввиду необходимости. Лоуренс отмечает, насколько хрупки эти остановки зелени и обустроенностии перед лицом грозной пустыни. Судьба оазиса во многом зависит и от воды. Вода — всегда значимая часть пейзажа ввиду своей ценности. Колодцы имеют своего рода культовое значение. И даже крошечный ручеек ласкает взор обитателя этих мест. Один из ручьев Лоуренс описывает почти с нежностью как «серебристую нитку воды, струившейся по каменному руслу».

Но пустыня часто отвоевывает обратно отобранное у нее людьми пространство, и арабские селения нередко превращаются в руины: «дамбы должны были защищать посевы от ливневых потоков. В противном случае Вади-Янбо затопила бы сады, поскольку они лежали ниже уровня долины» [101, с. 129].

В описаниях оазисов с их обработанной и ухоженной землей также наблюдается определенная пейзажная функция. Лоуренс показывает, что даже бедуины лишь вынуждены внешними обстоятельствами жить в пустыне и бороться в ней за свое существование, а на самом деле они ценят и любят благоприятные места для жизни. Эти остановки, показанные автором довольно скромно и без большого внимания, выполняют важную роль своеобразной пристани для кочующих племен бедуинов, спасительного якоря, к которому они привязаны, скорее, сердцем, чем физически.

Несмотря на то, что пустыня — это стихия бедуина, но без оазисов, без мирных деревень земледельцев, она, как показывает Лоуренс, не смогла бы удержать вольные арабские племена, которые, наверное, покинули бы этот суровый край в поисках пространства для жизни. Для Лоуренса оазисы имеют только практический смысл — они предполагают отдых, восполнение сил и запасов воды. Оазисы не добавляют ничего существенного к образу героев, как и не претендуют на интерес у читателя-европейца, так как не нагружены ни экзотикой, ни остротой противостояния человеку, как в случае с пустыней.

Пейзажи в книге Лоуренса меняют свой характер в разное время года. Так, картины жаркой пустыни и палящего солнца оттеняются видами снежных горных вершин, которые всегда были покрыты снегом и в описании Лоуренса в свете луны «сверкали как хрусталь». При этом, как и в случае с образом пустыни, красота и поэтичность этих видов таила в себе и потенциальную опасность: снег на Ближнем Востоке был такой же стихией, как и пески. Лоуренс демонстрирует это в эпизоде перехода через горы: «Это был жуткий переход: крестьяне с отмороженными ногами шли в густом белом тумане [...] по опасным карнизам, над которыми нависали, словно застывшие наплывы серого чугуна, сугробы снега с торчавшими из них толстыми стволами лишенного листвы можжевельника» [101, с. 529]. Подобные переходы приходилось совершать пешком, так как верблюды, по словам автора, были не приспособлены к зиме.

Лоуренс описывает собственные ощущения от встречи с восточной зимой: «Жизнь здесь была невыносима. [...] Ветер резал кожу, пальцы немели и теряли чувствительность. Щеки тряслись, как высохшие листья, пока не утрачивали саму способность дрожать, после чего их мышцы сводила безумная боль» [101, с. 543]. Кроме того, погода в описываемой местности зимой была нестабильной: «Снег сменился дождем, а потом ударил мороз». Наиболее полно зимний пейзаж раскрывается в эпизоде, когда Лоуренс проваливается в сугроб и спасает верблюдицу, на которой он ехал. Снег достигал роста автора, и ему пришлось расчищать его голыми руками, чтобы выбраться и спасти испугавшееся животное.

Несмотря на то, что большая часть восстания проходила в пространстве природного ландшафта, в книге присутствует и городской ландшафт. Причем, Лоуренс, как исследователь архитектуры, профессионально описывает облик городов. Наиболее подробно в книге предстает образ города Джидды — крупного арабского поселения, в который прибывает автор в самом начале событий. Лоуренс восхищается городом, называя его «замечательным». В описании городского ландшафта он фиксирует внимание на архитектурных деталях: на зданиях «из крупнозернистого кораллового известняка, которые связаны балками

квадратного сечения и украшены широкими эркерами от земли до крыши, составленной из серых деревянных панелей» [101, с. 63]. «Стекол окна Джидды не знали, зато в избытке были деревянные решетки, и [...] тонкая неглубокая резьба [...] с коваными железными кольцами» [101, с. 63]. В домах было «много лепнины, или гипсовой резьбы, а во внутренние дворы более старых домов смотрели окна с красивыми каменными верхними брусьями и косяками» [101, с. 63].

Здесь автор также приводит сравнение с елизаветинской архитектурой: «Архитектурные формы напоминали бредовый стиль деревянно-каменных домов елизаветинской эпохи [...] Фасады домов были до того выщерблены, иссечены и облуплены, что выглядели как картонные макеты в какой-то романтической театральной декорации» [101, с. 63, 65]. Описывая улицы, Лоуренс замечает, что они «были выстланы влажным песком, затвердевшим от времени и заглушавшим шаги не хуже любого ковра» [101, с. 65]. Городская атмосфера, по мнению Лоуренса, не содержала запахов, как города Европы, вместо этого Джидда выглядела пустынной, а в условиях войны здешняя «атмосфера дышала смертью». Такие эпитеты и сравнения в изображении городского пейзажа указывают как на знания и опыт Лоуренса в описании архитектуры, так и на его индивидуальный взгляд жителя Европы, через призму которого он оценивает городское устройство Востока.

Характеризуя описанный Лоуренсом пейзаж аравийского Востока, нельзя избежать представленных в нем образов животных. Несмотря на пустынную местность, Ближний Восток был населен различными животными. В первую очередь, это верблюды, которые представляли огромную ценность, ввиду чего разводились арабами. В начале повествования Лоуренс как европеец использует лошадь, которую позже меняет на верблюда, более приспособленного к местности. Наряду с верблюдами, пользу арабам приносят страусы, так как их яйца можно было использовать в пищу. Вместе с животными, приносившими

пользу, Лоуренс упоминает нашествие змей, которые пугали всех и не давали спокойно спать.

Что касается растительности, то пейзаж пустыни оживляли лишь редкие деревья и кусты тамариска. Колючки деревьев и кусты служили кормом верблюдам. Кроме того, деревья могли использоваться для разжигания костра и укрытия от солнца. Кроме диких растений, изредка встречались и деревья «ухоженные и превращавшие дыхание пустыни в приятный воздух парка». Растительность также покрывала пастбища, где иногда виднелись «деревья с богатой листвой, окруженные лужайками настоящей травы со множеством цветов» [101, с. 198].

Пустынный пейзаж в ряде мест оживляли скалы и застывшая лава. Контуры лавы также составляли пустынный пейзаж, заменяя собой песок. Автор в различных эпизодах живописно изображает застывшие потоки лавы, указывает, что она была «цвета ржавчины и громоздилась огромными утесами с оплавленной поверхностью свилеватой структуры» [101, с. 105], ее поток «скрутился как канат и растрескался, а ее форма менялась — «кучи истертых камней величиной с череп или кулак сменились сравнимыми с листьями папоротника или пальмы кристаллизованными пучками мелких выходов металлической породы, по которой было невозможно идти босыми ногами» [101, с. 198].

Так, небольшими набросками с использованием сравнений, эпитетов и метафор Лоуренс создает зримый пейзаж, на фоне которого происходят события книги, с каждым возвращением к теме природного ландшафта углубляя и детализируя его и, что немаловажно, показывая изображаемый объект с разных сторон. Автор художественными средствами подчёркивает экзотичность аравийского пейзажа, не ограничивая знакомство европейского читателя с неведомой тому природой, а всячески подчеркивая необычность ландшафта, температуры, влажности, самого состава воздуха. Пейзажи в книге порой принимают фантастические черты, и автор делает это сознательно, используя художественные приемы, строя текст не только как мемуарист, но и как писатель

— художник слова. Пейзажные описания играют в создании картины арабского мира для европейского читателя исключительно важную роль. Впечатления, ощущения, тревоги и страхи Лоуренса вплетаются в изображения природы и становятся их частью: «Спустилась ночь, и картина долины сменилась навеянным галлюцинацией пейзажем. Невидимые скалы ощущались как явные, и воображение пыталось компенсировать отсутствие плана их зубчатых вершин намеком на узор, врезанный ими в звездный небосвод» [101, с. 419].

Важно заметить, что пейзаж в книге тесно связан с образом и сознанием автора, через которое он его воспроизводит. Лоуренс, для достижения своих практических целей в кампании вынужден вживаться в арабское общество в том числе путем единения с природой. Он одевается, думает и ведет себя как араб не только в аспекте внешних атрибутов и манер, но, что более важно, в плане мышления и поступков, адекватных местности, что положительно оказывается на его физическом выживании и успехах на фронте. В бытовых и, как следствие, художественных задачах автор стремится видеть окружающий мир так же, как это делают бедуины. Он вглядывается в пустыню и в островки жизни в ней, учится видеть, как ее склоняющую к философствованию красоту, так ее и как пространство испытания, учится выживать в ней, испытывая на себе ее двойственную сущность — созерцательность и античеловечную стихийность. При этом, ее враждебность человеку, на первый взгляд, непонятна Лоуренсу именно как европейцу, в понимании которого место, не приспособленное для комфортной жизни, несет агрессивный, противоположный жизни смысл, в то время как для арабов их природная среда не содержит культурного шока и вызывает лишь смирение со своей исторической судьбой.

Вместе с тем, оставаясь европейцем, Лоуренс описывает открывшуюся ему красоту пустынных пространств на привычный европейскому сознанию манер, сравнивая природу с живописью, а природные явления, естественным образом преобразующие пространство, с работой живописца: «Бесплодные от соли меловые гребни окаймляли русла потоков, подчеркивая восхитительную красоту

пейзажа. С вершины самого высокого из них перед нами открывалась панорама местности, простиравшейся к югу и к северу, и нам было видно, как ливший внизу дождь, словно резкими взмахами жесткой кисти, окрашивал долины широкими полосами зелени по белому фону меловых отложений» [101, с. 578].

Но Лоуренс учится воспринимать природу не только в материальном, осязаемом аспекте, что упомянуто в эпизоде, где автор слушает аромат пустыни. Такое видение и понимание природы уже далеко от европейского, оно, безусловно, приближается к восточному восприятию, где созерцание природы является духовной практикой, нацеленной на размышление о происхождении и сущности мира, что в свое время привело ближневосточных пророков к созданию мировой религии.

Таким образом, пейзаж в книге «Семь столпов мудрости» выходит за материальные рамки и включает в том числе метафизический аспект, который нужен автору, чтобы показать истоки арабской религиозности, своеобразие их национального характера и образа жизни. Приобщение Лоуренса к восточной ментальности влияет на него. Если внешней, материальной причиной является подчинение законам пустыни с целью сохранения жизни, то существует и внутренняя — аравийский пейзаж не только определяет образ жизни племен, но и трансформирует сознание самого автора. Природа здесь не только место действия, но и инструмент, посредством которого, в том числе, совершаются эти изменения. Суровость природы, её жестокость и враждебность бросают вызов как физической, так и духовной стойкости Лоуренса, но те изменения его личности, на которые он сам указывал, говоря, что утратил свою сущность и не приобрел новой, создают тот самый образ главного героя Арабского восстания, который сформировался в условиях испытаний этих лет и получил невероятную популярность после выхода книги мемуаров в свет.

Лоуренс создавал пейзаж аравийской природы через личное восприятие, пропустив его «через себя». Для этого он вынужден был видеть и физически испытать всю силу тех природных условий, которые описывал. Благодаря

пережитому, конечный образ автора как победителя и символа победы связан не только с победой восставших арабов, но еще и с победой над собой и над тяжелой и чуждой ему как европейцу природой. Чем суровей условия природы, тем значимей эта победа, чем ярче автор живописует убийственный жар пустыни, ее бесплодие и одновременно величие, тем большим величием он наделяет не только бедуинов, жителей этого жестокого края, но и себя, бросившего вызов чуждой и опасной природной среде. Так, умело созданный пейзаж Востока служит для придания автору определенного ореола в сознании читателя.

Следует сказать, что изображение природы для Лоуренса не обладает самоцелью, его книга — лишь в малой степени путеводитель по экзотической природе. Прежде всего, это рассказ о восстании арабов против своего векового врага — турок. Делая пейзажные зарисовки, Лоуренс всякий раз связывает их с практическими целями восставших. Это взаимодействие с природой в ходе военного противостояния, а также получение от природы пользы, как психологической — через любование ее спокойствием, величественностью и красотой, так и физической — что дает отдых, передышки после мучительных переходов по пустыне, добывание воды и пищи, либо же для того, чтобы продемонстрировать на её фоне те или иные философские умозаключения или раскрыть собственный образ в природных испытаниях. Таким образом, пейзажные зарисовки, как и портреты героев, автор предоставляет читателю небольшими набросками на протяжении всего повествования, сообразно тем или иным задачам, а не демонстрирует некий пространный, исчерпывающий пейзаж, как и портрет, единожды.

Исследователь В.Е. Хализев отмечает, что в литературе начала XX в. сложилась тенденция субъективного восприятия и изображения природы. «Субъективное видение природы часто берет верх над ее предметностью, так что конкретные ландшафты и образы пространства нивелируются, либо же исчезают вовсе: эмоциональная напряженность восприятия природы одерживает победу над ее видовой, “ландшафтной” стороной: субъективно значимые ситуации

момента выдвигаются на первый план»²⁰⁷. Следует отметить, что Т. Э. Лоуренс вопреки этой тенденции не склонен нивелировать «определенность пространства», и значимость момента ситуации не отодвигает у него задачи адекватного изображения природы Востока на второй план. Это происходит потому что природа в его книге мемуаров играет слишком важную роль — она гораздо больше, чем пассивный фон, она активный соучастник событий, можно сказать, одно из главных действующих лиц: природные особенности местности в концепции Лоуренса «создали» арабов такими, какими они стали, природа на протяжении повествования формирует Лоуренса как сподвижника арабов, а также всецело определяет ход военных действий, то «игráя» на стороне восставших, то вредя их общему делу. Неслучайно Лоуренс называл эту войну «географической».

²⁰⁷ Хализев, В. Е. Теория литературы [Текст] / В. Е. Хализев. – М.: «Высшая школа», 2004. – С. 227-228.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Миф о Лоуренсе

В книге военных мемуаров «Семь столпов мудрости» Лоуренс Аравийский существенно обогатил представление об аравийском Востоке и представил этот мир как для английского, так и шире — европейского читателя, в своей интерпретации и художественном воплощении. Участие Лоуренса Аравийского в Арабском восстании, описанное в книге мемуаров «Семь столпов мудрости», было подготовлено судьбой писателя до войны, его научным интересом к культуре Ближнего Востока, желанием привнести политические изменения в судьбу арабского народа, а также его деятельностным и любознательным характером. Так, даже после восстания, ставшего делом его жизни и квинтэссенцией его научных интересов и личностных побуждений, Лоуренс продолжил военную службу и писательское ремесло. Его творческое наследие не ограничивается мемуарами об Арабском восстании, изученными в данной работе, а дополняется мемуарами о службе в авиации, книгой о замках крестоносцев, основанной на студенческой диссертации, прозаическим переводом «Одиссеи» Гомера. Однако именно в книге «Семь столпов мудрости» изображение Аравийского Востока и пережитых на этой земле событий становится главной задачей автора. Эта книга в контексте творчества Лоуренса является наиболее знаковой также ввиду того, что именно благодаря ей утвердились имя и образ Лоуренса в мировой культуре, признание получила как историческая, так и эстетическая значимость книги.

Одним из ключевых факторов, повлиявших на известность Лоуренса является стечание ряда обстоятельств в период его жизни. Озnamенование начала XX века событиями первой мировой войны, частью которой была арабская кампания в сочетании со знанием Лоуренсом арабского языка и культуры, а также его устремлениями к военной и политической деятельности позволили ему принять участие в Арабском восстании, а образ единственного англичанина среди арабов, проявившего такую степень приобщения к национальной борьбе арабов,

деятельно повлиявшего на ее успех, внимание к нему прессы, дружба с Уинстоном Черчиллем и близость ко многим политикам эпохи, но, прежде всего, сами военные мемуары Лоуренса и основанный на них фильм утвердили его легендарный образ в культуре.

Исторический контекст книги

Можно заключить, что исторической основой книги Лоуренса Аравийского «Семь столпов мудрости» выступил широкий спектр событий, охвативший вторую половину XIX века и начало XX столетия. Арабское восстание против владычества Османской империи оказалось лишь частью процесса передела мира в период Первой мировой войны. Ослабление Турции в экономическом, политическом и военном отношении в предвоенный период, приведшее к младотурецкой революции, также стало катализатором подъема националистических настроений в арабском мире — национальные лидеры почувствовали уникальность момента, чтобы заявить о своих правах на национальное самоопределение. Арабские племена поддержали своих лидеров, а помочь Британии, которая, безусловно, преследовала при этом и собственные имперские интересы на Ближнем Востоке, пришла как никогда вовремя. Лоуренс Аравийский стал не только свидетелем освободительного движения арабского народа, но также и посредником между Британией и восставшими, одним из лидеров восстания. Он предлагал успешные тактические решения, сдерживал британских генералов от излишнего вмешательства в ход войны, убеждая их при этом в необходимости действенной и эффективной помощи в военном снаряжении и технике. Герой книги — Лоуренс Аравийский — выступает патриотом по духу сразу в двух мирах — в своем родном, то есть в Великобритании, и в арабском, в который он был вовлечён и которому искренне служил. Это делает его произведение абсолютно уникальным и ценным как для историка, так и для филолога.

Специфика жанра военных мемуаров

Жанровая разновидность мемуаров, воплощенная в книге Лоуренса «Семь столпов мудрости», является продолжением длительной истории жанра, берущего начало в эпохе Античности, в творчестве Ксенофона и Гая Юлия Цезаря. Канон военных мемуаров формировался в ходе развития европейской литературы и истории. В военных мемуарах отражены все значимые военные конфликты европейской истории. На момент появления мемуаров Лоуренса Аравийского канон жанра уже был сформирован и содержал ряд характерных отличительных черт, позволивших выделить военные мемуары из прочих модификаций этого жанра. Сам Лоуренс был знаком с образцами жанра, например, с мемуарами Ксенофона «Анабасис», которые он упоминал в книге «Семь столпов мудрости».

Мемуары Лоуренса отражают дальнейшее развитие жанра, нашедшее отражение в психологизме повествования, индивидуальном авторском начале, пронизывающем характер описываемых событий и реализованном в образе автора-повествователя, в зримости, пластичности авторских описаний среды, лиц и событий, в построении автором доверительного диалога с читателем, в интеллектуализме книги, где писатель поставил перед собой задачу не только рассказать о событиях Арабского восстания, но передать свое представление о самобытности арабского Востока, сформированного природой и историей этих мест. Богатство художественных средств при создании портретов персонажей и пейзажей местности придает эстетическую ценность мемуарам Лоуренса. Отдельные элементы мемуаров (многозначность заглавия, развитый образ автора-повествователя, характер описываемых событий) до некоторой степени сближают мемуары Лоуренса с жанром романа.

Литературный контекст произведения

Восток в европейской и английской литературе представлялся по-разному, так как данная тематика привлекала множество европейских и английских писателей на протяжении столетий. Восток, в том числе арабский, был представлен у существенного числа выдающихся английских поэтов и писателей,

среди которых Чосер, Марло, Шекспир, Мильтон, Бекфорд, Байрон, Шелли, Саути, Скотт, Киплинг и др. Их произведения формировали то культурное пространство, в котором жил и работал Лоуренс. На основе произведений указанных авторов можно выделить два ведущих дискурса о Востоке в западноевропейской литературе — сказочно-романтизированный и оборонительно-имперский.

В первом Восток представлялся в нереалистичных, идеализированных образах, далеких от реального облика и положения дел, и это отчасти объяснялось малым количеством сведений о Востоке, либо было обусловлено художественными задачами автора. Во втором дискурсе Восток рассматривался как враждебный край, от которого необходимо защищаться, либо же как отсталый и нуждающийся во вмешательстве, покровительстве и просветительстве со стороны Запада региона. Этот дискурс двойственен по своей сути, а в его основе лежит политика: европейцы либо защищались от арабских и турецких завоеваний, либо сами рассматривали Восток как одну из площадок для своего господства. Вместе с тем в литературе делались попытки создать реалистичный, достоверный образ Востока. В данном дискурсе работали в первую очередь европейские историки, востоковеды и теологи больше, чем авторы художественных произведений.

К сторонникам второго подхода можно отнести и Лоуренса Аравийского. До него никто не описывал этот регион и его жителей на фоне реальных событий, изменивших историческую судьбу арабских народов, и никто из европейских авторов, писавших о Востоке до Лоуренса, не принимал такого активного участия в жизни и судьбе арабов. В книге мемуаров «Семь столпов мудрости» он, будучи специалистом-востоковедом, стремится представить читателю достоверные сведения о культуре и укладе жизни арабов, подвергнув их глубокому размышлению. В то же время в силу своего словесного таланта Лоуренс делает это с определенной долей художественности, придающей книге также и эстетическую значимость.

Изображение арабов как участников военных действий позволило автору не только показать своеобразие их национального характера, но и раскрыть их потенциал как нации, а его установка на документализм, аналитичность и выразительность описаний сделали повествование не только достоверным и убедительным, но и увлекательным для читателя. Кроме приведения в книге реальных фактов об укладе жизни, традициях, способах ведения войны, Лоуренс представляет арабский Восток с большой долей причастности к этому краю, к делу борьбы за его освобождение, что делает его мемуары очень личной книгой. Увиденное и пережитое передается через призму сознания автора, который наряду с лидерами Арабского восстания становится героем мемуарной книги. При этом важно, что Лоуренс при изображении арабов лишен как цивилизационного высокомерия, так и далек от нереалистичных и сказочных представлений об арабском Востоке.

Арабская ментальность в трактовке автора

Описывая национальный характер арабов и факторы его формирования, Лоуренс прибегал к концепции географического детерминизма, сформировавшейся в эпоху Просвещения, а затем в XIX веке развитой в трудах представителей культурно-исторической школы, прежде всего И. Тэна, придававшего большое значение в формировании культуры народа его истории и среде обитания. Основой ландшафта Ближнего Востока Лоуренс считал пустыню. Согласно автору, именно пустынная местность с присущей ей суровостью и враждебностью всему живому диктовала арабам условия проживания и сыграла ключевую роль в формировании их характера. Она заставляла подчиняться ее законам, в связи с чем у арабов развились такие черты, как аскетизм, самоотрешенность, колLECTIVISM, а также оказала влияние на религиозное сознание арабов. Религия являлась важнейшим культурным фактором в жизни арабов, ее основы, по мнению Лоуренса, были сформированы многочисленными арабскими пророками благодаря вдохновению, полученному ими от пребывания в одиночестве среди пустынных пейзажей, что непосредственно повлияло на

характер и содержание этих учений. Таким образом, пустынный ландшафт в концепции Лоуренса носит двойственный характер: наряду с тягостными обстоятельствами, преодоление которых формировало арабского человека, пустыня сформировала созерцательные и религиозные наклонности арабов.

Традиции арабов в книге Лоуренса

В составе традиций и ценностей арабских племен, зафиксированных Лоуренсом Аравийским в книге «Семь столпов мудрости», обозначены глубокая религиозность, гостеприимство, трудолюбие, крепкие родственные связи и, как следствие, кровная месть, культ чести, специфика рабовладения и особое отношение к смерти. Эти традиции и ценности, составлявшие арабский образ жизни и проявленные в том числе в ходе событий Арабского восстания, по мысли Лоуренса, были обусловлены всей многовековой историей арабов, религией, природными и бытовыми условиями жизни. Кроме того, ценности арабских племен непосредственно формировали их традиции, регламентировали образ жизни, поступки, социальные нормы, внутриплеменные и межплеменные взаимодействия, что прослеживается на протяжении текста всей книги, а главными носителями арабских этнических основ обозначены в книге бедуины — жители пустыни. Лоуренс убедительно охарактеризовал уклад жизни и менталитет арабов в своих мемуарах, его наблюдения соответствуют историческим сведениям об этом народе.

Арабы в условиях войны

Представление о ментальности арабов Лоуренс развивает, изображая их также в условиях военных действий. Поведение арабов в ходе боевых действий, как и их менталитет, неоднозначны, сложны и порой противоречивы. С одной стороны, им были присущи обусловленные их национальным характером своенравие, непокорность, упрямство, мстительность, недоверие, уживающееся с наивностью, эгоистичностью и отсутствием дисциплины. С другой стороны, нельзя не заметить, что в их фанатизме, упорстве, жажде освобождения от многолетнего рабства была та сила, которая питала восстание. В ходе развития

восстания они обучались военному искусству, росло их национальное самосознание и чувство патриотизма, что стало гораздо более эффективной мотивацией, нежели проявлявшаяся в начале событий жажда обогащения.

Кроме того, разрозненный характер племен имел не только отрицательное влияние на ход восстания в виде межплеменных конфликтов и кровной мести, но и помогал в партизанской тактике, так как арабы эффективнее сражались малыми группами. Также в сравнении с турками арабы отличались наличием моральных ограничений. Турецкие войска в мемуарах изображены автором как более развитые в технологическом отношении, но при этом турки представлены как более жестокие, безжалостные как к врагу, так и к своим согражданам. Лоуренс отмечает также, что, несмотря на социокультурную общность, арабы не были едины в своих проявлениях и представлениях. Среди них были благородные и ответственные личности, которые добивались порядка в военном деле.

В своей массе, однако, арабы отвечали тому уровню культурного развития, на котором находились, но цель — отвоевать собственные земли у Османской империи и добиться свободы — вынуждала их обучаться новому, становиться сознательными и дисциплинированными. Так, Лоуренсу Аравийскому удалось изобразить неоднозначный, но в то же время достоверный образ ментальности арабов в динамике, не только в бытовом проявлении, но и непосредственно в ходе боевых действий, где, согласно канону военных мемуаров, наиболее ярко и полно раскрывается суть человека и народа и их внутренние возможности.

Образ автора

Яркий и цельный образ Лоуренса Аравийского, созданный Т. Э. Лоуренсом в книге «Семь столпов мудрости», является довольно сложным, имеющим много граней. Можно перечислить основные ипостаси Лоуренса Аравийского, написавшего книгу об арабском восстании и о себе: романтик, идеализирующий свободу и беззаветное служение ей; разведчик и дипломат, лавирующий между интересами разных сторон и манипулирующий людьми; историк-арабист, проникающий в тайны менталитета народов Востока и отдельных его

представителей; специалист в области политики, адекватно оценивающий людей и события; бесстрашный воин; гуманист, готовый не только встать на сторону добра и милосердия, но и пожертвовать своей жизнью ради других; триумфатор, вождь арабов, правая рука арабского принца, будущего короля Ирака; наконец, уставший и разочаровавшийся солдат свободы, однако не желающий признать свой путь ошибочным.

При этом образ автора не дробится на мозаичные фрагменты, но предстает в динамике и целостности, а кроме того, явлен в книге во всей своей многогранности в ходе описываемых событий. В откровенности разговора с читателем, в многоплановости и выразительности повествования заключается уникальность образа Лоуренса и его притягательность для читателей многих поколений.

Таким образом, отличительными чертами образа Лоуренса Аравийского, представленными в книге «Семь столпов мудрости», являются многогранность, целостность, двойственность, автобиографичность, и мифологичность. Двойственность образа заключается в политической принадлежности интересам двух народов и двум образам жизни с присущими им законами — законом военным, требующим подчинения тяжелым обстоятельствам, и мирным, располагающим к гуманизму и осуществлению морального выбора.

Многогранность и одновременно целостность образа заключается в проявлении Лоуренса в целом ряде профессиональных сфер, что наиболее полно раскрылось как в ходе восстания, так и в созданных впоследствии мемуарах. Его умения и навыки тесно связаны с биографией писателя, с его довоенными интересами и увлечениями, что делает его образ биографически убедительным, а яркость фигуры Лоуренса, его амбициозность, гуманизм, героизм, самокритичность и уникальность его положения способствовали мифологизации его личности как военного героя, вдохновителя арабов. Причем, мифологизация фигуры Лоуренса Аравийского послужил как текст созданных им мемуаров, так и отсвет его личности в общественном сознании.

Поэтика заглавия

Заглавие книги мемуаров «Семь столпов мудрости» имеет связь с предыдущей книгой Лоуренса, которую он планировал издать, посвятив ее архитектуре Востока. Но затем он отказался от публикации книги, а название решил использовать для книги своих мемуаров. Это название отсылает к Библии, сложившейся на Востоке в среде семитских народов. Слово «мудрость», включенное автором в название своих мемуаров, отражает внутреннее убеждение Лоуренса в наличии потенциала «мудрости» в его мемуарной книге. Отсылка к Библии, наряду с используемым в названии числом семь, часто встречающимся в памятниках мировой культуры прошлого, придает значимости книге Лоуренса и свидетельствует о ее включенности в контекст истории культуры. Кроме того, заглавие книги опоэтизировано, что сближает ее с художественным текстом, а самого автора с художниками слова. Выбор Лоуренсом столь примечательного и неординарного названия, связанного с целым рядом ассоциаций, безусловно, выступает свидетельством эстетизации автором своего замысла и его безусловной авторской одаренности.

Система персонажей

Мемуары «Семь столпов мудрости» включают в себя довольно большое количество персонажей. Ввиду условий войны лишь с некоторыми из ее участников Лоуренс сближался на продолжительное время и мог описывать их на протяжении всего повествования. Большинство героев с портретными характеристиками появляются в тексте лишь эпизодически, а некоторые встречаются однократно. Как следствие, книга «Семь столпов мудрости» в обилии содержит малозначимых для хода восстания персонажей — простых воинов, младших офицеров, случайных попутчиков в пустыне. Тем не менее, Лоуренс стремился запечатлеть черты их внешности и характера с целью создания из индивидуальных портретов образ арабского народа в его самобытности и устремленности к свободе, утверждению своего национального пути.

При этом Лоуренс продемонстрировал сугубо личное отношение к персонажам своей книги, он откровенно увлекался теми из них, которым симпатизировал, именно они удостоились самых ярких и выразительных портретов, причем часто вне зависимости от их важности для общей картины. В то же время наибольшее внимание Лоуренс уделил портретам арабских лидеров и воинов, что соответствовало главной задаче повествования об арабском восстании на Аравийском полуострове. Без портретов бедуинов и вождей восстания не получилось бы передать в книге дух грандиозного исторического события, восстания арабов.

Лоуренс подошел к этой задаче как искусный писатель, благодаря умелому использованию художественных приемов, в первую очередь эпитетов, сравнений и метафор. Благодаря мастерству словесной пластики, ему удалось создать живые и убедительные образы героев освободительной войны, а также нарисовать выразительные, зrimые пейзажи, среди которых разворачивались драматические события военных лет.

Поэтика пейзажа

Пейзаж в книге «Семь столпов мудрости» выполняет несколько характерных функций: указывает на местность, в которой разворачивались события, сюжетную — пейзаж создает трудности, преодолеваемые в книге, культурно-философскую — природной средой Лоуренс объясняет национальный характер арабов, художественную — выразительный аравийский пейзаж для европейской читательской аудитории интересен своей экзотичностью, поскольку европейцу он был, по сути, мало знаком.

Кроме обозначенных функций пейзажа в книге, есть еще одна, присущая конкретно данным мемуарам, составляющая их уникальную особенность — пейзаж выступает одним из средств для создания образа Лоуренса Аравийского, кем становится Томас Эдвард Лоуренс в итоге всех событий. Прибыв из абсолютно другого в культурном и бытовом плане мира, автор приспосабливается к миру иному, перестраивая для этого собственное сознание на изначально ему

чуждое. Преодолевая обстоятельства войны, тяготы переходов через пустыню, участвуя в боевых действиях в тяжелейших условиях безводного и безжизненного пространства, автор проходит некую инициацию и отстаивает право стать настоящим героем арабского восстания, кем он и утверждается в массовом сознании.

Литературная традиция книги Лоуренса

Книга «Семь столпов мудрости» дала импульс к продолжению традиции. В качестве примера можно указать на ряд литературных текстов. Так, образы пустыни, мотивы угнетенного империей народа и спасителя, пришедшего из более развитого государства, получили воплощение в романе Фрэнка Герберта (1920–1986) «Дюна» (1965). Автор был знаком с книгой Лоуренса и вдохновлялся ей при создании фантастического романа²⁰⁸.

Другой книгой, где создается образ пустыни и событий развивается тематика империалистического угнетения, является роман Дино Буццати (1906–1972) «Татарская пустыня» (1940). Герой романа — офицер империи, отправленный ожидать нашествия орд диких народов, чему и посвящает всю жизнь²⁰⁹.

Также среди книг, действие которых разворачивается в пустыни и затрагивается тема колониализма стоит назвать роман «Английский пациент» (1992), Майкла Ондатдже (1943) и сочинения британской арабистки Гертруды Белл (1868–1926). Действие романа «Английский пациент» разворачивается вокруг североафриканской кампании Второй Мировой войны. Как и в мемуарах Лоуренса здесь описываются боевые действия в пустынной местности, а главным героем является разведчик-европеец. Если сведений о том, что роман Буццати предвосхищен книгой Лоуренса нет, то есть материалы, где проводятся параллели

²⁰⁸ Kennedy, K. Lawrence of Arabia, Paul Atreides, and the Roots of Frank Herbert's Dune [Electronic resource] // Reactor. Available at: <https://reactormag.com/lawrence-of-arabia-paul-atreides-and-the-roots-of-frank-herberts-dune/> (accessed: 08.09.2024).

²⁰⁹ Буццати, Д. Татарская пустыня. Рассказы. Увеличенный портрет [Текст] / Д. Буццати, сост. Р. Хлодовский. – М.: Радуга, 1989. – 424 с.

между героями мемуаров «Семь столпов мудрости» и романа «Английский пациент»²¹⁰.

Гертруда Белл, как и Лоуренс Аравийский, была разведчицей, археологом, историком культуры, арабисткой и писательницей. Она провела существенную часть жизни на Ближнем Востоке, участвовала в арабском деле после Восстания и оставила богатое литературное наследие, среди которого сборники писем и мемуары. Среди них книга о путешествии по Сирии «Syria: The Desert and the Sown» (1907), археологическое исследование «A Thousand and One Churches» (1907), книга об архитектуре The Palace and Mosque of Ukhaidir: A Study in early Mohammadan Architecture (1914), перевод персидских поэм «Poems from the Divan of Hafez» (1897), мемуары A Woman In Arabia: The Writings of the Queen of the Desert» (2015), «The Arabian Diaries, 1913–1914» и книга писем «The Letters of Gertrude Bell» (1927)²¹¹.

²¹⁰ Meyers, J. T. E. Lawrence and The English Patient [Electronic resource] // Notes on Contemporary Literature. Available at: <https://www.thefreelibrary.com/T.E.%2BLawrence%2Band%2BThe%2BEnglish%2BPatient.-a0159331525> (accessed: 08.10.2022).

²¹¹ Али, Т. Уинстон Черчилль. Его эпоха, его преступления [Текст] / Т. Али. – М.: Альпина нон-фикшн, 2023. – 590 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Akyol, M. The Muslims Who Inspired Spinoza, Locke and Defoe [Electronic resource] // The New York Times. Available at: <https://www.nytimes.com/2021/04/05/opinion/enlightenment-islam-robinson-crusoe.html> (accessed: 21.08.2024).
2. Allcroft, A. H. Earthwork of England, prehistoric, Roman, Saxon, Danish, Norman and mediæval [Text] / A. H. Allcroft // London: Macmillan & co, 1908. – 746 p.
3. Anderson, S. Lawrence in Arabia: War, Deceit, Imperial Folly and the Making of the Modern Middle East [Text] / S. Anderson. – UK: Anchor, 2013. – 624 p.
4. Bartels, E. C. Spectacles of strangeness: imperialism, alienation, and Marlowe [Text] / E. C. Bartels. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1993. – 221 p.
5. Brown, M. A touch of genius: the life of T.E. Lawrence [Text] / M. Brown. – New York: Paragon House. 1989. – 233 p.
6. Brysac, S. B. Kingmakers: The Invention of the Modern Middle East [Text] / S. B. Brysac, K. E. Meyer. – UK: W. W. Norton & Company, 2008. – 512 p.
7. Churchill, W. Great Contemporaries [Text] / W. Churchill. – Chicago: University of Chicago Press, 1973. – 394 p.
8. Churchill, W. The world crisis 1911-1918 [Text] / W. Churchill. – New York: Free Press, 2005. – 880 p.
9. Davis, P. K. 100 Decisive Battles From Ancient Times to the Present [Text] / P. K. Davis // UK: ABC-CLIO, 1999. – 462 p.
10. d'Herbelot, B. Bibliothèque orientale, ou Dictionnaire universel contenant tout ce qui fait connaître les peuples de l'Orient [Text] / B. d'Herbelot. – The Hague: Neaulme & van Daalen, 1777. – 636 p.
11. Diehl, C. L'Afrique Byzantine, histoire de la domination Byzantine en Afrique [Text] / C. Diehl // Paris: Leroux, 1896. – 702 p.

12. Faulkner, N. Lawrence of Arabia's War: The Arabs, the British and the Remaking of the Middle East in WWI [Text] / N. Faulkner. – New Haven: Yale University Press, 2016. – 552 p.
13. Fiennes, R. Lawrence of Arabia: My Journey in Search of T. E. Lawrence [Text] / R. Fiennes. – New York: Pegasus Books, 2024. – 352 p.
14. Galland, A. Prefatory «Discours» [Text] / A. Galland // Bibliothèque orientale, ou Dictionnaire universel contenant tout ce qui fait connaître les peuples de l'Orient / B. d'Herbelot. – The Hague: Neaulme & van Daalen, 1777. – Vol. 1, P. VII. – 713 p.
15. Gibbons, V. L. Towards a Poetics of Titles: The Prehistory: a thesis submitted in Candidature for the Degree of Doctor of Philosophy [Text] / V. L. Gibbons. – UK, 2010. – 256 p.
16. Goyard-Fabre, S. La philosophie des Lumières en France [Text] / S. Goyard-Fabre // Paris: Slatkin Reprint, 2012. – 466 p.
17. Graves, R. Lawrence and the Arabs: An Intimate Biography [Text] / R. Graves. – UK: Seven Stories Press, 2020. – 496 p.
18. Griffin, M. J. T. Who Killed Lawrence of Arabia? [Text] / M. J. T. Griffin. – US: Lulu.com, 2021. – 206 p.
19. Harari, Y. N. Military memoirs: A Historical Overview of the Genre from the Middle Ages to Late Modern Era [Text] / Y. N. Harari // War in history. – 2007. – Vol. 14. – № 3. – Pp. 289-309.
20. Kennedy, K. Lawrence of Arabia, Paul Atreides, and the Roots of Frank Herbert's Dune [Electronic resource] // Reactor. Available at: <https://reactormag.com/lawrence-of-arabia-paul-atreides-and-the-roots-of-frank-herberts-dune/> (accessed: 08.09.2024).
21. Kitchen, M. The Cambridge Illustrated History of Germany [Text] / M. Kitchen. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 352 p.
22. Knightley, P. The Secret Lives of Lawrence of Arabia [Text] / P. Knightley, C. Simpson. – London: Nelson, 1969. – 328 p.

23. Korda, M. *Hero: The Life & Legend of Lawrence of Arabia* [Text] / M. Korda. – Australia: Aurum, 2011. – 785 p.
24. Kramer, M. Six (make that seven) greatest stories ever told about the Middle East [Electronic resource] // Martin Kramer on the Middle East. Available at: <https://martinkramer.org/tag/books/page/2/> (accessed: 12.06.2024).
25. Lawrence, T. E. *Crusader castles* [Text] / T. E. Lawrence. – London: The Folio Society, 2010. – 226 p.
26. Lawrence, T. E. *The influence of the Crusades on European military architecture to the end of the XIIth century* [Text] / T. E. Lawrence. – England: Oxford, 1910. – 248 p.
27. Lawrence, T. E. *The mint* [Text] / T. E. Lawrence. – London: J. Cape, 1973. – 205 p.
28. Mack, J. E. *A prince of our disorder: the life of T.E. Lawrence* [Text] / J. E. Mack. – Boston: Little, Brown and Company, 1976. – 561 p.
29. Meyers, J. T. E. *Lawrence and The English Patient* [Electronic resource] // Notes on Contemporary Literature. Available at: <https://www.thefreelibrary.com/T.E.%2BLawrence%2Band%2BThe%2BEnglish%2BPatient.-a0159331525> (accessed: 08.10.2022).
30. Montluc, B. L.-M. *Commentaires et lettres de Blaise de Monluc, maréchal de France: édition revue sur les manuscrits et publiée avec les manuscrits et publiée avec les variantes pour la Société de l'histoire de France* [Text] / B. L.-M. Montluc. – Paris: Mme Ve J. Renouard, 1866. – 493 p.
31. Orlans, H. *T.E. Lawrence Biography of a broken hero* [Text] / H. Orlans. – Jefferson: McFarland & Co, 2002. – 293 p.
32. Rey, E. G. *Étude sur les monuments de l'architecture militaire des croisés en Syrie et dans l'île de Chypre.* [Text] / E. G. Rey // Paris: Impr. nationale, 1871. – 358 p.
33. Rogan, E. *The Fall of the Ottomans: The Great War in the Middle East* [Text] / E. Rogan. – New York: Basic Books, 2016. – 512 p.

34. Rosen, J. The Legacy of Lawrence and the New Arab Awakening [Text] / J. Rosen // Israel Journal of Foreign Affairs. – 2011. – Vol. 5, Iss. 3. – Pp. 125-130.
35. Sales, R. Christopher Marlowe [Text] / R. Sales. – New York: St. Martin's Press, 1991. – 177 p.
36. Scott, W. The Talisman (Tales of the Crusaders) [Electronic resource] // The Walter Scott Digital Archive. Available at: <http://www.walterscott.lib.ed.ac.uk/works/novels/talisman.html> (accessed: 21.08.2024).
37. Tabachnik, S. E. Lawrence of Arabia: An Encyclopedia [Text] / S. E. Tabachnik. – Westport: Greenwood, 2004. – 288 p.
38. Thomas, L. With Lawrence in Arabia [Text] / L. Thomas. – New York & London: Independently published, 2021. – 386 p.
39. Viollet-Le-Duc, E. E. Military Architecture (1907) [Text] / E. E. Viollet-Le-Duc // UK: Kessinger Publishing, 2010. – 302 p.
40. Wilson, J. Lawrence of Arabia: The Authorized Biography of T.E. Lawrence [Text] / J. Wilson. – New York: Atheneum, 1989. – 1188 p.
41. Yardley, M. T.E. Lawrence: a biography [Text] / M. Yardley. – New York: Cooper Square Press, 2000. – 308 p.
42. Акматов, К. К. Значение жанрово-видовых особенностей автобиографических произведений в изучении литературы [Текст] / К. К. Акматов // Ученный XXI века. – 2016. – № 4-1 (17). – С. 53- 56.
43. Али, Т. Уинстон Черчилль. Его эпоха, его преступления [Текст] / Т. Али. – М.: Альпина нон-фикшн, 2023. – 590 с.
44. Алиев, Г. З. Турция в период правления младотурок (1908—1918 гг.) [Текст] / Г. З. Алиев. – М.: Наука, 1972. – 388 с.
45. Алташина, В. Д. Жанровая специфика романа мемуаров во французской литературе XVIII в.: дис. [...] д-ра филол. наук. [Текст] / В. Д. Алташина. – СПб., 2007. – 550 с.

46. Аль Ахмад, А. Х., Шандра, А. В. Роль железной дороги Хиджаз в годы Первой мировой войны [Текст] / А. Х. Аль Ахмад, А. В. Шандра // Арабистика Евразия. – 2019. – № 8. – С. 89-102.
47. Альбрехт, М. История римской литературы: Т. 1 [Текст] / М. Альбрехт. – М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2003. – 704 с.
48. Артамонов, С. Вступительная статья [Текст] / С. Артамонов // Орлеанская девственница, Магомет, философские повести / В. Скотт. – М.: Издательство Художественная литература, 1971. – С. 5-26.
49. Асадуллин, Ф. А. Мусульманская община Москвы XVIII–XIX вв. В контексте либерализации религиозной политики [Текст] / Ф. А. Асадуллин // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. – 2017. – № 1. – С. 66-77.
50. Ахунов, А. М. Основы этнографии стран арабского Востока [Текст] / А. М. Ахунов. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2014. – 336 с.
51. Барахов, В. С. Литературный портрет: (Истоки, поэтика, жанр) [Текст] / В. С. Барахов. – Ленинград: Наука: Ленингр. отд-ние, 1985. – 312 с.
52. Бахтин, М. М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук [Текст] / М. М. Бахтин. – Спб.: Азбука, 2000. – 336 с.
53. Белова, В. М. Функционально-семантические особенности дискурсивных слов в жанре мемуаров [Текст] / В. М. Белова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2011. – № 1 (28). – С. 1-4.
54. Богатырева, Д. А. Жанрообразующие приемы создания портретов современников в мемуарной прозе М. Цветаевой [Текст] / Д. А. Богатырева // Вестник ТГУ. – 2008. – № 4. – С. 246-250.
55. Борхес, Х. Л. Новые расследования [Электронный ресурс] // Jorge Luis Borges: виртуальная библиотека. Режим доступа: <http://www.bibliomsk.ru/library/global.phtml?mode=10&dirname=borges&filename=jlb14025.phtml#10> (дата обращения: 09.09.2024).
56. Буланова, И. С., Смолянский, П. В., Чернов, А. Ю. Идентичность и смысловая система солдата: опыт нарративного анализа военно-исторических

мемуаров [Текст] / И. С. Буланова, П. В. Смолянский, А. Ю. Чернов // Мир науки. Педагогика и психология. – 2019. – № 4. – С. 1-13.

57. Буццати, Д. Татарская пустыня. Рассказы. Увеличенный портрет [Текст] / Д. Буццати, сост. Р. Хлодовский. – М.: Радуга, 1989. – 424 с.

58. Бушканец, Л. Е. Проблема достоверности литературных мемуаров и современные концепции нейрофизиологии памяти [Текст] / Л. Е. Бушканец // Ученые записки казанского университета. Серия: гуманитарные науки. – 2015. – Том 157, № 2. – С. 19-27.

59. Вдовина, И. С., Богуславский, В. М., Соколов В. В. Философия в Энциклопедии Дидро и Даламбера [Текст] / И. С. Вдовина, В. М. Богуславский, В. В. Соколов // М.: Наука, 1994. – 720 с.

60. Ветхий Завет. Притчи Соломона [Электронный ресурс] // Моя Библия онлайн. Режим доступа: http://www.my-bible.info/biblio/biblija/prit_solom.html (дата обращения: 12.06.2024).

61. Виноградов, В. В. О теории художественной речи [Текст] / В. В. Виноградов. – М: Высшая школа, 1971. – 240 с.

62. Вородин, Д. А. Ближний Восток и Первая мировая война: Великое Арабское восстание [Текст] / Д. А. Вородин // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2014. – Том 10, № 2. – С. 142-153.

63. Вострилов, И. Н. Творчество А. В. Верещагина в контексте военной мемуаристики последней трети XIX-начала XX века [Текст] / И. Н. Вострилов // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2007. – Том 15, № 39. – С. 76-79.

64. Гарт, Г. Б. Л. Полковник Лоуренс [Электронный ресурс] // Милитера: военная литература. Режим доступа: <https://militera.lib.ru/bio/liddel-hart2/index.html> (дата обращения: 09.09.2024).

65. Герасимов, Н. Г. Проблемы становления арабской нации: обратная сторона национальной мифологии [Текст] Г. Н. Герасимов // Вестник Российской нации. – 2017. – № 5 (57). – С. 75-86.

66. Глинникова, С. В. Особенности библиографирования военных мемуаров [Текст] / С. В. Глинникова // Трансформации музеев-библиотек-архивов и информационное обеспечение исторической науки в информационном обществе: сборник статей по материалам научно-практического семинара. – 2017. – С. 34-42.
67. Гулынская, Е. В. Роль Великобритании в становлении иорданской государственности: держава-колонизатор или долгосрочный союзник? [Текст] / Е. В. Гулынская // Вестник РГГУ: Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2014. – № 1 (123). – С. 172-179.
68. Гюбиева, Г. Е. Этапы развития русской мемуарно-автобиографической литературы XVIII века: дис. ... канд. филол. наук [Электронный ресурс] / Г. Е. Гюбиева. – М., 1968. – 262 с. Режим доступа: <https://www.disscat.com/content/etapy-razvitiya-russkoi-memuarno-avtobiograficheskoi-literatury-xviii-veka> (дата обращения 09.09.2024).
69. Еремеев, Д. Е. История Турецкой Республики с 1918 года до наших дней [Текст] / Д. Е. Еремеев. – М.: Квадрига, 2017. – 376 с.
70. Есин, А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения [Текст] / А. Б. Есин. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 244 с.
71. Жак, Е. С. Проблемы изучения современной мемуарной прозы [Текст] / Е. С. Жак // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2007. – № S1. – С. 10-13.
72. Жамгарян, Г. А. Этапы формирования культурно-исторического наследия Иордании и их влияние на развитие туризма [Текст] / Г. А. Жамгарян // Вестник науки. – 2018. – Том 5, № 9. – С. 17-26.
73. Задорнова, В. Я., Горохова, А. В. Метафоры-зомби: приемы «оживления» мертвых метафор и метафорических клише (на материале произведения Т.Э. Лоуренса “Семь столпов мудрости”) [Текст] / В. Я. Задорнова, А. В. Горохова // Ахмановские чтения 2015. – 2016. – С. 155-162.

74. Ибраева, Е. Е. «Герой Британской империи» в пропаганде колониальной политики Англии [Текст] / Е. Е. Ибраева // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. – 2017. – № 4 (39). – С. 1-10.
75. Израилевич, Л. С. Лоуренс Аравийский — легенда английской разведки [Электронный ресурс] // Проза.ру. Режим доступа: <https://proza.ru/2013/11/19/1084> (дата обращения: 12.06.2024).
76. Ислам: энциклопедический словарь [Текст] / отв. ред. С. М. Прозоров. – М.: Наука, ГРВЛ, 1991. – 315 с.
77. Каграманов, Ю. М. Быль и небылицы о Лоуренсе Аравийском [Текст] / Ю. М. Каграманов // Новая и новейшая история. – 1971. – № 6. – С.131-139.
78. Кайзер, В. П. События и люди 1878–1918 [Текст] / В. П. Кайзер. – Минск: Харвест, 2003. – 54 с.
79. Керлот, Х. Э. Словарь символов [Текст] / Х. Э. Керлот. – М.: REFL-book, 1994. – 601 с.
80. Киласов, А. Р. Системный кризис Османской империи во второй половине XIX-начале XX в.: дис. [...] канд. ист. наук [Электронный ресурс] / А. Р. Киласов. – Махачкала, 2005. – 154 с. Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/sistemnyi-krizis-osmanskoj-imperii-vo-vtoroi-polovine-xix-nachale-xx-vv> (дата обращения 09.09.2024).
81. Коваленко, Е. И. Мемуарная проза как жанрово-стилистический феномен [Текст] / Е. И. Коваленко // Соловьевские чтения 2018: сб. науч. ст. – 2020. – С. 44-53.
82. Кодайова, Д. «Из Лондона в Константинополь»: путевой дневник английской аристократки леди Мэри Уортли Монтегю [Текст] / Д. Кодайова // «Запад-Восток». Научно-практический ежегодник. – 2016. – № 9. – С. 45-58.
83. Колядич, Т. М. Воспоминания писателей XX века: Проблематика, поэтика: дис. [...] д-ра филол. наук [Текст] / Т. М. Колядич. – М., 1999. – 443 с.

84. Корнилова, Е. Н. «Миф о Юлии Цезаре» и идея диктатуры: Историософия и художественная литература европейского круга [Текст] / Н. Е. Корнилова. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та леса, 1999. – 271 с.
85. Коротаев, А. В., Клименко, В. В., Прусаков, Д. Б. Возникновение ислама: социально-экологический и политico-антропологический контекст [Текст] / А. В. Коротаев, В. В. Клименко, Д. Б. Прусаков. – М.: ОГИ, 2007. – 109 с.
86. Крайнов, И. Ф., Кудрин, Г. М. Становление арабского национализма [Текст] / И. Ф. Крайнов, Г. М. Кудрин // Скиф. – № 4 (44). – С. 590-593.
87. Краснов, В. Г., Дайнес, В. О. Русский военно-исторический словарь [Текст] / В. Г. Краснов, В. О. Дайнес. – М.: Олма-Пресс, 2001. – 656 с.
88. Креленко, Н. С. Долгое путешествие Мэри Уортли Монтегю [Текст] / Н. С. Креленко // Лит. Исторический альманах. – 2015. – № 7. – С. 270-283.
89. Кржижановский, С. Д. Поэтика заглавий [Текст] / С. Д. Кржижановский. – М.: Никитинские субботники, 1931. – 31 с.
90. Криволапова, Е. М. К вопросу о жанрообразующих признаках дневника [Текст] / Е. М. Криволапова // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 5. – С. 198-203.
91. Крылова, Е. Е. Образ Востока в пьесе К. Марло «Тамерлан Великий» [Текст] / Е. Е. Крылова // Горизонты гуманитарного знания. – 2018. – № 6. – С. 61-70.
92. Ксенофонт, Г. Ф. Историки Греции [Текст] / Ф. Г. Ксенофонт; пер. с древнегреч. И. Мартынова, Ф. Мищенко, С. Жебелева, С. Ошерова; сост. и предисл. Т. Миллер. Примеч. М. Гаспарова и Т. Миллер. М.: Художественная литература, 1976. – 430 с.
93. Кузьмин, И. А. Рецепция национальных традиций арабских племен в литературных образах военных мемуаров Лоуренса Аравийского «Семь столпов мудрости» [Текст] / И. А. Кузьмин // Современное педагогическое образование. – 2024. – № 2. – С. 285-290.

94. Кузьмин, И. А. Семантика заглавия книги Лоуренса Аравийского «Семь столпов мудрости» [Текст] / И. А. Кузьмин // Наука и школа. – 2023. – № 5. – С. 36–42.
95. Кузьмин, И. А. Типология жанра военных мемуаров на примере книги Лоуренса Аравийского «Семь столпов мудрости» [Текст] / И. А. Кузьмин // Наука и школа. – 2024. – № 1. – С. 21-27.
96. Кузьмин, И. А. Традиция рыцарского романа в поэме Л. Ариосто «Неистовый Роланд»: маг. дис. [Текст] / И. А. Кузьмин. – М., 2021. – 84 с.
97. Кунавин, О. Б., Кунавина, И. И. Проблема портрета в художественной литературе [Текст] / О. Б. Кунавин, И. И. Кунавина // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2017. – № 2. – С. 202–207.
98. Купина, Н. А. Лингвистический анализ художественного текста: уч. пособие для студентов-заочников V курса факультетов языка и литературы педагогических институтов [Текст] / Н. А. Купина. – М.: Просвещение, 1980. – 78 с.
99. Лавриненко, В. Н., Кафтан, В. В., Чернышова, Л. И. Основы философии: учебник и практикум для СПО [Текст] / В. Н. Лавриненко, В. В. Кафтан, Л. И. Чернышова. – 8-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2016. – 377 с.
100. Лебедева, А. С., Салтымакова, О. А. Типология авторов народных военных мемуаров (на материале текстов естественной письменной речи) [Текст] / А. С. Лебедева, О. А. Салтымакова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Том 15, № 4. – С. 1080-1086.
101. Литературная энциклопедия терминов и понятий [Текст] / сост. и ред. А. Н. Николюкин. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – 1600 с.
102. Литературный энциклопедический словарь [Текст] / подгот. Е. И. Бонч-Бруевич и др.; под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – 750 с.
103. Лоуренс, Т. Э. Семь столпов мудрости [Текст] / Т. Э. Лоуренс. – М.: ТЕРРА-Кн. Клуб, 2001. – 748 с.

104. Лэйн, Э. У. Нравы и обычаи египтян в первой половине XIX в.: перевод с английского [Текст] / Э. У. Лэйн. – М.: Наука, 1982. – 436 с.
105. Мажарина, Ю. Н. Мемуары как вид публицистического творчества [Текст] / Ю. Н. Мажарина // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2011. – № 2. – С. 199-206.
106. Мальцева, О. А. Семантико-стилистическая интерпретация словесного портрета и повторной номинации в художественном прозаическом тексте [Текст] / О. А. Мальцева. – Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1986. – 87 с.
107. Мартюшев, Л. Н. Существующие концепции исторической науки [Текст] / Л. Н. Мартюшев // История и современное мировоззрение. – 2019. – № 1 – С. 21-30.
108. Маслова, В. А. Числовой код в коммуникации: лингвокультурный образ числа «семь» [Текст] / В. А. Маслова // Ученые записки КФУ им. В.И. Вернадского. Филологические науки. – 2012. – Том 25, № 1-1. – С. 355-358.
109. Медведев, Д. Л. Черчилль и Лоуренс Аравийский [Электронный ресурс] // Персональный сайт Дмитрия Львовича Медведева. Режим доступа: [<https://dlmedvedev.ru/essays/wchurchill/churchill-and-lawrence-of-arabia/>] (дата обращения: 12.06.2024).
110. Мигаль, А. С. Восток учёных: английское исламоведение в эпоху Просвещения [Текст] / А. С. Мигаль // Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2015. – № 1 (185). – С. 44-50.
111. Мигаль, А. С. Концепт восточный деспотизм в представлениях французских просветителей о мусульманском Востоке [Текст] / А. С. Мигаль // Научный диалог. – 2015. – № 11 (47). – С. 150-161.
112. Мигаль, А. С. Образ мусульман в представлениях западноевропейских интеллектуалов XVIII века [Текст] / А. С. Мигаль // История и историческая память. – 2017. – № 15. – С. 34–39.

113. Мигаль, А. С. Образ мусульманского правителя в философских трудах Вольтера и Монтескье [Текст] / А. С. Мигаль // Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2017. – № 3 (195). – С. 71-75.
114. Мигаль, А. С. Османская империя глазами английских путешественников XVIII века [Текст] / А. С. Мигаль // История и историческая память. – 2019. – № 18. – С. 18-28.
115. Минина, О. В., Кукуева, Г. В. Жанрообразующие доминанты речевого жанра «Народные мемуары» в интернет-коммуникации [Текст] / О. В. Минина, Г. В. Кукуева // Язык и культура. – 2016. – № 3. (35). – С. 39-49.
116. Михальская, Н. П. Образ России в английской художественной литературе IX-XIX вв. [Текст] / Н. П. Михальская. – М.: МПГУ, 1995. – 150 с.
117. Монтескье, Ш. Л. О духе законов Монтескье [Электронный ресурс] // Гражданское общество в России: научная электронная библиотека. Режим доступа: https://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye_O%20dukhe.pdf (дата обращения: 09.09.2024).
118. Монтескье, Ш. Л. Персидские письма [Текст] / Ш. Л. Монтескье. – М.: Азбука, 2010. – 352 с.
119. Мухин, Н. А. Место специальной лексики в идиостиле Т.Э. Лоуренса на материале книги “Семь столпов мудрости” [Текст] / Н. А. Мухин // Инязовские чтения совета молодых ученых МГЛУ. – 2024. – С. 137-142.
120. Мухина, Г. А. «Персидские письма» Монтескье и представления об истории [Текст] / Г. А. Мухина // Вестник ОмГУ. – 2009. – № 3. – С. 129-137.
121. Напцок, Б. Р. Синтез ориентализма и «Готической» традиции в сказке У. Бекфорда «Батек» [Текст] / Б. Р. Напцок // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2010. – № 1. – С. 32-38.
122. Насруллаева, М. Х., Ходжакулова, Ш. А. Тема Востока в англоязычной литературе [Текст] / М. Х. Насруллаева, Ш. А. Ходжакулова // Recent Scientific Investigation: proceedings of the conference. – 2024. – Рп. 149-152.

123. Нойманн, И. Б. Использование другого [Текст] / И. Б. Нойманн. – М.: Новое изд-во, 2004. – 335 с.
124. Охотников, Е. С. «Лоуренс Аравийский» как пример переосмысления колониализма в британском кинематографе [Текст] / Е. С. Охотников // Мир Евразии: от древности к современности: сборник материалов конференции. – 2023. – С. 316-321.
125. Пеньков, В. Ф. Политический режим Палестины в эпоху британской колонизации 1917-1948 гг.: политico-правовой аспект [Текст] / В. Ф. Пеньков // Международные отношения. – 2020. – № 1. – С. 51-59.
126. Песнь о Роланде [Электронный ресурс] // Lib.Ru. Режим доступа: <http://lib.ru/INOOLD/WORLD/roland.txt> (дата обращения: 09.09.2024)
127. Петавийский, В. О сотворении мира [Текст] / В. Петавийский // Христианское чтение. – 2011. – № 2 (37). – С. 10-14.
128. Петрышева, О. В. Мемуары кардинала де Реца: традиция и новаторство [Текст] / О. В. Петрышева // Вестник чувашского университета. – 2008. – № 3. – С. 240-245.
129. Пильникова, Е. А. Британская дипломатия в ходе арабского восстания 1916-1918 гг. [Текст] / Е. А. Пильникова // Проблемы науки. – 2018. – № 9 (33). – С. 1-5.
130. Пильникова, Е. А. Лоуренс Аравийский и основные события Арабского восстания в 1917-1918 гг. [Текст] / Е. А. Пильникова // Проблемы науки. – 2019. – № 8 (44). – С. 1-4.
131. Погребная Я. В. История зарубежной литературы. Средние века и Возрождение [Текст]: учеб. пособие; практикум / Я.В. Погребная. – 2-е изд., стер. – М.: Флинта, 2013. – 312 с.
132. Пригарина, А. С. Исповедальная интенция в рамках мемуарного жанра [Текст] / А. С. Пригарина // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. – 2012. – № 1. – С. 108-114.

133. Пронин, С. С. Арабское восстание 1916-1918 гг. в мемуарах Лоуренса Аравийского (к вопросу об образовании независимых государств на Ближнем Востоке) [Текст] / С. С. Пронин // Научно-исследовательская работа обучающихся и молодых ученых: материалы научной конференции. – 2019. – С. 123-125.
134. Романчук, Л. Соотношение истории, легенды и вымысла в романе Вальтера Скотта «Талисман» [Электронный ресурс] // Литература Западной Европы 19 века. Режим доступа: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/articles-eng/romanchuk-sootnoshenie-istorii-legendy.htm> (дата обращения: 21.08.2024).
135. Сагимбаев, А. В. Тенденции и противоречия политики Великобритании на Аравийском полуострове накануне и в годы Первой мировой войны [Текст] / А. В. Сагимбаев // Вестник БГУ. – 2013. – № 2. – С. 1-6.
136. Сайд, Э. В. Ориентализм [Текст] / Э. В. Сайд // СПб.: Русский Миръ, 2006. – 638 с.
137. Самарская, Л. М. Арабский национализм в Палестине в начале XX в. [Текст] / Л. М. Самарская // Вестник МГИМО. – 2019. – № 4 (67). – С. 54-71.
138. Самарская, Л. М. Формирование границ Палестины в период установления британского мандата (1914—1923): дис. [...] канд. ист. наук [Текст] / Л. М. Самарская. – М., 2022. – 183 с.
139. Сидорченко, Л. В. Роберт Саути [Электронный ресурс] // Литература Западной Европы 19 века. Режим доступа: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/articles-eng/sidorchenko-robert-sauti.htm> (дата обращения: 21.08.2024).
140. Скотт, В. Орлеанская девственница, Магомет, философские повести [Текст] / В. Скотт. – М.: Издательство Художественная литература, 1971. – 752 с.
141. Скотт, В. Талисман [Текст] / В. Скотт. – М.: Дет. лит., 1991. – 366 с.
142. Скрябин, В. Ю. Сонет «Озимандия» П.Б. Шелли [Текст] / В. Ю. Скрябин // Litera. – 2023. – № 3. – С. 140-145.
143. Снигирёва, Т. А., Подчинёнов, А. В. Литературные мемуары: два полюса одного жанра [Текст] / Т. А. Снигирёва, А. В. Подчинёнов // Пушкинские чтения. – 2011. – № XVI. – С. 103-111.

144. Соловьева, Н. А. Восток в творчестве Байрона [Текст] / Н. А. Соловьева // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2012. – № 2. – С. 67-79.
145. Сун, Д. Исследования мемуарных текстов в современной лингвистике: краткий аналитический обзор [Текст] / Д. Сун // Филология: научные исследования. – 2021. – № 4. – С. 9-18.
146. Тартаковский, А. Г. Мемуаристика как феномен культуры [Текст] / А. Г. Тартаковский // Вопросы литературы. – 1999. – № 1. – С. 35-55.
147. Тихонова, Т. П. Светская концепция арабского национализма: Саты Аль-Хусри [Текст] / Т. П. Тихонова. – М.: Наука, 1984. – 221 с.
148. Трофимова, О. С. Тема личности и империи в английском кинематографе 1930-80-х гг.: дис. [...] канд. искусствоведения [Текст] / О. С. Трофимова. – М., 2004. – 161 с.
149. Труевцев, К. М. Арабский мир в XX веке: развитие национальной идеи [Текст] / К. М. Труевцев. // Полития. – 2003. – № 3. – С. 104-118.
150. Трыков, В. П. Россия в литературе Франции: учебное пособие [Текст] / В. П. Трыков // М: МПГУ, 2019. – 146 с.
151. Тэн И. История английской литературы. Введение [Текст] / И. Тэн // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. — М.: Художественная литература, 1987. — С. 72–94.
152. Тэн И. Философия искусства [Текст] / И. Тэн // – М.: Наука, 1996. – 352 с.
153. Фомин, А. М. Человек и его легенда: Лоуренс Аравийский [Текст] / А. М. Фомин // Преподавание истории и обществознания в школе. – 2014. – № 10. – С. 13-25.
154. Фомина, А. М. Политическая деятельность Т.Э. Лоуренса после Первой мировой войны (1918-1922 годы) [Текст] / А. М. Фомина // Новая и новейшая история. – 2015. – № 3. – С. 195-206.

155. Хайрутдинов, А. Саймон Окли, познакомивший Запад с мусульманским прототипом Робинзона Крузо [Электронный ресурс] // Исламский, мусульманский сайт – Islam Today. Режим доступа: https://islam-today.ru/blogi/ajdar_xajrutdinov/sajmon-okli-poznakomivsij-zapad-s-musulmanskim-prototipom-robinzona-kruzo/ (дата обращения: 21.08.2024).
156. Хализев, В. Е. Теория литературы [Текст] / В. Е. Хализев. – М.: «Высшая школа», 2004. – 405 с.
157. Хафизова, А. А. Лексика спецагентов как объект лингвистического исследования [Текст] / А. А. Хафизова // Казанский вестник молодых ученых. – 2018. – Том 2, № 4 (7). – С. 56-59.
158. Цветянский, А. В. Ближний Восток в политике Великобритании в 1914-1923 гг.: дис. [...] канд. ист. наук [Текст] / А. В. Цветянский. – Ростов-на-Дону, 2010. – 233 с.
159. Цезарь, Г. Ю. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне: под редакцией М. М. Покровского [Электронный ресурс] // История Древнего Рима. Режим доступа: <https://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1364955005> (дата обращения: 12.09.2024).
160. Чернозёмова, Е. Н. «История Московии» Мильтона. У истоков мифологемы о Русском характере [Текст] / Е. Н. Чернозёмова // Филологическая регионалистика. – 2009. – № 1-2. – С. 108-113.
161. Шамир, И. Предисловие к «Одиссея. В прозаическом переложении Лоуренса Аравийского» [Электронный ресурс] // RuLit. Режим доступа: <https://www.rulit.me/books/odisseya-v-prozaicheskom-perelozhenii-lourensa-aravijskogo-read-467287-1.html> (дата обращения: 09.09.2024).
162. Шаповалов, М. С. Марк Сайкс, Британия и ближневосточный фронт в 1916 году [Текст] / М. С. Шаповалов // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2017. – № 3 (38). – С. 120-126.

163. Шаповалов, М. С. Об истоках корректировки палестинского курса Великобритании в 1929–1930 гг. [Текст] / М. С. Шаповалов // ОНВ. – 2011. – № 2 (96). – С. 13-16.
164. Шаповалова, В. А., Штайн, К. Э. Кавказские Минеральные Воды в описаниях, очерках, исследованиях за 200 лет. Том 2 [Текст] / В. А. Шаповалова, К. Э. Штайн. – М.: ФЛИНТА, 2021. – 730 с.
165. Шаров, К. С. Гендерные коммуникативные стратегии: мужской утилитаризм vs. женская игра Часть 1 [Текст] / К. С. Шаров // Идеи и идеалы. – 2013. – Том 1, № 2 (16). – С. 109-122.
166. Шаров, К. С. Гендерные коммуникативные стратегии: мужской утилитаризм vs. женская игра Часть 2 [Текст] / К. С. Шаров // Идеи и идеалы. – 2013. – Том 1, № 3 (17). – С. 78-90.
167. Шашвердян, Э. А. Причины Геноцида армян [Текст] / Э. А. Шашвердян // 100-летие геноцида армян в Османской империи. Уроки истории: сб. ст. – 2016. – С. 27-31.
168. Юм, Д. Сочинения в 2 т. Т. 2 [Текст] / Д. Юм; Пер. с англ. С. И. Церетели и др.; Примеч. И. С. Нарского. – 2-е изд., дополн. и испр. // М.: Мысль, 1996. – 799 с.
169. Юнгер, Ф. Г. Восток и Запад [Текст] / Ф. Г. Юнгер. – СПб.: Наука, 2004. – 369 с.
170. Юркина, Л. А. Портрет [Текст] / Л. А. Юркина // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины / Л. В. Чернец. – М.: Высшая школа, 2000. – С. 296-308.
171. Юрченко, А. Г. Крепости и замки крестовых походов [Электронный ресурс] // Klex: книжный архив. Режим доступа: <https://www.klex.ru/xс3> (дата обращения: 09.09.2024).
172. Языкова, Е. А. Исламский Восток: взгляд английского интеллектуала Р. Саути [Текст] / Е. А. Языкова // Вестник Марийского государственного

университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». – 2024. – № 1. – С. 71-80.